

всепи́рная исто́рия в романах

Владимир МОСКАЛЕВ

МУДРЫЙ КОРОЛЬ

Всемирная история в романах

Владимир Москалев

Мудрый король

«ВЕЧЕ»

2018

Москалев В. В.

Мудрый король / В. В. Москалев — «ВЕЧЕ»,
2018 — (Всемирная история в романах)

ISBN 978-5-4484-7963-2

В 1179 году французский король Людовик VII перед смертью успева­ет короновать своего единственного законного сына – Филиппа, которому исполнилось лишь 14 лет. Юный король решает обойтись без регентов, править сам, хотя ему досталось плохое наследство: почти половина французских земель фактически принадлежит Англии! Только истинный политический талант: умение находить правильных союзников, выжидать, а в нужные моменты проявлять решительность – помогут королю Филиппу II Августу стать объединителем и устроителем Франции, но переломный 1200 год ещё впереди, а пока юный король учится быть мудрым.

ISBN 978-5-4484-7963-2

© Москалев В. В., 2018

© ВЕЧЕ, 2018

Содержание

Об авторе	6
Предисловие автора	8
Часть первая. Еретичка	9
Глава 1. Гандварт де Марейль	9
Глава 2. Встреча с колдуньей	13
Глава 3. Наемники, или рутьеры	20
Глава 4. Пленница из Компьеньского леса	24
Глава 5. Ночь наследника престола	30
Глава 6. Бьянка	36
Глава 7. «Свинья» в попутчики	45
Глава 8. Королевский двор. Коронация	51
Глава 9. Девочку в постель!	57
Глава 10. Бьянка на повторном «допросе»	61
Глава 11. К собору и обратно	66
Глава 12. Единственная умная фраза у Пьера де Брюи	73
Глава 13. Отец и сын	76
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Владимир Васильевич Москалев

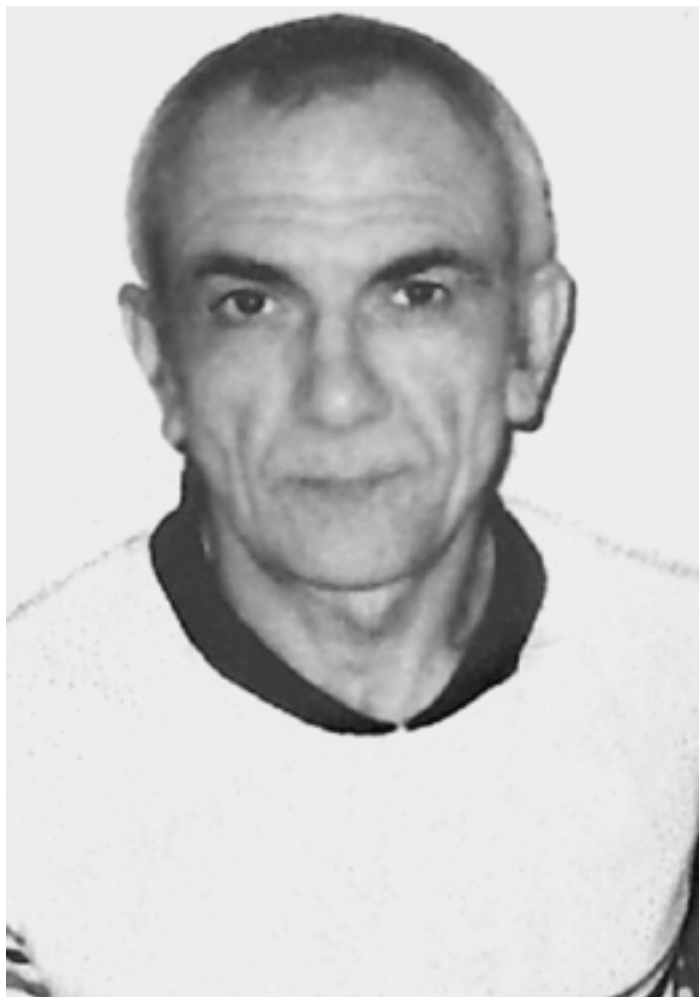
Мудрый король

© Москалев В.В., 2019

© ООО «Издательство „Вече“», 2019

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2019

Об авторе

Владимир Васильевич Москалев

Владимир Васильевич Москалев родился 31 января 1952 года в Ростове-на-Дону. Там прошло его детство. В школу пошел, когда переехали с отцом в Москву (нынешний район Печатники), и в 1969 году окончил 10 классов (уже в Кузьминках). К этому времени относятся его первые литературные опыты – следствие увлечения приключенческими романами. Это были рассказы – наивные, неумело написанные. Именно с них и начался творческий путь писателя, и тогда же им овладела мечта написать исторический роман. Вот как он сам вспоминает о том времени: «Мне было в ту пору 17 лет. Впервые я прочитал „Королеву Марго“ А. Дюма и понял, что пропал. Захлопнув книгу, сказал сам себе: „Клянусь, напишу такую же! Если Дюма сумел, почему не смогу и я? Отныне – вот цель, которой посвящу свою жизнь“». Над ним смеялись, крутили пальцем у виска, прочили ему другое будущее, но все было напрасно. Мысль стать писателем не оставляла его, а жизнь между тем диктовала свои законы.

Надо было куда-то поступать учиться. «Чтобы писать, ты должен хотеть и уметь это делать», – вычитал Володя у кого-то из классиков. Значит, литературный институт. Литературу в школе он не любил, историю терпеть не мог. На этих уроках он засыпал; ему было неинтересно, скучно. С остальными предметами, исключая иностранный язык, дело обстояло не лучше. Как следствие – аттестат запестрел тройками. Какой уж тут институт... Но все же попробовал, в один, другой... Результат, как и полагал, – плачевный. Выход один: работа.

Без специальности, без навыков... Выручила армия. Окончил автошколу ДОСААФ, получил права. Затем поступил в аэроклуб (тоже от военкомата). Днем работал, вечером учился. Спустя два года – пилот запаса ВВС.

Простившись с аэродромами, Владимир вернулся домой. Работал шофером, освоил специальность сантехника. Вскоре пришел вызов из летного училища, и он уехал в Кременчуг, а оттуда по распределению – на Север, в Коми АССР. К тому времени им было написано около 15 рассказов, но начинающий литератор никуда их не отсылал, понимая, что пока это только рабочий материал, еще не готовый к печати. Отточив перо, Москалев начал писать свой первый роман о Генрихе IV и через год закончил его. Отнес главу в одно из местных издательств, там округлили глаза: «Признайтесь честно, откуда вы это списали? Автор текста – кто-то из зарубежных писателей».

Вернувшись в Москву, Владимир отдал рукопись романа в литконсультацию и получил ответ: «Никуда не годится, совсем не знаете эпоху, хотя и обладаете богатым воображением». И он с головой окунулся в XVI век. Днями не вылезал из библиотек: изучал архитектуру Парижа, одежду дворян, их образ жизни, нравы, речь – и читал, читал, читал... Одновременно писал новые рассказы и в который уже раз переделывал старые, продолжавшие ему не нравиться. Первый роман он забросил и написал три новых. Отнес в издательство. Редактор с любопытством полистал рукопись: «Франция? XVI век? Оригинально... Не каждому по плечу. Что ж, попробуем издать». И издали.

Так сбылась мечта. Ну разве опустишь руки? Владимир продолжает много и плодотворно заниматься литературным творчеством. В его писательском багаже кроме романов есть басни о нашей сегодняшней жизни, о людях – хороших и плохих, есть два сборника рассказов, действие которых происходит в России второй половины XX века. Кроме того, Владимир продолжает свое путешествие в далекое прошлое французской истории и пишет пьесы о франкских королях – Хлодвиге, Хильперике I, Тьерри III. Остальные пьесы (а их пять) продолжают эпопею «ленивых королей».

Избранная библиография В.В. Москалева:

- «Великий король» (1978)
- «Гугеноты» (1999)
- «Екатерина Медичи. Последняя любовь королевы» (2001)
- «Варфоломеевская ночь» («Свадьба на крови») (2002)
- «Нормандский гость» («Гуго Капет», ч. 1, 2014)
- «Король франков» («Гуго Капет», ч. 2, 2014)
- «У истоков нации. Франки. Пять королей» (пьесы, 2015)
- «Истории о былом» (рассказы, 2015)
- «Два Генриха» (2016)

Предисловие автора

Историю любой страны не надо сочинять. Просто, когда пишешь книгу, добавь немного того, что вполне могло быть и что не вызовет недоверия у читателя. Пользуясь этой формулой, я приступил к работе над романом. Признаюсь, поначалу мне казалось, что она не будет представлять особых трудностей. Но корней у дерева обнаружилось слишком много, и чтобы его свалить, пришлось оголить их в гораздо большем радиусе и углубиться в почву на значительную глубину, добираясь до самых отдаленных корневищ. Однако что смог бы сделать я один, без помощников? О, их было много, список окажется длинным. Но особо хочу выделить тех, кто, на мой взгляд, оказался самым «сильным» в изложении событий, мимо которых мне было не пройти. Это, безусловно, Ашиль Люшер, за ним два титана – Э. Лависс и А. Рамбо, Пол Рид и, наконец, мною весьма уважаемая и горячо любимая Наталия Басовская. Боже, какая умница! Как тонко она умеет подметить нужную деталь и преподнести ее автору именно в тот момент, когда он остро в ней нуждается, стоя на перепутье, не зная, в какую сторону повернуть. Какой ум, какая эрудиция! Что за бесценное сокровище эта женщина-историк, единственная и неповторимая! Другой такой у нас нет.

Спасибо Вам огромное, Наталия Ивановна! Кланяюсь Вам до земли и целую Ваши руки, написавшие замечательную книгу «Столетняя война: леопард против лилии», которая мне очень помогла и поможет в дальнейшем.

Владимир Москалев

*Великие люди не делают истории, но они – ее неотъемлемая часть,
и история без них не может совершаться... или она совершается плохо...
М. Дрюон*

Часть первая. Еретичка

Глава 1. Гандварт де Марейль

Было это во французском королевстве, в 1179 году. Стоял август – теплый, безветренный, но с прохладными уже ночами. Давно, по весне, отгремели грозы, и дождь, если собирался, лил, высылая вперед насупившиеся тучи без молний.

В один из сухих, но нежарких уже дней, на дороге, ведущей из графства Суассон в Шато-Тьерри, из-за поворота показался всадник. Конь – темно-гнедой с подпалинами – шел шагом. Увидев куст сочной травы, останавливался, косил взглядом назад. Уловив молчаливое согласие человека, опускал голову, жевал траву.

Всаднику, похоже, было не до коня. Да и не весел он был: глаза печальны, губы тонко сжаты, лоб прорезан горизонтальной складкой. Ладонь покоилась на рукояти меча, другая сжимала вставленное в стременную петлю копьё. За спиной у всадника щит, на ногах золотые шпоры. На нем кольчуга, плащ, к седлу подвешен шлем. Достаточно этого беглого взгляда, чтобы понять: рыцарь перед нами. Кто – неизвестно. Куда едет и зачем – и того непонятнее. Красив: прямой нос, светло-зеленые глаза, волевой подбородок, темно-соломенный цвет длинных, чуть не до плеч, волос. Помимо всего этого, сзади, у крупа коня, висит котомка. Хилая. Небогат, видно, рыцарь. А лет ему – чуть больше двадцати.

Но вот он натянул поводья, – впереди, на краю рощи, виднелся постоянный двор. Три человека вошли туда: вилланы, графские лесорубы – кто знает? Раскрылись и закрылись двери за ними. Всадник, не раздумывая, тронул коня. Направление – на эту харчевню.

Войдя, он застал всех троих уже за столом. Они оказались рыбаками – по указу сеньора ходили на реку ставить сети. С ними сидел еще один, по виду крестьянин. Незнакомец, сев вначале поодаль, вызвался присоединиться к компании. Все четверо удивились. Замолчав, обменялись недоуменными взглядами. Потом один из них, одетый в домотканую серую полотняную рубаху, произнес:

– Что ж, коли не брезгует рыцарь, нам места не жалко.

Второй – в латаной-перелатанной черной куртке из оленьей кожи – прибавил:

– Оно так, да беседа наша, думаем, не для ушей знатного господина.

– Ерунда, – возразил на это рыцарь, – все люди равны. Так повелел Господь. Серв ты или князь – всех создал Бог из одной и той же глины.

– Видать, ты, рыцарь, не из благородных сеньоров, – подал голос крестьянин в серых штанах и рубахе, опоясанный веревкой. – Нечасто встретишь, но бывает. Ты, видно, небогат, да и не похож на остальных. Те считают себя от бога, а нас – от сатаны. Кто мы для них? Всего лишь низшие создания, которых можно безнаказанно грабить, жечь, убивать.

– Презирают виллана и горожанина, – высказался третий рыбак, – откровенная вражда и ненависть к нам у господ. А ведь наш труд позволяет им жить. Что они без нас? Кто вспашет им землю, соберет урожай, станет давить для них вино, выкармливать свиней?

– Отвращение господ к людям низшего класса – вот тот мир, в котором нынче живут люди, – мрачно произнес рыцарь.

– Богачи, хотел ты сказать, – поправил его рыбак. – Но ты не из их стада. Однако у тебя конь, меч, копьё, сам в доспехах. Выходит, ты странствующий рыцарь и всё, что имеешь, возишь с собой?

– А может, ты ищешь побед, чтобы принести их даме своего сердца, как это нынче принято у многих олухов, потерявших голову от любви?

– Мало того, любви к жене своего сеньора! – поддержал его приятель. – Честное слово, окажись я на месте муженька, мигом скрутил бы голову такому полубовнику. Ишь чего выдумал! Будто мало ему вдов и девиц. Так нет, подавай ему мою жену!

– Все от безделья, – проворчал крестьянин, поднося кружку с пивом ко рту. – Заставь-ка его горбатиться на земле да бегать за скотиной, накормить, помыть, постирать – ему тогда не до любовных шашней будет. Упасть да уснуть – вот мечта, а потом встать ни свет ни заря – и в поле: за плугом ходить, землю ворочать. А так, что же, приехал, обобрал меня и сидит себе пирует в своем замке. А надоест – так на охоту по полям, по росткам, что едва вылезли из-под земли. Или быются на турнирах, удалю своей бахвалятся.

– А кроме них еще управляющий, священник, лесник, – поддакнул рыбак. – И каждый в этой своре настоящий грабитель. Управляющий грозился повесить Гаскелена. Он уверяет, что по следу просыпанного зерна от амбара господина они дошли до сада бедного виллана. Тот взмолился, что невиновен, но его не стали и слушать. Только когда он дал управляющему десять ливров, тот оставил его в покое.

– А местный священник? – подал голос другой рыбак. – Вот уж собака не из последних. Он обвинил беднягу Констанана, будто тот женат на собственной куме. Констанана отлучили и выгнали из храма, но намекнули, что дело можно исправить. Тот дал священнику несколько ливров, и святоша снял отлучение.

– Был еще лесник, – напомнил рыцарь. – Дошел до того, что обвинил виллана в нарушении закона. Тот якобы срубил в хозяйском лесу три дуба. Потом стал угрожать мечом и забрал у виллана трех быков. Но и этого мало: потребовал заплатить ему сто су, пока дело не дошло до суда.

– И что же? – спросил крестьянин. – Отдал бедняк деньги или его судили?

– Судить вознамерились тех, кто повесил жадного лесника. Но виновных не нашли. Теперь уже не найдут, коли вы, почтенные, будете держать язык за зубами.

– Да неужели же?... – высказал предположение один рыбак и перекрестился, во все глаза глядя на рыцаря. – Уж не ваша ли милость тут вмешалась?

– Я давно имел на него зуб, а жил он на землях моего отца.

– Да ведь это же замок Марейль! Там жил лесник...

– Я и есть рыцарь де Марейль, а имя мое Гандварт или попросту Гарт. Так зовут меня друзья.

Некоторое время в заведении царило молчание. Собеседники молча, переглядываясь, во все глаза глядели на рыцаря, словно не веря, что перед ними именно он. Один из них произнес с оттенком восхищения:

– Так ты сам Гарт де Марейль? Доблестный, храбрый рыцарь, защитник бедных? Тот, кого считают лучшим бойцом во всей Шампани? Тот, с кем бояться встречаться один на один?

– Молва несколько преувеличена, – улыбнулся Гарт, – хотя, не скрою, меня хорошо обучили ратному делу. А ведь я был каноником. Но решил бросить это занятие и стать бойцом. У меня были прекрасные учителя конного и пешего боя: Симон де Бетюн, Эврар де Вольмар, Кайрель. Двое из них стали рыцарями ордена Храма, а один нашел жену и живет теперь близ Валуа.

– Коли так, мы рады приветствовать тебя, доблестный и славный рыцарь, – сказал один из рыбаков, остальные вторили ему. – Ходят слухи, тебя побаивается сам король, зато труверы слагают в твою честь баллады, а старая Эрвина мечтает с тобой встретиться.

– Старая Эрвина? – переспросил Гарт. – Кто это и что ей от меня нужно?

– Как женщине, ей от тебя ничего не нужно, – усмехнулся крестьянин. – Говорю же – старуха. Она родилась, когда Людовик Толстый¹ воевал против Генриха Первого, сына Виль-

¹ Людовик VI Толстый (1081–1137) – французский король (1108–1137). (Здесь и далее примечания сделаны автором.)

гельма Завоевателя. Потом, как говорят, была в любовницах у нашего короля. Только недолго: у него появилась женушка, сто чертей ей в глотку. Да кто не слышал об аквитанской шлюхе? А ведь Эрвина предупреждала короля: быть беде с этой сучкой, приведет она обе державы – Англию и Францию – к нескончаемой войне. И реки крови потекут по франкской земле.

– Что же она, колдунья, коли предсказала это? Ведь и в самом деле счастья не видел с ней король.

– Какое же счастье! Нынешний ее муженек, англичанин, вон какую державу заимел на нашей земле. Эта кобылица ему подарила. Должно, раз в пять больше владений нашего короля стала его территория. Да и крестовый поход, люди говорят, провалился опять же из-за нее. Ох и вытворяла же там чудеса эта бестия! Мало того что погубила поход, она еще и умудрялась заирать подол не только перед своими рыцарями, но, слышно, спала даже в шатрах у сарацин! Тьфу! Чтоб ей, собаке, пусто было. До такого опуститься: лобзаться с неверным! Как ее не рвало при этом! Как у нее между ног все не отсохло!

– Оставим бывшую королеву Элеонору, не о ней речь, – перебил Гарт. – Ты начал о старухе. Скажи, кто она, – правда ли ведьма? И чего она ищет?

– Ничего. Ходит себе по земле да, говорят, чары напускает на людей: злым – смерть скорую вещает, а добрых благословляет как родная мать. После этого, толкуют, человек долго живет, а вот тот, первый, вскорости и кончается. Еще врачует умело. Бывает, ищут ее, когда лекари бессильны. Только разве найдешь ветер в поле?

– Но есть же у нее дом. Где-то ведь она живет?

– Никто не знает. Зверем лесным ходит по земле. Кому ведомо, где ночует зверь?

– Значит, говоришь, она вещунья?

– Истинно, сеньор. Дьявол, что ли, сидит в ней, только говорит наперед, да так и выходит. Идем как-то к колодцу, глядь – и она поодаль, смотрит на нас и рукой машет. Оторопели мы поначалу, потом к ней подошли. А она вытянула руку в сторону колодца и сказала, что нельзя пить из него: вода кем-то отравлена. Бандой, должно быть, что решила известить вилланов сеньора, с которым она враждовала. Зной донимал людей, пить всем хотелось, да не посмели послушаться старухи. А она повернулась и исчезла, как и не было ее. Один из нас, неместный, все же не поверил, посмеялся только, выхватил ведро из колодца да и напился вволю. Глядим – ничего ему не сделалось, стоит себе, смеется. Кинулись мы тогда к колодцу, да пару шагов не дошли, как упал наш товарищ, схватившись за живот, и испустил дух.

– А однажды, – продолжал один из рыбаков, – пришла она в деревню, да и стала уговаривать людей немедля покинуть это место. Но никто не ушел, только выпучили глаза, глядя на старуху. А она возьми да и скажи, что рыцари скоро поскачут здесь, все предадут огню и мечу. Лишь несколько человек поверили ей, ушли подальше в лес. Остальные остались. Вдруг, откуда ни возьмись, появился конный отряд. И порубили рыцари всех, кто не ушел, и сожгли весь поселок.

– Церковь всё мечтает добраться до старой Эрвины, уверяет, будто ведьма это и гореть ей на костре. Да только поймать не могут. А люди, что видели ее, молчат, хоть и знают, в какую сторону направилась.

– Она у нас святая, мы ее бережем, – прибавил крестьянин. – Встретишь ее, рыцарь, так не обижай. Горе у нее большое, как говорят. Детишек своих она потеряла, всех до одного. Вот и бродит теперь как неприкаянная да цветами украшает могилки деток своих.

– На что же она живет? – крайне удивленный, спросил Гарт. – Чем питается?

– Милостыню просит на дорогах, в городах, у церквей. Попы не узнают ее, – так умеет превратиться в богомолку, каких много повсюду.

Помолчали. Гарт неожиданно вспомнил:

– Так зачем желает она меня видеть? Уж не предсказать ли что хочет или навести на клад с сокровищами короля Дагобера? Недурная вышла бы встреча.

– Кто способен, рыцарь, заглянуть в тайные извилины ее ума? Не старуха – загадка. Узнаешь разве, что и кому скажет? Богом дан ей дар ворожбы, коим ни один смертный не владеет. Но, по правде сказать, опасаются люди встречи с ней. Глаз у нее, поговаривают, как есть око Вельзевула: взглянет недобро, так считай, что пора к священнику на последнюю исповедь, дабы отпустил тебе грехи твои.

– А если ласково глянет?

– То лишь ей подвластно, – вздохнул рыбак. Потом прибавил, оглядевшись на всякий случай по сторонам: – Только разве может быть у ведьмы ласковый взгляд?

И, сказав так, перекрестился. За ним все трое. Один Гарт не поднял руки, объяснив:

– Не пристало рыцарю бояться женщины. А ведьм не бывает. Их выдумали попы. Так учила меня моя добрая кормилица, упокой господи ее душу.

Тут он осенил себя крестом.

– Куда же ты теперь, странник? – спросил рыбак. – Может, к королю? Сегодня у него важная дата: юный принц Филипп достиг совершеннолетия, а завтра, пятнадцатого, в день Успения Богородицы, придворное общество направится в Реймс. Мальчишку коронуют. Ты тоже можешь попасть туда, если окажешься на Реймской дороге. Отсюда до нее не так уж далеко. Скажи, видел ли ты когда-нибудь принца Филиппа?

– Пока не довелось, – развел руками Гарт.

– А его отца Людовика?

– Да, когда закладывали первый камень в основание собора Богоматери. Там были еще епископ Сюлли и папский легат. Но я плохо помню лица: совсем маленьким был тогда.

– Вот и посмотришь теперь на обоих сразу. Слышал ли, Гаусельм, – обратился рыбак к своему приятелю, – король вздумал охотиться. И когда же? Именно сегодня и в здешних лесах! Будто не найдется для этого другого времени. И что за причуды бывают у королей?

– Не случилось бы чего на этой охоте, – многозначительно промолвил Гаусельм. – Занятие вовсе не безопасное, каждый знает. А тут единственный сын! Было бы хоть два – не так страшно. А то ведь остальные все бабы. И выпало же такое нашему королю. Три жены! И лишь третья подарила наследника. Наша королева, из Шампани. Ему бы, Людовику-то, сразу к ней, а он – Аквитанию ему, видишь, подавай. И остался с носом – без Аквитании, без жены и без сына.

– Да, страшная штука охота, – держал прежнюю нить беседы другой рыбак. – Сколько уж господ погибло этак. А наш-то – совсем юнец!.. Упаси Всевышний нашего юного короля. Помолимся, друзья, за него.

И вся компания, шепча молитву, широко и дружно перекрестилась.

Поев и выпив, четверо собеседников разошлись по своим делам. Гарт отвязал повод и не спеша тронул коня по дороге на Компьень.

Глава 2. Встреча с колдуньей

Гарт ехал и вспоминал, как совсем недавно близ Лана ему довелось наблюдать сцену сожжения еретика. Того привезли в карете как преступника, как матерого злостного убийцу. Площадь кишела народом, любопытным до такого рода зрелищ. Слышались крики негодования в адрес иноверца, но редкие, негромкие. Чаше, но тише высказывались, ругая святую Церковь, применяющую такие бесчеловечные методы вместо того, чтобы вернуть заблудшую овцу в стадо Христово или, коли она упорствует, заключить в тюрьму.

Гарт поинтересовался тогда, кого это выводят из клетки с цепями на руках. Кто так гордо, независимо и даже с улыбкой смотрит поверх голов своих палачей и уверенно, смело идет вперед, будто не столб с кучей хвоста ожидает его, а царствие небесное, откуда Господь протянул уже к нему свои ладони? Ему ответили, что это один из тех, кого называют страшным словом «катары». Он пожелал узнать, кто они такие; вместо ответа ему указали на столб, куда уже привязывали осужденного. К нему подошел священник с распятием, просил отречься от ложной веры. Но еретик лишь улыбался и смотрел в небо, словно там был написан ответ, который проложит ему дорогу в райские кущи. Наконец, когда задымил хвост у него под ногами и рванулись кверху нетерпеливые, жадные языки пламени, он закричал на провансальском языке, и это был его последний в жизни крик:

– Я не боюсь смерти! Душа вечна и создана Богом, а тело – демоном. Оно – ничто! Ваша Церковь не является Церковью Бога; она есть община жуликов, погрязших в пороках. А ваш папа – наместник не Христа, а сатаны, ибо он создал этот мир зла, а вовсе не Бог! Дьявол создал человека, и Церковь наша чиста...

Но захлебнулся голос, перешедший в сдавленный крик. Огонь и дым разом обволокли несчастного катара, и он замолчал навеки, а глаза его до последнего вздоха были устремлены в небо. Потом потухли, и голова упала на грудь...

Вспоминая эту казнь, Гарт предался размышлениям. Усталое августовское солнце лениво освещало поляны по обе стороны тропы; вяло шевелящие листьями дубы и вязы провожали всадника, глядя ему вслед, а он, устремив взгляд промеж ушей коня, силился разгадать загадку. Катары. Кто они? Он знал, они с юга. Оттуда, из Альби и Тулузы веет ветер ереси. Чего они хотят? Этого Гарт не понимал. Зачем восстают против Церкви? И это оставалось неясным. Не боятся смерти... Легко восходят на костер. Во имя чего? Новой религии, которая, как они полагают, сильнее и чище? Но что даст их ничтожный глас? Призыв к восстанию? Может, они собираются возглавить новую Церковь, поднять массы и идти на свержение католицизма – насквозь продажного, прогнившего и лживого, как сами они утверждают? Но их убеждения! Каковы они? Во что они сами веруют? Не в Бога, а в дьявола, который создал этот мир? И люди верят им, потому что мир этот несовершенен, в нем царит зло. Кто богаче, тот сильнее, а значит, простолюдины всегда останутся бесправными, гонимыми, притесняемыми – теми, кого знать считает ничтожным, грязным классом... Значит, они Бога не признают? А может, думают, Его нет? Выходит, они безбожники, и за это их травят, убивают, сжигают на кострах? ...

Что-то непонятное обозначилось неожиданно впереди, чуть левее, шагах в пяти. Гарт повернул голову. Человек стоит – в темном одеянии, капюшон на голове. Старый человек, ошибиться невозможно. Паломник? Путник? Нищий? Может, монах? Поравнявшись с ним, Гарт натянул поводья. На него испытующе, не мигая, но не зло глядели два черных глаза. Ниже их – впалый рот, лишенный доброй половины зубов.

Так они оба с полминуты глядели друг на друга, ни один не двигаясь дальше. Гарту стало любопытно. Он чувствовал – не обычный это путник и неспроста появился, как гриб из-под земли вырос. На ум почему-то пришла легенда о короле Артуре. Уж не Мерлин ли это перед

ним, благодушный чародей? Тот тоже был стар. Заточила его навсегда в подземной пещере фея Моргана. Может, померла, и вышел из плена добрый волшебник Мерлин?

– Кто ты? – спросил Гарт. – Как оказался здесь и почему стоишь у меня на пути?

Вместо ответа незнакомец выпростал из-под балахона руку и протянул ее к всаднику:

– Бога ради и во имя владычицы нашей прекрасной Геры! Не дашь ли монету бедному страннику?

– Так ты женщина? – удивился Гарт, услышав голос. Не медля спешился, подошел, слегка поклонился. – Вот уж не ожидал. – И усмехнулся: – Думал, Мерлин. На, возьми, добрая женщина. – И Гарт вложил в руку нищенке свой кошелек. – Там около сорока су. А больше у меня ничего нет, даже хлеба на дорогу.

Не сводя с него глаз, женщина взяла кошелек, взвесила на руке.

– Как же сам обойдешься без денег? – спросила. И прибавила: – Рыцарь, вооружен, на коне – и без единой монеты.

– Тебе они нужнее. А я уж обойдусь. Повезет – встречу кого-нибудь на пути, а нет, так... Но отчего ты так пристально меня разглядываешь? Розы на мне не растут, а по возрасту я тебе не пара.

– Красавчик ты, рыцарь, вот почему гляжу, – неожиданно улыбнулась старуха. – Не удивляйся. Любуюсь. И я ведь когда-то была молода. А нынче – лет сорок скинуть бы мне – мой бы ты был и не уйти тебе от меня. В огонь за тобой пошла бы. Кроме того, что хорош собой, еще и вежлив. Другой не счел бы нужным сойти с коня, а ты подошел, деньги отдал, да еще и поклонился при этом старости моей...

– Милосердие – первейший долг рыцаря, – ответил ей на это Гарт, – а уважению к старости меня учили с юных лет. Сами когда-нибудь будем такими. Так говорили отцы Церкви, где я обучался наукам.

– Присядем. – Она указала клюкой на поваленное дерево. – Зачем стоять?

Помолчав некоторое время, старуха снова заговорила:

– Я задам тебе еще вопрос, а потом назову твое имя. Угадать нетрудно, – я давно поняла, кто передо мной. Но скажи, ты не трувер ли? Развелось их нынче. Бездельники. Сочиняют свои канцоны и сирвенты, веселят баронов в замках, тем и живут.

– Я не трувер. А ремесло это, кстати, не хуже любого другого. Каждый по-своему зарабатывает свой хлеб. Ты просишь милостыню, он сочиняет и поет песни.

– Что ж, – согласно кивнула старуха, – среди них есть неплохие ребята – бьют по церковникам, не щадят даже папу. Но подвизаются на этом поприще и негодяи, мечтающие кружить головы замужним дамам или петь вообще черт знает о чем, – что в голову взбредет. А есть такие, как Бертран де Борн. Он барон и как воин прославляет войну. Но как человек из знати ненавидит сервов, вилланов и горожан. Они для него вроде навоза. Послушай-ка, что он пишет:

Если причинят виллану
Вред, увечье или рану,
Я его жалеть не стану, —
Недостойн он забот.
Кто своих вилланов холит
И им головы позволит
Задирать, – безумен тот.

Мерзавец! Ни во что не ставит вилланов и любит войну, а сам едва держится в седле. Попадись он тебе, ты бы живо душу из него вытряс.

– Как знать, – возразил Гарт, – быть может, он одержит верх в честном поединке.

– Никогда! С тобой не сравнится ни один. Ты выбил из седла самого графа Вермандуа, а за ним его сенешаль. Лучшие были бойцы на турнире в Жизоре. Ведь ты Марейль и тебя зовут Гарт, я сразу догадалась. Слава о тебе бежит по землям короля и Генриха Шампанского, его шурина. А я Эрвина. Слышал, быть может? И я давно искала тебя.

– Зачем?

– Скажу, не торопи. Про тебя много знаю, знаешь ли ты обо мне?

– Слышал, ты мудра, добра, людей лечишь. Вещуньей зовут тебя, еще колдуньей. Говорят, заговоры знаешь, видеть вперед можешь.

– Мудрость веков должен человек вобрать в себя, тогда и видеть сможет то, что иным неподвластно.

– Как жить тебе удастся, Эрвина? Где обитаешь? Почему видят тебя то там, то здесь, да легенды о тебе складывают? Кто ты, откуда, что делаешь на земле?

– По свету брожу, за людьми слежу, – уклончиво ответила старуха. – Жадный не глядя мимо пройдет, добрый всегда монетку найдет.

– И много ли видела жадных?

– А мало ли замков и попов вокруг?

– А добрых?

– Немного. Торговцы да рыцари. Те никогда не скупятся. Не все, конечно, есть среди них богачи. Известно: человек тем скупее, чем богаче. Ты, рыцарь, не того покроя.

– Куда мне. Всего богатства – конь, меч, щит и копье. Жизнь мою берегут, а пуще всего – честь.

– Не тужи, рыцарь, и знай: будет у тебя богатства вдоволь.

– Ни к чему мне оно.

– Само придет, не отпихивай только. К богатству добудешь славу, силу, обретешь могущественных друзей. А даст все это тебе твой хозяин.

– Мой хозяин? – удивился Гарт и усмехнулся. – У меня его нет и никогда не было.

– Вы встретитесь, – убежденно проговорила старуха. – Поймаешь раненого олененка, отбившегося от матери, сумеешь поставить его на ноги – королем станешь управлять. Не скрою, наживешь себе врагов, но умный хозяин защитит своего слугу. Лишь не задирай носа. Помни: гордыня – первый грех человека, его же и гибель. Нынче королевская охота. Не шанс ли твой, рыцарь де Марейль? Король стар. Но со старостью приходит мудрость. Правда, не ко всем. Людовик, как видно, совсем в разладе с умом. Кого он собирается короновать завтра в Реймсе? Одну из своих пяти дочерей?

– У него есть сын, принц Филипп. Наш будущий король.

– Кто знает, выпадет ли одно очко, если бросить кость с шестью цифрами на гранях. Тот, кто рискует последней монетой, может лишиться всего. Лишившись, ляжет в смертельной горячке, да и не поднимется больше.

– О чем ты, Эрвина? Не пойму я тебя, – честно признался Гарт.

Старуха повернулась к лесу Кюиз-ла-Мотт и долго глядела в его темную глубину, словно ища ответ в тени кустарников и вековых деревьев, шумящих своими вершинами. Потом сказала, да так, что голос ее показался Гарту зловещим, словно предрекающим чью-то гибель:

– Слушай воздух, повинуйся голосу сердца. Оно подскажет тебе, чтобы не покидал ты сегодня этих мест. Грядут великие события, сеньор Марейль, и направлены они в твою сторону. Не прячься от них и не сторонись. Лев рыкающий, что славу и честь державе франкской несет, рядом, так не дай же в обиду льва, ибо в пропасть может упасть он, из которой не выберется. Слышала я, рожден ты под созвездием Стрельца. Звезды советуют тебе в этот день смело идти навстречу всему, что встретишь на пути.

Старуха замолчала. И снова, переведя взгляд с лица Гарта, впиалась глазами в далекую, угрюмую громаду леса на горизонте. Что она увидела там? Куда, в какие дебри пытался про-

никнуть пылливый взгляд ее черных колдовских глаз? Какую тайну хранил этот лес, о которой, по-видимому, было ведомо только ей, этой старой женщине, из-под капюшона которой выбились и трепетали на ветру седые волосы? Ответ знала сама Эрвина. Знала или догадывалась? Для Гарта это осталось загадкой. Одно он понял: эта женщина сказала всё, что хотела ему сказать.

Он собрался уже проститься с ней, как она снова заговорила, взяв его за руку. Пальцы ее были холодные, костлявые; Гарту показалось, будто она вознамерилась вытянуть из него жизненные соки, столь цепко она вцепилась ему в запястье.

– Встретимся мы еще с тобой, и не раз; поймешь скоро, что сказала тебе сегодня, и благодарить будешь. А теперь послушай. Хочу, чтобы знал ты обо мне. Думаешь, глядя на меня, – чего эта старуха всё ходит по земле? Чего ищет? Не смерти ли своей? Может, и так, никому от нее не уйти. Да только меня она обходит стороной: не любит неприкаянных. А это мой крест пожизненный.

– Догадываюсь, согрешила ты в своей жизни, приговорена к вечному покаянию, которое не принимает ни один духовник. Отсюда неприкаянность твоя. Так ли понял тебя, мать?

– Истинно, – тихо ответила Эрвина, опустив руку. – Любовь всему причиной. Случилось так, что овладел мною как-то в беспамятстве зять, муж моей сестры. Опомнилась я, да было уж поздно. А потом и разошлась игра наша не на шутку. Но всему на свете приходит конец. Нас выследил один негодяй, донес клирику, тот – епископу. Что было дальше – и вообразить невозможно. Оказалось, существует каноническое право, принятое Орлеанским собором, и применимо оно как раз в этом случае. Тот, кто познал сестру жены, не имеет отныне права выполнять свой супружеский долг, ибо изменой сделал свою жену неприкасаемой. Кроме того, он не имеет права жениться вторично. Супруга же его может сочетаться перед Богом с кем хочет, но только после смерти мужа. Что касается меня, то я была навсегда лишена всякой надежды на брак и приговорена Церковью к пожизненному покаянию.

– Его, как я понимаю, не примет ни один священник, – заметил Гарт.

– Папство плодит законы изуверов, – горько промолвила старуха, опустив голову. – Что оставалось мне? Только уйти, вконец рассорившись с сестрой. Однако дело можно было поправить, и я сделала так, как она меня просила.

– Ты убила ее мужа? – догадался Гарт.

– Я подсыпала яду ему в питье и освободила сестру. Она снова вышла замуж, но, дабы не заподозрили ее, рассказала обо всем канонику. Меня едва не схватили, все же я успела уйти. Такова была благодарность сестры. Но я ее не виню, ибо во всем виновата сама. Точнее, виновен ее муж, который воспользовался моей беспомощностью, прекрасно зная, что за этим последует. Я пробовала сопротивляться, но не смогла устоять перед силой. Убив его, я отомстила ему за себя, хотя и осуждена на вечное покаяние. Так я и уйду нераскаянной в глазах Церкви в царство теней.

– Царство теней, по верованиям язычников, – Аид, подземное царство мертвых. Его нет, есть рай и ад. Так установлено Богом.

– Да, рыцарь, – сдвинув брови, мрачно молвила Эрвина, – в этом ловко убедили глупцов, населяющих эту грешную землю.

– Ты что же, придерживаешься иной веры? – удивленно спросил Гарт. – Может быть, ты язычница и посещаешь капище, где молишься своим богам?

– Я верю в силу человека и его разум, – твердо ответила старуха, смело глядя в глаза собеседнику. – Когда-то, как и все, я возносила молитвы Богу, посещала церковь, слушала мессы. Теперь все в прошлом. Прозрение снизошло на меня однажды, когда я была молодой и имела детей.

– Так у тебя были дети? Где же они теперь? Может быть, ты странствуешь по свету, мечтая их найти?

– Из царства мертвых не возвращаются, – глухо произнесла Эрвина. И продолжала – скорбно, с грустной улыбкой, тронувшей уголки ее губ: – Я закончу, раз уж начала. Как знать, доведется ли вновь излить тебе душу. Тебе, благородный рыцарь, не удивляйся. Больше никому. Считай, одна я осталась на свете. Сестра еще в Амьене. Одно время жили мы с ней у датчан; их язык хорошо знаю.

– Ты поведешь страшный рассказ, Эрвина, – обнял ее за плечи Гарт. – Знай, он останется в моем сердце и не коснется ничьих ушей.

– Я верю тебе, как верила много лет тому назад каждому слову моих славных деток, которые не успели еще стать людьми. Мой маленький сын (тогда я уже была вдовой) заболел, когда ему было всего пять лет от роду. Врачи не знали, чем помочь, и стали уверять меня, что надо молиться Господу, который услышит и непременно поможет выздороветь моему малютке. Вняв их увещаниям, я целыми днями молилась, падала ниц в ногах Христа-Спасителя, слезами обливала образ Пречистой Девы, матери Его. Но никто не услышал меня. Мальчик мой умер, успев в последний раз протянуть ко мне свои ручонки и прошептать: «Мама, мамочка, не уходи...»

Слезы заструились по щекам матери, задрожали губы, а руки легли на грудь, к которой давным-давно из последних сил тянулись худые, слабые ручки ее умирающего сына.

– Три дня я проплакала у него на могилке, – продолжала она. – Там и осталась бы, если бы не мои дочери, приносившие мне еду и питье... А скоро наступил голод. Совсем обнаглели бароны, вытоптали все наше поле, и мы остались без хлеба. Стояла суровая зима. Топить было нечем. Гибли люди, звери. Подкралась смерть и к моей младшей девочке. Я – к священнику, просила его дать хоть немного муки, чтобы накормить дочь. Но он отвечал: «Бог подаст» и советовал молиться Всевышнему, авось Он не оставит нас в беде. Но не помогли мои молитвы: умерла вскоре моя девочка. А тут еще этот поп: «На всё воля божья!» Я едва не бросилась на него с кулаками. Воля?! Какой же он Бог, если позволяет умирать детям? Ведь Он всемогущ! Так, кажется, внушают пастве с церковных трибун?...

Сидя меж двух могил, я вспоминала, как моя доченька приходила и кормила меня здесь, чтобы я не умерла с голоду. А вот теперь и она вместе с братом... Оба лежат рядышком, и слез моих уже не осталось, чтобы выплакать все мое материнское горе.

Эрвина снова опустила голову. И уже не замечала, как слезы одна за другой падали на тропинку у самых ее ног и умирали в сухой, истоптанной многими ногами, земле. Гарт хмуро глядел на эти капли и думал: как могла эта женщина пережить такую трагедию? Как вынесло ее сердце столько страданий? Знал – люди говорили, так же плача – нет страшнее горя, чем хоронить своего ребенка. Не так давит боль, когда отец, мать, брат или еще кто... Но твое дитя! Радость всей жизни твоей! Счастье твое, которое тобою же навечно похоронено в сырой земле, куда уж не достать тебе ни руками, ни взглядом. Лишь сердцем, которое, каждый раз проникая на глубину к маленькому гробику, отдает день за днем свою силу и быстро стареет, угасая и тихо готовясь к своему последнему пути – туда же, к гробикам, на глубину...

Снова услышал Гарт печальный голос Эрвины. И подумал: «Неужели еще не всё?»

– А через год нашла свою гибель и моя последняя, старшая дочь. Налетели рыцари, схватили ее, кинули через седло да и умчались, дико хохоча. Бросилась было я, спасти хотела дитя свое, да один из них вынул меч и ударил меня по голове. Не достал. Зарубить хотел, но не вышло. Упала я на землю горькую, и потекла по ней моя кровь попеременно со слезами. Потом подняла голову, поглядела... да только пыль на горизонте увидела, услышала топот копыт и жалобные крики моей девочки. Тут бы и кончился мой жизненный путь, кабы не односельчане. Подняли они меня, отвели, умыли, уложили в постель. Не знаю, сколько времени пролежала я, мечась в бреду и призывая проклятия и кару Божью на тех рыцарей. Только и в этот раз не помог мне Бог. Гуляют те рыцари, пьянствуют, войны свои бесконечные ведут... а о доченьке

моей я больше никогда и не слыхала. Лишь отметка осталась у меня от той встречи, как память о последнем дне, когда мы виделись с нею. Вот она. Посмотри.

С этими словами старуха сдернула капюшон с головы, и Гарт увидел старый страшный шрам, перерезавший голову матери сверху до самой шеи. То, что дальше услышал Гарт, и вовсе повергло его в изумление.

– И разуверилась я с тех пор в Боге. Нет Его, и никогда не было! Врут всё попы! Дурачат людей. Ведь если бы Он был, позволил бы разве так разорвать сердце матери? Дал бы уйти тем рыцарям? И неужто не послал бы краюху хлеба, когда умирали у меня на руках мои дети?... Так где же этот Бог? Кто мне его покажет? Кто вообще видел его когда-нибудь?... И поняла я тогда, сынок: нет его! Понимаешь, нет! И не верю я уже ничему, а басни попов про святых считаю их ловкой выдумкой... Вот и весь тебе мой сказ, рыцарь. Суди меня теперь как хочешь, а я себя уж осудила давно. Себя, людей и попов вместе с их Богом.

Неожиданно старуха подняла голову. Взгляд ее загорелся, ноздри раздулись, рука дрогнула и вытянулась в сторону Компьеньского леса, словно указывая единственный путь, который остался ей ли, де Марейлю – кому ведомо? И вновь прозвучал ее голос, показавшийся Гарту таинственным, зловещим, внушающим безотчетный страх:

– С тех пор вызвал во мне дьявол – враг Бога – дар пророчества. Видеть всё могу, как никто из людей. Верю, что явится дьявол однажды ко мне, и протяну я ему в знак дружбы свою сморщенную старую руку одинокой матери. И назову я его братом своим, потому что отныне мы с ним враги того Бога, о котором говорят, а значит, самые близкие по духу. С его именем на устах буду я умирать, и его попрошу забрать мою душу к себе. Его, а не Бога, которого я прокляла! Которого отныне для меня нет!

Всё так же держа руку, указующую вдаль, Эрвина проговорила, кончая свой страшный монолог и не сводя глаз с леса:

– Лес – тот, что видишь вдали, – Франция, сынок. Много в том лесу волков. Их стало еще больше по вине глупой королевы. Но придет молодой волк – сильный, смелый, хитрый – и перегрызет всю эту стаю заморских гостей. Своя стая появится у него, много места у нее станет, и будет то не набор земель, чем хвастает ныне Плантагенет, а огромное государство, в котором не останется пришельцев с далекого Альбиона. Только кровью истечет Франция в тяжелой борьбе. Но расправит крылья птенец, оскалит пасть молодой волк – и родится на этой земле великий народ... Ты верь этому волчонку, будь всегда с ним рядом и всё увидишь сам. Вспомнишь тогда старую Эрвину, что повстречалась с тобой близ владений Валуа. Вспомнишь – и спасибо скажешь мне, что правду говорила. Может, к тому времени меня уже в живых не будет, ведь мне скоро семьдесят. Приди тогда на могилку к старушке да посиди с ней рядом. А найдешь ее там же, где лежат и ее детки. Недалеко это – меж Санлисом и Крепи кладбище лежит, к Санлису ближе... Придешь ли, сынок?...

И залитые слезами глаза старухи устремились на Гарта.

– Приду, мать, – пообещал он, обнимая ее.

А она, ткнувшись головой ему в плечо, расплакалась еще больше. И сказала напоследок, отстраняясь:

– Путь твой нелегок. Увидишь девицу верхом на муле и без узды. Помнишь поэта Кретьена?² Встретишь зверей, рыцаря, змей и реку. Всё как у него в поэме. Ты должен победить. Помни, Говэн, ты смелее сенешаля, а шест, что остался последним, не для твоей головы. Черед останется за дамой. Тут уж решать тебе. Замок-то до сих пор крутится³. Еще скажу. Коли слу-

² Кретьен де Труа (вторая половина XII в.) – французский поэт, создатель так называемого артуровского романа рыцарей Круглого стола.

³ Взято из поэмы Кретьена де Труа «Мул без узды».

чится с тобой беда, приду к тебе, знай, и помогу. Не Бог, а я приду и сатана со мной. Он добрый. Вместе с ним не дадим тебя в обиду никому. Теперь прощай.

И поцеловала его – нежно, по-матерински, в лоб.

Гарт вскочил в седло.

– Прощай же! И да сопутствует тебе удача, сынок.

То были последние слова Эрвины.

Отъехав на сто шагов, Гарт обернулся.

Старухи на месте уже не было.

Глава 3. Наемники, или рутьеры

Он подъехал к лесу. Молодой березняк на пути. То тут, то там выглядывают из травы темные и светлые шляпки грибов, тоже молодых. Тропинка ведет через подлесок – не сказать, чтобы очень уж узкая, двое запросто поместятся. Дальше она терялась, но, как показалось Гарту, поворачивала. По ней он и направил коня, размышляя над рассказом Эрвины и снова вспоминая ланского еретика. Тому, похоже, тоже досадили церковники, да так, что он и Бога презрел и папу. Зато, кажется, лестно отзывался о сатане. Эрвина тоже. Уж не катарка ли? Не потому ли добраться хотят до нее святоши?

Давно уж это учение по земле бродит, еще со времен Филиппа Первого. Только кто они, эти люди? Чему учат? Почему расходятся в толковании Священного Писания с истинной церковью Римской? И за что она устраивает гонения на них, травит, как собак, топит, душит, сжигает на кострах? Боится, стало быть, коли так. А если боится, значит, сама нечиста, знает за собой много грехов, о которых катары эти рассказывают людям.

Весь во власти своих дум, Гарт ничего не замечал вокруг: ни подозрительных шорохов, ни движений. И вдруг, прямо перед мордой его коня, – человек! Шкура звериная на нем, за плечами лук со стрелами, а в руке меч. Из-под шапки недобрый взгляд, рука вцепилась в повод коня.

– Слезай, приятель, – повелительным голосом приказал этот человек, – клянусь преисподней, ты приехал.

Гарт выхватил меч. Он понял, кто перед ним. Разбойники. Наемники, иначе называемые рутьерами. Бич Божий, насланный на людей гневом Господним. Он не ошибся. Справа показался еще «кольчужник», за ним другой, третий. К первому, который, ухмыляясь, все еще держал лошадь Гарта за узду, присоединились еще пятеро. А вскоре их стало добрых два десятка – в кольчугах, куртках, с ножами, пиками, крючьями и арбалетами.

Гарт взмахнул мечом. Разбойники попятились, но тут же, наставив на него арбалеты, расхохотались. Соппротивление было бессмысленным: десяток смертоносных стрел глядел в грудь рыцаря; стрелы эти пробивали любой доспех, кольчугу в том числе. Сорок лет назад Латеранский собор запретил арбалет и даже предал анафеме всех тех, кто будет пользоваться этим оружием. Результата это не возымело. Число стрелков-арбалетчиков стремительно множилось, и они предлагали свои услуги любому государю, кто больше заплатит.

– Так как, сам слезешь с коня, или тебе помочь? – крикнул один из наемников.

Гарт не успел ответить. В воздухе просвистело лассо, и он был сброшен на землю.

– Вот так-то будет лучше, дружок! – воскликнул рутьер, наступив ногой на меч Гарта и помогая ему подняться на ноги. – Или ты думал, тебе позволено беспрепятственно разъезжать по нашим владениям? Мы обчищаем догола епископов вместе с их клириками, так что нам стоит выпотрошить тебя, забрав вначале твоего коня?

– Нежирная же вам достанется добыча, – ответил Гарт. – Конь, меч да копье – вот и весь ваш улов. Остается еще моя жизнь, но не думаю, что, отняв ее, у вас прибавится в кошельках.

– Зачем отнимать жизнь у христианина? Разве мы неверные? – ответил ему еще один рутьер. – Ты и сам отдашь нам свои денежки. Клянусь чулками Пресвятой Девы, у тебя нет иного выхода, приятель.

И вся ватага дружно расхохоталась.

– Что ж, твоя правда, только, видит Бог, ничем помочь вам не смогу, – развел руками Гарт. – Совсем недавно, по правде говоря, у меня водились монеты, на них можно было даже купить лошадь, но теперь их нет.

– Не так уж много для богача, однако не так уж мало для такого бедного рыцаря, как ты. Еще бы, будь ты побогаче, сумел бы защитить голову своего коня, а вместо петуха на

твоим щите красовался бы, скажем, стоящий лев. Но куда, скажи на милость, подевал ты свои денежки, если, конечно, не врешь? Проиграл в кости на постоялом дворе или потратил на одну из девчонок?

– Я отдал их нищенке, которую повстречал на дороге.

– А-а, нищенка! Что ж, доброе дело. Милосердие зачтется тебе Богом на том свете. Только сдается мне, нищенка та была все же потаскухой. Но так это или нет, а я не верю в эти басни. А ну-ка, раздевайся подобру-поздорову. Посмотрим, не спрятал ли ты часть своих денежек в штанах, покуда твоя милашка натягивала чулки.

– погоди, Жослен, дай спрошу я, – подошел ближе еще один наемник. – История с нищенкой кажется мне правдоподобной, – не таков этот парень, чтобы лгать, даже перед лицом смерти. Он все же не монах. Скажи мне. – Он пристально взглянул в глаза рыцарю. – Далеко ли это было, и как выглядела эта нищенка?

Гарт чистосердечно рассказал о недавней встрече.

– Постой, – нахмурился рутьер и подошел ближе, – говоришь, она стара? И похожа на колдунью? Черт подери, или это та самая, или... А ее имя? Как ее зовут, ты узнал?

Гарт сказал.

– Так это старая Эрвина? – воскликнул наемник. – Будь я проклят, если не догадывался, что это так. А ну, скорей приведите сюда капитана, довольно ему уже спать. Ну, чего раззявили рты, не привыкли исполнять с первого раза? Да суньте за пояс ваши ножи и уберите арбалеты. Или забыли, как Эрвина вытащила нашего брабантца из могилы? Клянусь своим левым ухом, атаман первому же расшибет голову, коли увидит у него в руке меч или копье!

Оружие, как по волшебству, исчезло, а двое наемников бросились в чашу леса, где был виден невысокий шатер из еловых веток. Через минуту оттуда вышел человек – высокий, без головного убора, в куртке из буйволового кожи. Его разбудили: он шел и, изрыгая ругательства, протирает глаза. И вдруг он остановился, опешив. Казалось, он не мог поверить своим глазам.

– Черт побери, – послышался его громкий властный голос, – или я еще не проснулся, или передо мной сам Гандварт де Марейль, чтоб лопнули подвязки моих штанов! Будь я проклят, Гарт, неужели это ты? Вот так встреча! Но какого черта? Кто посмел отнять оружие у доблестного рыцаря графства Суассон? Немедленно же вернуть!

Гарту с почитательностью вернули всё, что у него отняли.

– Бильжо! – воскликнул Гарт, пожимая руку капитану. – Как ты здесь оказался? Впрочем, что я... Ты ведь наемник – из тех, кого Третий Латеранский собор в Риме приказал уничтожить вместе с еретиками.

– Плевали мы на собор, – ответил Бильжо, – но приходится прятаться по лесам, хотя нас ищут те, кто борется с неприятелем, посягающим на французские земли. Ты сам знаешь, Гарт, мы бедные фламандцы и продаем свою кровь нанимателям. Нас охотно берут к себе торговцы, когда отправляются в опасный путь к дальним ярмаркам. Нашими услугами пользуется король Людовик, когда идет войной на замок непослушного сеньора. Но сейчас мы не у дел. Однако ждем своего часа, а пока, дабы не умереть с голоду, грабим монастыри и случайных прохожих вроде тебя. Вот, сеньоры, мой друг... – Бильжо положил руку на плечо Гарту. – С которым мы когда-то учились на каноников, а потом монастырь разбежался, и наши пути разошлись.

– Я думал, ты стал рыцарем, – сказал Гарт. – Помню, у тебя было поместье близ Амьена.

– Отец продал его за долги, и оно ушло с молотка. Что же мне было делать, помирать с голоду? И тогда я собрал ребят и отправился с ними к югу, на королевские земли. Они неплохие парни, Гарт, но такие же обездоленные, как и я. Из Брабанта, Фландрии, Прованса, даже с Пиренеев. Среди них есть бастарды без наследства, деревенские бедняки и даже каноники, которых чересчур много развелось. Нас называют «чумой» и «бичом Божьим» и мечтают от нас избавиться.

– Догадываюсь – дело рук церковников, – предположил Гарт.

– Увы, пока сидим без дела, приходится грабить церкви и мирных жителей. Но когда начнется где-то заварушка, нас немедленно станут разыскивать, чтобы оплачивать нашей кровью свои победы или поражения. Лет пятнадцать назад король Людовик и Фридрих Барбаросса поклялись друг другу отказаться от наших услуг на территории между Парижем, Рейном и Альпами. Но француз хитер: он не стал отказываться от нашей помощи в западных землях, откуда ему всегда будет грозить опасность как от могущественных графов, так и от Плантагенета. Кто смотрит на зло без отвращения, тот скоро станет смотреть на него с удовольствием. Не этому ли учили нас с тобой святые отцы?

– Нужна огромная армия наемников, – произнес в ответ Гарт. – Станет ли король связываться с вами, если вас не больше двух сотен?

– Раз в десять больше, к твоему сведению. Все мы разбросаны по лесам Шампани, Фландрии и Иль-де-Франс. Но по первому зову мы тотчас встанем под знамена того, кто захочет нас нанять. Хорошо бы им оказался французский король: он не скупится на жалованье. А иные, как, например, тот же Генрих, и вовсе нас обманывают, ни гроша не платя за работу. Вот мы и громим его земли, чтобы знал впредь, как нас дурачить. Но вот Годемар! – Бильжо взял за руку одного из наемников, пришедших с ним, – огромного детину с одним ухом и одним глазом. – Ты помнишь Годемара, Гарт? Он еще спас тебя однажды, когда ты чуть не утонул в Сомме.

Гарт узнал, улыбнулся. Бывшие друзья обнялись. Годемар, когда их было трое, помогал им переписывать книги в скрипториях и слыл самым сильным драчуном. Его имя наводило ужас; троицу обходили стороной.

– Где ты потерял свое ухо, дружище? – спросил Гарт.

– Мне его откусил сарацин, прыгнувший на меня с коня, – ответил Годемар.

– Ну а ты?

– Вспорол ему живот, а потом разрубил пополам. Ох и воняет же эта мусульманская нечисть!

– А глаз? Похоже, ты потерял его давно.

– Я защищал тогда Томаса Бекета⁴, которого зарезал Плантагенет. Но их было много. Один из них угодил мне клинком в лицо. Когда-нибудь я отомщу. Я француз, и за свой глаз я отниму у англичан целое графство!

– Не горюй, Годемар, думаю, тебе представится такая возможность. Король Людовик доберется до Плантагенета, – не он, так его сын.

– Гарт, мне сказали, совсем недавно ты повстречал старуху Эрвину. Так ли это?

– Это случилось неподалеку, не наберется и тысячи шагов. Она рассказала мне о себе. Она плакала, Бильжо. На моих глазах умирали ее дети.

– В прошлом году – года еще нет – эта женщина спасла мне жизнь, – промолвил Бильжо. – Зверь упал на меня с дерева, на кошку похожий, огромный только. Разорвал мне спину, шею, содрал кожу с головы. Подоспели ребята, пришибли его, но меня никто уже не брался спасать. Крови вытекла целая лохань. А тут она! Как Бог с неба послал ее. Приказала отнести меня в пещеру и стала врачевать. Корни, травы, листья, порошки какие-то... мед диких пчел, кровь животных... А потом зашивала иглой кожу и всё прикладывала какие-то повязки, листья, тряпки. Окутывала ноги корой дерева, голову чуть не целиком закапывала в землю... Месяц она со мной возилась. А потом, когда я встал на ноги, она ушла. Раза два после того я видел ее. Но недолгими были наши беседы. Узнав, что со мной все в порядке, она покидала меня.

⁴ Бекет Томас (ок. 1118–1170) – канцлер Англии, архиепископ Кентерберийский в 1162–1170 гг. Вопреки ожиданию короля Генриха II Плантагенета, Томас стал добиваться главенства церковной власти над светской, что не могло способствовать усилению королевской власти. Из-за постоянных раздоров на этой почве покинул Англию и нашел приют у Людовика VII. Вскоре помирился с Генрихом II, который, однако, отказался от поцелуя, таинства мира того времени. Едва Бекет вернулся домой, как по приказу короля был убит рыцарями 29 декабря 1170 г. в соборе, на ступенях алтаря. В 1173 г. был канонизирован Церковью, т. е. причислен к лику святых.

Она любит ходить. Бродит целыми днями, кается в чем-то, но не отпускают ей какой-то грех и не говорит она о том никому. А ты, стало быть, только что видел ее? Что она делала, Гарт? Как вы встретились? О чем она говорила тебе?

– Просила милостыню.

– Да, я слышал. Ты не первый уже говоришь. Ты дал ей денег?

– Я отдал ей свой кошелек.

– А сам?

– Обойдусь. Авось Бог не оставит меня.

– Это благородный поступок, Гарт.

– Я сделал то, что считал нужным.

– Ты всегда был таким. Помню, я вымок как-то в болоте; ты не только вытащил меня оттуда, но и отдал свою одежду.

– Мне не хотелось, чтобы ты простудился.

– И я выкабался, клянусь своей пяткой!

– Ты мой товарищ, Бильжо. Как мог я оставить тебя в беде?

– Я никогда не забуду этого, Гарт, как и того, что ты помог бедной Эрвине. Мне жаль, что ты не с нами. Но человек сам выбирает себе дорогу. Ты захотел странствовать по свету. Что ж, таких нынче много. Разоряются знатные семейства, рушатся замки, исчезают монастыри. На дорогах полным-полно нищих, калек и паломников. Знать продолжает заниматься грабежом: она вечно без денег, вечно нуждается – вот причина ее разбоя. У нас бывали с ними стычки. Они быстро поворачивали, узнав, что мы наемники, а значит, такие же голые, как и они... Но ты не голоден ли? Хочешь, садись к костру, мы накормим тебя вчерашней олениной.

– Благодарю, Бильжо, я сыт. Тронусь дальше. Эрвина предрекла какие-то великие события; мне предстоит быть их участником. Посмотрим, что ждет меня впереди. Возможно, встречу девушку верхом на муле без узды.

– А, хочешь увидеть вертящийся замок? Что ж, тебе останется только отправиться за ней, а потом жениться. Можешь выбрать – на девице или ее сестре. Но помни, тебе предстоит сразиться со львами, с рыцарем и со змеями.

– То же говорила и она мне.

– Прощай же, Марейль. Помни о нас. Случится беда – дорогу знаешь. Только мы уйдем отсюда подальше: повсюду трубят о королевском кортеже. В такое время нет желания встречаться с господами из замков и их собаками. Станешь искать нас – труби в рог. Бильжо всегда придет к тебе, Гарт! Он помнит добро. А теперь поезжай дорогой, которую избрал, и да пребудет с тобой Господь.

Вскочив на коня, Гарт помахал рукой и скрылся в лесу.

Глава 4. Пленница из Компьеньского леса

Вскоре Гарт выехал на поляну и здесь носом к носу встретился с... нет, ну кто бы мог подумать! Рядом, в каких-нибудь двадцати шагах, стояла перепуганная насмерть оленуха и во все глаза таращилась на него. Гарт удивился: чего же это она не удирает, и как вообще могло произойти такое «свидание»? Олени чутки и не менее пугливы. Потом догадался: он появился с подветренной стороны, а самка, видимо, обрывала листья с кустов, вот и дала промашку. Однако почему же она не уходит? Вернее, не убегает? Ноги от испуга стали ватными? Разгадка не замедлила себя ждать. Из кустов вышел маленький, на нетвердых еще ногах ее малыш и, подойдя к матери, припал губами к ее животу. И оба – ни с места. Только мать с тревогой косила черным глазом на человека. Что, если бросит копье? Ведь ничего не стоит!.. Но Гарт только улыбался. Зачем ему эта смерть? К чему ненужная кровь? К тому же мать перед ним. Он сам много уж лет тому назад был малышом и так же, неуклюже перебирая ножками, шел к своей матери. И очень любил ее. Болезнь тогда навсегда разлучила их, и он остался совсем беспомощным, на руках у отца. А этот малыш? Что почувствует он? Что подумает о человеке, вонзившем копье в теплый бок его матери?.. И Гарт даже прикусил до боли губу, стараясь не думать об этом. Сидел в седле и, не шевелясь, с любопытством наблюдал за олененком. Напившись молока, тот встал рядом с матерью и только теперь, кажется, заметив человека, с удивлением уставился на него, не зная, как реагировать на это. Покосился на мать. Что, дескать, она предпримет? Конечно, то, что и следовало: повернулась и поскакала, беспрестанно оглядываясь на своего малыша: поспекает ли за нею, а нет – грудью встать на его защиту.

Вскоре оба они скрылись в чаще.

Гарт вспомнил о королевской охоте. На кого пойдет облава: на кабана, оленя, а может, на эту самку с детенышем? Только он так подумал, как на другом конце поляны показался всадник в полном вооружении. Увидев Гарта, остановился, надел шлем, выставил копье для боя и громко крикнул:

– Эй, рыцарь! Кто бы ты ни был, я обращаюсь к тебе и требую, чтобы ты выслушал меня. В Блуа живет прекрасная графиня, ее зовут Алоиза, она жена графа Блуаского и дама моего сердца. Свет ее очей подобен лучу солнца во тьме, губы – вишни из садов персидского шаха, а голос подобен журчанию лесного ручья. Согласен ли ты с этим? Если да, то признай, что нет женщины на свете прекрасней моей дамы, и мы с тобой мирно разойдемся. Если же ты откажешься признать правоту моих слов, тогда...

«Вот еще один ненормальный, свихнувшийся на кодексе рыцарской чести, – подумал Гарт. – Сколько их, тупоумков, бродит по дорогам Франции?»

– Что же тогда? – ухмыльнулся он в ответ.

– Мы скрестим наши копья не на жизнь, а на смерть и будем биться до тех пор, пока один из нас не упадет мертвым, – донеслось до него.

– Хм, любопытно. Что, если упаду я? – спросил Гарт.

– Тогда я возвращусь к даме моего сердца и расскажу ей о победе, одержанной мною в ее честь.

– Ну а если свалишься с коня ты?

– Значит, твоя дама окажется прекраснее моей и мне останется признать свое поражение.

Кто твоя дама, скажи мне, я хочу знать!

У Гарта не было дамы сердца. Но он тотчас вспомнил Эрвину.

– Ей идет восьмой десяток, ее лицо в морщинах, руки и ноги трясутся. Она еле стоит на ногах и просит милостыню у харчевен и церквей.

– И эту оглоблю ты избрал дамой своего сердца? – захохотал рыцарь.

– Представь. А твою, говоришь, зовут Алоизой? Жаль, что я ее никогда не видел.

– Это не имеет значения.

– Значит, ты сказал, она живет в Блуа? Постой, я, кажется, припоминаю одну Алоизу. Она замужем и тоже из этих мест. Мне как-то рассказывали о ней на веселой пирушке. Это та, у которой столь длинный нос, что на него могут усесться пять ворон разом? У нее к тому же пороссячи глазки и так оттопырены уши, будто их с самого рождения прижимали к щекам. Ко всему прочему, сдается мне, она крива на один глаз, да еще и хромает. Поздравляю, хорошую дочь Евы ты себе выбрал, приятель! Клянусь непорочным зачатием Девы Марии, моя дама даст сто очков вперед твоей.

– Что-о?! – вскипел рыцарь, принимая положение для боя. – Ты посмел сказать такие слова о даме моего сердца?

– Почему бы и нет, если она уродина? Должно быть, ты и сам уродлив, друг мой, коли тебе нравятся создания, больше похожие на мышей, нежели на женщин.

Рыцарь зарычал, вонзил шпоры в бока лошади и помчался вперед.

Гарт спокойно смотрел на него, не двигаясь с места. Лишь положил копьё на холку коня. Потом усмехнулся:

– Глупец! Если ему удастся вышибить меня из седла, я всего лишь свалюсь с коня. А если вылетит из седла он, то загремит всей своей грудой железа; оно долго еще будет догонять его, пока не переломает ему все кости.

И, когда рыцарь уже готов был ударить, Гарт резко выбросил вперед руку с копьём. Всадник взмахнул руками и упал, будто сноп. Земля задрожала в этом месте, и посыпались с рыцаря шлем, подлокотники и наколенники. Долго еще, чертыхаясь и отплеываясь, не мог подняться с земли воздыхатель прекрасной Алоизы из Блуа. Когда стал на ноги, оказалось, что он охромел и оглох на одно ухо.

Вид его был жалок: половина доспехов на земле, шлем в грязи, кольчуга разорвана, щит продырявлен, а копьё разлетелось в щепы. Тем не менее он с достоинством сохранял стойкость духа. Смело взглянув в глаза противнику, даже не потрудившемуся слезть с коня, он сказал, но уже не таким голосом и вызывающим тоном, как прежде:

– Ты победил и имеешь право взять меня в плен, чтобы получить выкуп. Я говорю это, зная, что не сумею поднять меча: мое правое предплечье сильно болит и, кажется, кровоточит. Называй свою цену, рыцарь, и клянусь, ты получишь выкуп сполна. Впрочем, я могу предложить тебе другой вариант: ты возьмешь моего коня и оружие, а меня как побежденного отпустишь восвояси. Видит Бог, мне все равно. Конечно, мне жаль коня. Ведь ты заберешь его у меня, верно?

– Таковы правила рыцарских поединков.

– Я уплачу за него, не сходя с этого места. Цена за хорошего коня – пятьдесят тулузских су. Устраивает тебя такая сумма или она кажется тебе недостаточной? Если так, я ее удвою.

– Устраивает, – согласился Гарт, спешиваясь, – но прежде чем вести торг, давай-ка займемся твоей раной. Кровь льет у тебя из рукава. Не останови ее – можно отдать богу душу. А ну, снимай кольчугу и куртку, да поживее.

И Гарт, разорвав тунику у пояса рыцаря, принялся накладывать жгут ему на руку. Когда кровь таким образом удалось остановить, Гарт помог раненому забраться в седло.

– Далеко ли твой замок? Сможешь ли доехать один? Хочешь, я поеду с тобой, поклонник дамской красоты?

Рыцарь некоторое время глядел на него, решая, видимо, какую-то сложную задачу. Потом проговорил:

– Ты Гарт де Марейль, теперь я понял. Мне говорили. Но я бы не догадался, если бы не твой благородный поступок. Черт возьми, нашему рыцарству не мешало бы поучиться у тебя хорошим манерам. Клянусь, оно стало бы только чище. Что касается моего замка, то он не так уж далеко: между Шато-Тьерри и Руси. Я доберусь сам, не беспокойся за меня. А это, – он

вытащил из кармана и вложил в руку Гарту тяжелый кошелек, – за мою лошадь, которую ты мне любезно согласился вернуть. Здесь ровно пятьдесят су. Это даст тебе возможность долгое время прожить безбедно⁵. А теперь прощай. Может быть, мы еще встретимся. Во всяком случае, я не забуду, что вызвал на бой самого Гарта де Марейля.

– А как твое имя?

– Гуго де Каламер.

И рыцарь неторопливо направился в ту сторону, откуда приехал.

А Гарт повернул к Нуайону.

Доехав до тропы, что вела краем Суассонского леса, он остановился. Куда же теперь? Влево – Нуайон, вправо – Крепи, за спиной – Компьеньские болота и лес, о котором говорила Эрвина. Гарт стал вспоминать ее последние слова: звери, рыцарь, змеи и река. Звери... Не встреча ли это с отрядом наемников, которых люди называют «зверьями» за их грубость и жестокость? Дальше – рыцарь. Сбылось, как и предсказывала. Потом змеи. Но здесь их нет, они там, за спиной, в болотах. Какого черта лезть туда на свою гибель? А может, эта женщина имела в виду других змей, например, сборщиков налогов или людей епископа, тоже занимающихся грабежом крестьян? Но вода?... Откуда она здесь? Впрочем, если подумать о болотах... может, и вправду близ них протекает ручей. И, наконец, дева верхом на муле без узды. Тут уж явно старуха была не в своем уме. Какая дева? Откуда? Ни живой души вокруг.

И вдруг ему послышалось, будто едет кто-то по тропе, что огибает лес. Причем не один, несколько всадников угадывалось за купой деревьев близ поворота тропы. Ехали неторопливо, изредка переговариваясь. Судя по стуку подков по утоптанной земле, – не меньше десяти конных двигались по направлению к нему.

Гарт остался на месте, чуть подав в сторону, дабы не мешать. Подумал, уж не Бильжо ли со своими рутьерами? Но нет, тот ушел в глубь лесов. Королевский двор направляется в Реймс? Быть не может: число подков мало. Кто же это тогда? Ни к чему гадать, посмотрим. И Гарт повернулся на цокот копыт.

Показались всадники: один, два, три... десяток. Четыре монаха среди них, остальные – что-то вроде рыцарей. Но все десятеро с мечами и луками за спиной, даже монахи, хотя им запрещалось носить оружие. И Гарт догадался: люди епископа Нуайонского. Только этот сброд мог позволить себе надеть под сутану кольчугу, а сбоку прицепить меч.

Но не это удивило Гарта. И даже не то, что, хмуро оглядев одинокого всадника, отряд как ни в чем не бывало продолжал движение. Женщина сидела верхом на муле в центре кавалькады – вот что поразило Гарта! С чего бы это вдруг? Что она забыла среди этого сборища негодяев, как всегда называли их крестьяне, горожане и содержатели харчевен? И куда, хотелось бы знать, она с ними едет?...

Гарт пригляделся и от неожиданности даже привстал в седле: руки у женщины были связаны за спиной, а ее мул был без узды! Гарт присвистнул – вот оно что: выходит, женщина эта – пленница? Да и не женщина, собственно, уж больно юна с виду, никак не дашь больше двадцати. Ее длинные волосы падали на плечи, она изредка встряхивала головой, убирая их со лба, и тогда можно было увидеть ее лицо: бледное, с гордым взглядом ясных глаз и плотно сжатыми губами. Один только раз взглянула она на Гарта, но так, словно выпустила стрелу и та стукнула его в самое сердце. Потом отвернулась и, все так же гордо держа голову, стала смотреть вперед. Гарт заметил у нее большое родимое пятно под самым подбородком, чуть ли не на шее.

Они поравнялись. Одинокий всадник спросил, ни к кому в частности не обращаясь:

– Эй! Не много ли вас на одну беззащитную жертву? Куда вы ее везете и почему у нее связаны руки? Бойтесь ее пощечин, храбрые воины?

⁵ 50 су во второй половине XII столетия равнялись 2,5 фунтам, или килограмму серебра.

– А ты кто такой, чтобы устраивать допрос? – весьма недружелюбно отозвался один из конвойных. – Может, желаешь составить ей компанию? Так милости просим, за двоих нам больше заплатят.

– Не слишком-то ты любезен, милейший, – суженными глазами поглядел на него Гарт.

– А ты не в меру любопытен, – был грубый ответ. – Стой себе, как стоишь, не то окажешься соседом этой еретички.

– Так она еретичка? – Гарт медленно поехал рядом с кавалькадой. – В чем же ее грех? Не верит в Бога?

– Верит, да не в того, – слышался другой голос.

– А разве есть какой-то другой бог? – удивился Гарт.

– Для нее – да.

– Кто же это?

– Дьявол.

– Ого, это уже серьезно. Выходит, она верит в нечистую силу?

– Все верят, но знают, что это – зло. Для нее – добро.

– А как же Христос? Что она говорит по этому поводу?

– Верит, конечно, в Бога, только...

– Только что?

– Ничего! Проваливай отсюда, незнакомец! Больно мне твоя рожа не нравится. Много вопросов задаешь. Смотри, как бы рядом с этой ведьмой не развели второй костер, для тебя.

– Костер? – нахмурился Гарт. – Значит, эту девицу хотят сжечь живьем?

– Для того ее и везем.

– Спаси меня, рыцарь, молю тебя! – вскричала вдруг пленница, поворачиваясь к Гарту, и он почувствовал, как вслед за первой стрелой из ее глаз устремилась другая. – Спаси, и тебе зачтется этот подвиг! Богом зачтется!

– Смотри-ка, про Бога вспомнила, – пробасил один из конвоиров и стукнул ее в спину древком копья. – Замолчи лучше, пока мы не стали нарезать с твоей шкуры ремни для наших штанов.

Одинокий всадник неожиданно выехал вперед. Конвой остановился.

– Что, если я куплю ее у вас? – спросил Гарт у того, что ехал впереди, вылитого титана.

– Купишь? Ха-ха! – рассмеялся тот. – А знаешь ли ты, сколько стоит эта штучка? Хватит ли у тебя денег? Если да – так и быть, покупай ее, а если нет, то проваливай подобру-поздорову, пока мы не изрубили тебя на куски и не бросили на пищу воронам.

Гарт сжал зубы. Потянулся было к рукояти меча, но сдержался: игра складывалась не в его пользу.

– Сколько же ты хочешь? – спросил он.

– Вдвое больше того, что даст нам за нее епископ.

– И много он вам даст?

– По два фунта на брата.

Гарт подсчитал: 20 фунтов, или 400 су. У него было в восемь раз меньше. И все же он решил рискнуть:

– Я дам вам пятьдесят су.

Предводитель снова засмеялся. Монахи молчали, хмуро глядя на незнакомца.

– А почему бы не пятьсот или, скажем, тысячу? – спросил верзила.

– И все же это лучше, чем ничего, – ответил Гарт, – ведь епископ может обмануть. Тебе не приходило это в голову?

Главарь задумался. Переглянулся с остальными. Те по-прежнему молчали, с сомнением поглядывая на всадника.

– Он никогда нас не обманывает, – попробовал возразить предводитель, – а ведь мы выловили уже немало еретиков.

– На этот раз он может изменить своим правилам. Скажет, например, что такой товар не стоит и десяти медных су. Что станешь делать тогда? Кусать себе локти? С епископом не поспоришь, а пятьдесят все же больше, чем десять.

Детина тупо уставился на всадника, двигая челюстями, словно что-то жевал. Какая-то мысль, видимо, крутилась у него в голове, не давая покоя и заставляя глаза суживаться до щелей.

Тут высказался другой конвоир:

– Не валяй дурака, Дуболом! Парень прав. Не раз уже обманывал нас святой отец. Или ты забыл, как за простолюдина мы получили всего несколько турецких оболлов, а за ремесленника из Сен-Дени пятнадцать денье вместо сорока? Нынче не жирную ли плату хочешь за лису? Только и епископ не дурак: как же, станет он швырять фунты за девчонку! А не кинет тебе, как собаке, денье вместо су?

Тот, кого он назвал Дуболомом, все еще размышлял, побряхтывая. Глядя на него, Гарт подумал, что сейчас этот кабан полезет напролом. В самом деле, чего им терять: их десять, а этот всадник один. Так и вышло. «Кабан» гаркнул, одарив собеседника недобрый взглядом:

– Ты сначала покажи, есть ли у тебя деньги. В таком деле кто верит на слово?

Гарт, усмехнувшись, потряс перед глазами у всего отряда увесистым мешочком с серебром рыцаря Гуго де Каламера.

Глаза у предводителя вспыхнули алчным огоньком. Тронув коня, он протянул руку:

– Давай сюда, и можешь забирать эту потаскуху.

– Э, нет, сначала освободи девчонку, – сказал ему Гарт, – ведь мы ведем честную игру.

– Что? Ты не веришь мне? – выпучил глаза Дуболом. – Вздумал со мной торговаться? Коли так, тем хуже для тебя. Эй, вы там. – Он обернулся. – А ну-ка, поучите этого молодца уму-разуму да заберите у него мешок. Больно уж нахально он себя с нами ведет. Но, клянусь своим сапогом, это была его последняя выходка.

Сразу несколько всадников, блеснув лезвиями мечей, бросились на Гарта. Но он давно уже понял, что именно этим все и закончится, поэтому, круто развернувшись, дал шпоры коню, притворившись, что удирает. За ним устремилась погоня. Теперь ему ни за что нельзя было давать врагу приблизиться, иначе его могли достать стрелой. Стрелы пели у него за спиной, он слышал их, но знал: любая, попади она в него, будет уже на излете и не причинит ему вреда. Кольчуга сейчас спасала его и верный конь. Два союзника вырывали его из лап смерти.

Он обернулся на ходу. Четверо. Не отстают. Продолжают пускать стрелы. Хорошо, что он догадался в свое время защитить круп коня – резвого андалузского жеребца. Теперь этот конь мчал туда, куда направлял его всадник.

Вот и поляна, где на него налетел рыцарь де Каламер. Гарт подумал на мгновение, что лучшего места для боя не найти, но тут же отбросил эту мысль. Против четверых ему не устоять. Да он и не успеет даже взмахнуть мечом: стрелы мигом вопьются в него. Не выдержит ни одна кольчуга. Острые стрелы – что жало змеи, всегда найдет место для укуса, с близкого расстояния порвет любое кольцо. Даже меч слаб перед стрелой. Тот рубит, эта – жалит.

Зная об этом, Гарт продолжал гнать коня. Вот и то место, где он повстречался с наемниками. Но их здесь не оказалось, только черные головешки указывали на то, что совсем недавно здесь пылал костер. Тогда Гарт вытащил рог и протрубил в него несколько раз. Потом еще. И услышал ответ совсем неподалеку. Теперь туда что есть мочи! Там спасение. И Гарт крикнул во всю силу легких, когда увидел лагерь наемников и своего приятеля, прогуливающегося у шатра:

– Бильжо! Ты слышишь меня?

– Гарт? – повернулся атаман разбойников на голос. – Какого черта! Откуда?... Эй, куда ты так летишь?

– За мной погоня, – кивнул Гарт назад. – Или ты не видишь?

Бильжо пригляделся и мгновенно оценил ситуацию. Взмах рукой – и пятеро лучников, стоя близ деревьев, выпустили одну за другой десяток стрел. Трое, что летели за Гартом, не понимая, что мчатся к собственной гибели, мешками свалились на землю. Последний, четвертый, вздыбил коня, развернулся и помчался прочь, но Гарт догнал его и зарубил на ходу. Всадник упал. Схватив за повод его лошадь, Гарт поспешил к лагерю рутьеров.

– Черт побери, неплохо, старина, – похлопал его по ноге Бильжо, подходя. – Четыре коня! У нас, сам знаешь, с этим туговато.

– Хочешь еще шесть?

– Шесть коней! – вскричал атаман. – Дьявол! Будь я проклят, если мне не нужны еще шесть коней! Но что произошло, Гарт? И где эти лошади? Ага, догадываюсь, будет потасовка. Но где кони, там люди, а где люди, там и оружие! А ну, приятель, рассказывай скорее, в чем дело. Клянусь своей бородой, за оружием я помчусь к самому черту в пекло, если, конечно, дело не касается слуг короля.

– Это люди епископа, Бильжо. Бандиты! Настоящие головорезы.

– Люди епископа? – Бильжо усмехнулся. – Господь простит нам этот грех.

– Они поймали еретичку и хотят сжечь ее живьем на костре.

– Э, мне нет дела до еретиков, плевать я хотел на них и их учение, которое почему-то не нравится нашим святошам. Но ты говоришь, это женщина? И они хотят ее сжечь? Шайка негодяев! Будто нечем больше заняться на этой грешной земле.

– Помоги мне, Бильжо. Я хочу ее освободить. Она совсем юная.

– Так вот оно что! Весь сыр-бор из-за девчонки? Гарт, ты снова становишься женолюбом, а ведь, помнится, клялся больше не глядеть на женщин. Кажется, ты уверял, что все зло в мире от них: от их глупости, жадности, длинного языка... Но эту красотку, говоришь, собираются спалить? Не позволю! Если это в силах Бильжо де Мерсье по прозвищу Красная Голова, значит, он освободит малютку для своего друга. На коней, друзья! – крикнул атаман своим молодцам. – Полтора десятка – за мной! Стало быть, Гарт, их осталось всего шестеро? И у них есть оружие? Надо думать, кошельки этих палачей тоже не пусты?

– Особенно у одного, того, кто возглавляет эту шайку. Так мне думается.

– Отлично! Я сам займусь этим головорезом.

– Будь добр, оставь его мне.

– Как знаешь. Но почему они погнались за тобой, дружище?

– Я хотел купить у них девчонку.

– Хотел купить? И что же они?...

– Набросились на меня и едва не изрубили. Насилу удалось уйти. Хвала Господу, я вспомнил о тебе.

– И вовремя, мой мальчик, клянусь своим вторым подбородком! Вперед, друзья! – крикнул Бильжо, взмахнув мечом. – Накажем этих разжигателей костров за то, что они позволили себе издеваться над женщиной. Впрочем, что я – над девицей, прах меня заberi!

И полтора десятка всадников помчались к тому месту, где отряд суассонского епископа поджидал тех, кто отправился преследовать Гарта.

Глава 5. Ночь наследника престола

Дуболом уже начал терять терпение.

– Черт поberi, – ворчал он, глядя туда, куда умчалась погоня, – сколько можно ждать? Четверо остолопов не могут догнать одного! Они что, забыли про луки? Срезать его стрелой ничего не стоит. А-а, вот они, кажется, возвращаются, я слышу цокот копыт...

Вдруг он побледнел, глаза едва не полезли на лоб.

– Но что это?... Пресвятая Богородица! Да ведь это не они! Клянусь рясой монаха, здесь что-то не так.

– Скорее, Дуболом, – крикнул один из его людей, – это наемники, чтоб мне провалиться в преисподнюю! А впереди тот самый, за которым погнались наши. Живо улепетываем отсюда, иначе будет поздно!

Но было и в самом деле поздно. Как вихрь налетели рутьеры и вмиг уничтожили маленький отряд суассонского епископа. Последним пал Дуболом; Гарт, дравшийся с ним один на один, снес ему голову с плеч.

И тотчас наемники принялись обыскивать мертвые тела, забирая все, что имело хоть какую-то ценность: деньги, кольца, крестики. Не погнушались даже снять кольчуги с убитых, забрать их шлемы, одежду и обувь. Увы, рутьеры бедствовали. Последней битвы они уже не помнили, да и за ту было втрое меньше заплачено.

– Неплохо, будь я проклят! – вскричал Бильжо, глядя на шестерку коней и на добычу. – Какой-никакой, а все же улов, клянусь туникой Марии Магдалины! Да и ты, Гарт, не остался в проигрыше, а? Гляди-ка, голубка глаз с тебя не сводит, видно, понравился ты ей. Ха-ха-ха! Но смотри, ее мул почему-то без узды! Вот и не верь после этого в короля Артура и доброго волшебника Мерлина. Может, он уже выбрался из подземелья, куда упрятала его хитрая жenuшка, кость бы ей в глотку!.. Ну а ты что молчишь, красотка? – подъехал он ближе к пленнице. – Скажи хоть, как тебя зовут. Мы совсем одичали в здешних лесах, так что даже забыли, как звучит женский голос.

– Благодарю вас, храбрые рыцари, – проговорила девушка, потирая развязанные руки, – вы спасли мне жизнь. Господь не забудет вашего милосердия и уготовит вам всем путь в царствие небесное. А зовут меня Бьянка.

– Так вот, Бьянка, не нас благодари, а вот этого парня, своего спасителя. Без него гореть бы тебе в костре, это уж как бог свят. Святош хлебом не корми, дай только сжечь кого-нибудь во славу истинной веры.

– Правду вы сказали, – грустно молвила недавняя пленница, – сколько безвинных душ загублено ими почем зря. И за что они только нас?... Ведь мы так же верим в Бога, как и они.

– Ну, это нас не касается. Вопросы эти разберешь с сиром де Марейлем, который спас тебя. А нам пора. Нечего тут засиживаться. Не нагрязнули бы сюда солдаты или люди короля. Неприятная выйдет беседа. Прощайте же оба. – И атаман повернул коня, давая знак своим воинам убираться отсюда. – И да сопутствует вам удача. Да, жаль, – прибавил он напоследок, кивая на труп главаря, – что у этого борова оказался тощий кошелек. Я-то рассчитывал, что он будет пожирнее.

– Возьми мой. – Гарт кинул ему мешочек с деньгами рыцаря. – Это несколько приободрит тебя.

– Ого! – воскликнул Бильжо, подбрасывая мешочек на руке. – Совсем неплохо, чтоб мне пусто было! Но ты, Гарт, похоже, остаешься совсем без денег? Что ты будешь делать без единого су, да еще с девчонкой в придачу? Нет, друг мой, возьми хотя бы половину.

– Не думай об этом, Бильжо, – ответил, улынувшись, Гарт, – вы честно заработали эти монеты. Не будь вас – ни меня, ни этой девицы не было бы в живых.

– Что ж, – пожал плечами Бильжо, – дело твое. Поступай, как знаешь. А теперь прощай, дружище. И не задерживайся тут: в воздухе запахло мертвечиной.

– Прощай, старый друг.

– Найдешь меня, если захочешь. Я всегда к твоим услугам, Гарт. У нас с тобой верный духовный путь: забывать добро, сделанное тобой, и помнить добро, сделанное тебе другими. И войско наемников стремительно умчалось прочь.

Гарт повернул коня, посмотрел на запад. Вечерело. Солнце торопливо скатывалось за верхушки деревьев, по земле поползли угрюмые тени. В воздухе ощущалась прохлада. Скоро ночь.

Он взглянул на недавнюю пленницу. Сидя на своем муле, она ежилась, временами вздрагивая. Глаза умоляюще вскинулись на своего спасителя и снова упали, точно она была обречена. Гарт поднял с земли кафтан, бросил ей. Она укуталась, улыбкой поблагодарила его.

– Уезжай отсюда, – промолвил Гарт. – Здесь небезопасно. Тебя снова схватят. На этот раз повесят, как убийцу.

– А ты? – спросила она.

– У меня своя дорога.

– Куда же я поеду? Лес кругом...

– Не знаю. К людям. Выходи замуж, рожай детей. И держи язык за зубами, если не хочешь снова попасть в лапы епископа.

– Хочешь, я пойду с тобой?

– Зачем?

– Потому что мне страшно.

– Объявлять себя во всеуслышание еретичкой – не страшнее?

– Так уж вышло. Они сами вынудили меня.

– Язык голову кормит, он же и до беды доводит.

– Я «совершенная», мне молчать нельзя.

– Глупая ты, вот и весь сказ. Против Церкви идти – что против течения грести.

– Наверно, ты прав. Прости. Так не возьмешь меня с собой?

– Нет. Ты ведь даже не знаешь, куда лежит мой путь.

– И куда же?

– Судьба укажет направление.

– Может, укажет и мне?

– Попробуй. Только не со мной.

– Но почему? Ведь ты спас меня.

– От костра. Но ты мне не нужна.

Она замолчала. Потом спросила; в голосе слышалась мольба:

– Значит, ты бросишь меня здесь одну?

– Да. Прости и прощай. Я все тебе сказал.

– Благодарю тебя, Роланд.

Гарт, отъехав, удивленно обернулся. Бьянка добавила, с сожалением глядя на него:

– Ты похож на рыцаря короля Карла. Он был сильным, храбрым, красивым... таким, как ты. И погиб... Сарацины убили его.

– Эту песню споешь своим детям, – холодно промолвил Гарт и тронул коня вперед по тропе.

Но вдруг он остановился. Что-то насторожило его. Он стал прислушиваться. Впереди, не очень далеко, ему послышался не то плач, не то стон. Потом, похоже, кто-то пробовал протрубить в рог. Но внезапно замолчал. И снова стон, за ним голос, зовущий на помощь. Там, впереди, тянулся глубокий овраг, ручей струился по самому его дну. Не раздумывая, Гарт бро-

сился туда. И вдруг оттуда послышался крик – отчаянный, испуганный, не детский, но еще и не взрослый. А потом плач – настоящий мужской плач...

Гарт подъехал к краю обрыва, торопливо спешил и, продравшись сквозь чащу, устремился к самому дну оврага, где протекал довольно широкий ручей. На другом берегу этого ручья сидел на земле мальчик, вернее, юноша. Одну ногу он поднял и с удивлением смотрел на голень. Выражение лица его было страшным. Казалось, он смотрит на когти дьявола, собирающегося разорвать ему ногу именно в этом месте.

Увидев бегущего к нему человека, юноша закричал, махая ему руками:

– Скорее! Помогите! Меня укусила змея!

Гарт прыжком бросился в воду.

– Осторожнее! – снова вскрикнул незнакомец. – Она здесь не одна. Рубите их, рубите, или они и вас так же!..

Гарт вытащил меч, поглядел по сторонам. И увидел одну серую змею, плывущую к нему с поднятой головой. Длинной она – около двух футов. Рядом торопилась на помощь другая, ничуть не меньше. Гарт не стал ждать, когда змеи сделают прыжок, быстро шагнул и отсек голову первой змее. Вторая приподняла было голову выше, но броска не получилось: меч мигом изрубил ее в куски. Но вот и еще одна, шагах в трех. Правда, увидев постигшую своих подруг участь, поспешила улизнуть; Гарт догнал ее и расправился с ней точно так же. Он знал: потревоженная змея обязательно сделает бросок, но на какое-то время может затаиться, выбирая момент для удара.

Он быстро огляделся. Других змей не было. Тогда он поспешил к юноше, который, по-видимому, оказался не столь проворным. Впрочем, Гарт был предупрежден, а этому юнцу откуда было знать, что здесь, близ Компьеньских болот, уйма ядовитых гадюк? Это его и подвело. Гарт посмотрел на его ногу. Так и есть: две небольшие темные точки – след от зубов.

– Давно? – только и спросил он, выдавливая руками яд из этих ранок.

– Нет, только что, – ответил парень, дрожа, как в лихорадке. – Моя лошадь оступилась, и я полетел в этот овраг. Только поднялся на ноги, как змея вдруг бросилась на меня. Потом поползли другие. Я стал их рубить, но их было много. Я устал... На счастье, они разбежались, исчезли в воде.

Гарт продолжал выдавливать яд, но это, похоже, не помогало. Ранки оставались сухими. Неужели поздно? Если так, то еще до утра этот юноша умрет.

– Жаль, что здесь нет знамени Моисея с медным змеем⁶, – промолвил Гарт.

Вдруг кто-то взял его сзади за плечо, бесцеремонно отодвинул в сторону и припал губами к двум ранкам, высасывая из них кровь вместе с ядом. Гарт увидел длинные волосы и куртку, что недавно поднял с земли.

– Бьянка!

Она не отвечала. Ее рот, глаза, руки – все было сосредоточено на одном: на ноге юноши, которую он держал чуть приподнятой, на его ране. Вдруг девушка отстранилась. Какая-то мысль пришла ей в голову.

– Ты зарубил ту змею, что укусила тебя? – спросила она юношу.

– Вот она, смотри, лежит рядом с ногой. Я разрубил ее почти пополам.

Бьянка некоторое время глядела на то, что осталось от змеи, потом улыбнулась и уселась рядом с незнакомцем.

– Это полоз, – сказала она, указывая на мертвую голову, – он не опасен.

– Не опасен? – недоверчиво смотрел на нее юнец. – Как ты можешь знать, они все тут одинаковые! И он укусил меня за ногу. Я могу умереть!

⁶ Согласно Ветхому Завету Бог наслал на израильтян ядовитых гадюк. Тогда Моисей сделал медного змея и выставил его на знамени; тот, кого ужалила змея, оставался в живых, лишь взглянув на знамя.

– Тебе больно? – спросила Бьянка. – Там, где укусы?

– Да, очень, очень больно.

– Потерпи. Боль пройдет. У полоза есть зубы, но у него нет яда. Твой страх от боли, только и всего.

– А эти?... – Молодой человек указал на других змей – искалеченных, еще шевелящихся.

– Тут и гадюки, и медянки, ты прав, но ни одна из них до тебя не добралась.

– Ты правду говоришь? – В глазах юноши засветилась надежда. – Скажи, что не врешь.

Да и вообще – кто ты, откуда здесь взялась? А этот рыцарь? Он с тобой?

– Со мной.

Бьянка подняла одну мертвую змею и поднесла к его глазам.

– Посмотри на ее зрачок. Что скажешь? Он у нее узкий и вертикальный, верно? Голова треугольная и ярко выраженная шея. Это гадюка. У полоза совсем нет шеи, а зрачки круглые. Гадюка черная, без украшений; у полоза полоса меж глаз. К тому же цвет. Полоз желто-зеленый. Гадюк таких не бывает.

– Откуда ты знаешь?

– Мир вокруг нас – книга. Надо научиться читать.

– Выходит, парень, тебе повезло, – сказал Гарт, – упали ты на гадюку – и тебе крышка. Твое счастье, что это не она. Жаль, что ты зарубил змею, она спокойно уползла бы себе. Но что сделано, то сделано. Надо убираться отсюда. Вдруг гадюки попытаются напасть?

– Нет, – сказала Бьянка, – они не нападают первыми. Не надо только их тревожить. И все же ты прав, лучше уйти отсюда. Лодыжка, – констатировала она, снова поглядев на ногу. – Ахиллесово сухожилие. Будь это медянка, ты бы даже не почувствовал. Ее зубы попросту не достали бы до тебя. Они рассчитаны на ящериц и мышей.

– А если бы достали? – покосился на нее юноша.

– Они не опасны. Их яд для человека не смертелен.

– Значит, я буду жить?

– Если перестанешь сваливаться в овраги. А сейчас пей больше воды. Идем к ручью.

– Нет! – вскричал юноша. – Там полно змей.

– Глупый, их давно уже нет. Не такие они дурочки, чтобы позволить себя убивать. Идем.

Здесь чистая вода. Где-то неподалеку родник.

– Как тебя зовут? – спросил Гарт.

– Филипп.

– Угораздило же тебя свалиться в эту канаву. А эти бестии как раз пришли сюда на водопой.

– Пришел лишь полоз, – поправила Бьянка, – остальные живут в воде. Сейчас ушли подальше, вниз по течению.

Они вдвоем помогли Филиппу подняться; немного все же прихрамывая, он добрался до ручья и склонился над водой.

– Пей! – требовала Бьянка. – Пей больше. Яд хоть и безвреден, но вовсе не нужен. Он должен выйти. Кровь выбросит. Да пей же ты!

– Она слишком холодная, – возразил Филипп, – просто зубы сводит.

– Никто не заставляет тебя спешно глотать, пей маленькими порциями.

– Как ты оказался здесь поздним вечером? Один? – спросил Гарт. – Тебе повезло, что не повстречался с кабаном или со стаей волков.

– Всему виной охота, – отвечал Филипп, продолжая глотать воду. – Я слишком далеко оторвался и потерял свой рог. Теперь я даже не знаю, где они. Как они меня найдут?

– Кто?

– Королевская свита. Сборище остолопов. Они даже глазом не моргнули, потеряв меня, словно их это совершенно не касалось. Я накажу каждого, как только меня найдет отец. Негодяи! Я им запомню.

– А кто твой отец?

– Король Людовик.

– Ба, вот так новость! – присвистнул Гарт. – Выходит, ты принц Филипп?

– Завтра должна быть моя коронация. Вместо этого на паперти реймского собора я прикажу выпороть половину придворных. Но это будет завтра. А сейчас? Что мы будем делать? Я совсем замерз. Кто же знал, что мне придется заблудиться в этих Компьеньских лесах, где, говорят, много лисиц. Но здесь, кажется, не меньше и змей.

– Это потому, что рядом болото, – объяснила Бьянка. – Мы от него всего лишь в нескольких сотнях шагов. Ваше счастье, принц, что вы угодили в эту канаву, а не поскакали дальше. Либо вы исчезли бы в трясине, либо вас покусали бы гадюки. Их там великое множество.

– Прикажу немедленно засыпать эти болота, а всех змей уничтожить! Черт знает что делается под самым носом у короля! А пока... Ты кто, рыцарь? – обратился принц к Гарту. – Как твое имя?

– Меня зовут Гандварт де Марейль.

– Марейль... Не припомню. Но что за странное имя?

– Согласен. Поэтому предпочитаю другое: Гарт.

– Отлично! Мне нравится. Как ты оказался тут?

– Король в опасности – вот я и примчался сюда. Ты предпочел бы иную ситуацию, Филипп?

– Ты первый, кто назвал меня по имени, – улыбнулся принц. – И я не потерпел бы, но ты спас мне жизнь и отныне можешь звать меня как угодно. Мне даже кажется, мы подружимся. Мне нужны друзья, Гарт, поверь, у меня совсем их нет, а ведь я скоро стану королем. Так ты согласен?

– Стать другом короля? Еще бы, черт возьми! Кому-то же надо будет спасать его от змей?

– На том и порешим. А что за девица рядом с тобой? Твоя любовница? Впрочем, мне нет до этого дела. Она хорошо разбирается в змеях и, думаю, во всем остальном не менее умна. Я возьму тебя с собой, Бьянка. Поедешь на мою коронацию?

– Принц, я, право, не знаю, – смутилась бывшая пленница. – Ведь я простая девушка, а там будут знатные дамы.

– Я прикажу раздеться любой из них и отдам тебе ее одежду. Уверен, мое будущее государство только выиграет от этого. А ты, Гарт? Тебя я даже спрашивать не стану – будешь стоять по правую руку от меня. Должен же кто-нибудь быть рядом со мной, кроме этих спесивых баронов, графов и герцогов, которым, видит Бог, я скоро одному за другим сверну шею.

– Они обижают тебя, Филипп? – спросил Гарт.

– Они враги моего королевства, и я должен от них избавиться, а их территорию забрать себе. Больно много у них земли и силы. Я король, и все это должно быть моим! Есть еще один прыщ на теле Франции – Генрих Анжуйский Плантагенет, король Англии. Бывшая супруга моего отца имела глупость выйти за него замуж. Теперь по ее милости он владеет территорией большей, чем моя. Я разрублю этот змеиный клубок, а потом уничтожу одну за другой все его части! Но об этом потом. Сейчас меня тревожит другое: где и как мы проведем эту ночь? Становится холодно, я совсем ооченел, к тому же напился холодной воды.

– Прежде нам надо выбраться из этого оврага, принц, а там посмотрим, – ответил Гарт. – Ясно одно: ночевать придется в лесу, другого выхода я не вижу.

– Согласна, – кивнула Бьянка, – идти и в самом деле некуда. Надо соорудить шалаш или хотя бы найти какое-нибудь мало-мальски пригодное место для ночлега, скажем, корневище поваленного дерева.

Филипп не отвечал. Его вдруг стало трясти, он замерзал. Или заболел. Так или иначе, но его немедленно надо было спасать, найдя укрытие и разведя поблизости огонь.

Гарт и Бьянка не мешкая занялись этим. Они вынесли дрожащего, обмякшего, безвольного юношу на открытое место и не нашли ничего лучшего, как устроиться под стволом огромного и старого упавшего дерева. Гарт соорудил настил, Бьянка натаскала веток, и вскоре получилось неплохое убежище для совсем обессиленного и начавшего нести бред принца. Ему выложили постель из елового лапника, уложили его туда и постарались как можно теплее одеть. Потом Гарт достал трут, кремень и высек искру на сухой мох. Он задымил, потом вспыхнул, и вскоре почти у самого входа в «жилище» весело заплясал костер. Вовремя: «няньки» принца тоже стали подрагивать от холода, но теперь он им не грозил. Бьянка раздобыла где-то берестяной желоб, принесла в нем воды и поставила рядом с огнем, чтобы хоть немного согревалась для принца Филиппа.

А он тем временем спал, повернувшись лицом к огню и что-то бормоча во сне. Бьянка поневоле стала разглядывать его. Приятное на вид лицо, прямой длинный нос, красиво очерченные губы, копна спутанных волос, большой лоб. Да и ростом не мал. И еще большие руки, которые принц держал сложенными вместе у подбородка – широкого, волевого, с ямочкой. На ногах – сапоги, штаны, дальше куртка и на голове зеленая шапочка. В ногах лежал меч и колчан со стрелами. Лошадь будущего короля Франции стояла здесь же, привязанная к дереву. Опустив голову, она щипала траву.

Глава 6. Бьянка

Бьянка долго, молча и сосредоточенно глядела на спящего принца. Гарт ждал, что она скажет. Не могла не сказать. И услышал:

– Лихорадка. Огромное нервное потрясение. Он был сильно напуган.

– Это пройдет?

– Да, но не скоро. Утром отвезем его в Компьень, покажем врачам. Объявим всем, кто он. Король непременно прибудет туда.

– А до утра?...

– Даст Бог, все обойдется.

Бьянка замолчала, заворожено глядя в пламя костра, жадно пожиравшее сухие ветки. Гарту захотелось разговорить ее. Ему никогда не приходилось беседовать с еретиками. Какими тайнами они владеют? Что знают такого, чего не желает знать или боится святая Церковь? Может быть, им известна тайна Грааля, о которой в последнее время много говорят?

– Откуда ты, Бьянка? – спросил он ее, подкладывая дров в костер. – Язык твой труден, – не наш, не северный.

– Из Тулузы, – ответила она, все так же глядя в огонь.

– Как же ты оказалась здесь, чуть ли не у самого Парижа?

– Много дорог приходится пройти, чтобы донести до людей свет истинной веры.

– Истинной? Наша, стало быть, другая?

– Мир не совершенен. В нем нет добра, – уклончиво ответила Бьянка.

Гарт попробовал возразить:

– Такого не может быть, ведь все сотворил Господь. А Он добр. Или ты думаешь иначе?

– Нет. Но Он потому и не мог сотворить такого мира.

– Не мог? Но откуда же взялся мир? Кто создал его?

– Не Он.

– Кто же?

Она повернула голову и вперила в него острый, жгучий взгляд своих черных глаз, бросавших вызов ему, миру, самому Богу. Гарт вздрогнул и поневоле отшатнулся: ему показалось, будто в него, вдобавок к прежним, впились еще две огненные стрелы, несущие смерть. И, словно в подтверждение этого, он услышал страшное слово. Ему почудилось даже, что слетело оно не с губ Бьянки, а вырвалось из ее широко раскрытых, точно безумных, глаз, устремленных на него.

– Дьявол! Мы зовем его Великим Гордецом.

– А человек? Тоже творение дьявола?

– Человек есть творение доброго Бога, но тело его пребывает во власти сатаны. Все зло на земле вызвано дьяволом, но Церковь оправдывает господствующий строй, стало быть, она является пособницей и соучастницей преступлений князя тьмы.

– Но если дьявол столь силен, не говорит ли это о том, что святые отцы вместо служения Господу стали служить сатане? Что есть тогда в их устах молитва?

– Глас Вельзевула, а потому Церковь должна быть уничтожена.

– Как же тогда быть со спасением души? Кто станет отпускать человеку его грехи? Ведь этак все станут попадать в котел к Люциферу.

– А многие ли верят церковникам? Хорошо ли те выполняют свое дело спасения? Кто спасся и попал в рай? И кто оказался в преисподней? Есть очевидцы? Видел ли их кто-нибудь? Никто и никогда. Доводилось ли слышать с небес голоса умерших? Тоже нет. Тогда возникает вопрос: правда ли это? Чему же верить? Ведь так можно напелсти что угодно, запугав человека

мучениями или пообещав ему блаженство в райских кущах. Кто проверит, так ли, как глаголет монах? Да и откуда ему знать? А задумался ли ты? Кто-нибудь вообще?

– О чем же?

– Для чего все это? Почему человек должен бояться Церкви и выполнять все ее предписания? Для чего ей держать его в страхе? Понятно, для себя, не для Бога. Но есть и еще некто, кому выгодно такое положение дел.

– Любопытно, кто же это?

– Король. Герцог, граф, барон. Господа. Их интересам и служит Церковь, делая из человека бессловесную скотину, превращая его в глупого раба. Но возмущает опять-таки не это. Не Церковь, ибо Богом устроена. Вызывают гнев ее порядки, пороки ее слуг, искажение заветов Христа, поклонение Ветхому Завету, который мы, катары, презираем как изобретение демона. Потому и боремся мы не против Церкви вообще, а за Церковь хорошую, истинную.

– То есть за справедливую и бескорыстную? Но этого не может быть, – она неразрывно связана с господами, с правящими классами.

– Мы – за ее противное Богу учение и уничтожение ее прогнившего организма, этой зловонной язвы.

Гарт усмехнулся:

– Бьянка, ты еретичка вдвойне: восстаешь против Церкви как угнетателя и высказываешь несогласие с ее учением. Два костра – это уж слишком. Тебе трудно будет спастись от них. Избежав одного, ты неминуемо угодишь в другой.

– Я буду спасена и войду в царство небесное, ибо я «совершенная».

– Хотелось бы знать, что это такое.

– «Совершенный» – тот, кто прошел все ступени посвящения. Иные становятся епископами, ибо они священнослужители. Совершенный – соискатель смысла утешения, которое получает простым наложением рук от Старейшины. «Совершенные» исповедуют верующих, раскрывая им полезное действие молитвы «Отче наш»; это была молитва ангелов до их грехопадения. Так мы посвящаем верующих в таинство. Кроме того соискателю предстоит стать вегетарианцем, не лгать, не приносить клятв и не судить. Нам запрещено отречься от Церкви катаров даже под угрозой костра...

– Из этого можно понять, – перебил Гарт, – что ты ничем не рисковала, когда стала пленницей.

– Я умерла бы за нашу веру с такой же легкостью, с какой ныряльщик бросается головой в воду, – твердо ответила Бьянка, высоко подняв голову.

– Зачем же тогда ты позвала меня на помощь?

– Нехитрое дело – сгореть на костре. Сотни верующих, желающие стать соискателями, ждут часа заявить о своем намерении. Рука моя, прежде чем сгореть, должна помочь тем, кто уже успел подвергнуться испытанию.

– Почему ты в черной одежде? Это ваш повседневный наряд? – спросил Гарт.

– Она отличает «совершенных» от простых верующих. Помимо этого мы носим черные одеяния, чтобы явить скорбь своей души о пребывании в земном аду.

– Надо думать, ты образованна? Как иначе читала бы ты Новый Завет?

– Я изучила все семь свободных искусств.

– Значит, умеешь читать, писать, считать?

– Этому учат в наших школах. А ты? – Бьянка неожиданно перешла в нападение. – Имеешь семь рыцарских добродетелей? Одна мне известна: ты хорошо сидишь в седле. А остальные? Ты должен уметь владеть копьем и мечом.

– Я рыцарь! Тебе это ничего не говорит? Я обязан делать все, что налагает на меня это звание. Разве недавний бой тому не подтверждение?

– Да, я видела, как ты рубился. А плавать ты умеешь?

- Плавать?
- Одна из необходимых добродетелей. И еще игра в шахматы.
- Меня учили всему этому. Я был способным учеником.
- Еще охотиться.
- Не очень-то мне это по нраву, но если я буду умирать с голоду, то вместо меча возьму в руки тугой лук.
- Наконец последняя добродетель. Ты должен уметь слагать стихи и сочинять песни, чтобы восхвалять в них даму своего сердца.
- Из меня निकудышный стихоплет. Играть я не умею, петь тоже, наверно, потому, что мне это не нравится. Но такие нынче времена. Ты с юга, у вас это в моде. Видимо, я должен постараться научиться вашему искусству трубадуров.
- Еще бы! Что ты скажешь даме, когда она попросит спеть для нее канцону или сирвенту?
- Ничего. У меня нет дамы сердца.
- А я? – бросила игривый взгляд Бьянка.
- Ого! Ты считаешь, что пришлась мне по сердцу?
- Разве нет? Ведь ты глаз с меня не сводишь. Вижу, хочешь раздеть. Но для этого ты сначала должен спеть мне песню, чтобы я растаяла. Из холодного воска не вылепишь фигурку.
- У меня нет лютни, – улыбнулся Гарт.
- Попробуй обойтись без нее.
- Гарт бросил взгляд на спящего Филиппа.
- Мы разбудим принца.
- Его сон крепок, будь уверен. Заметь, он ни разу не шелохнулся во сне.
- У Гарта остался последний аргумент.
- У меня нет голоса. Зато есть руки, которые сделают воск мягким.
- Бьянка вскочила с места, глаза ее пылали.
- Нет! Довольно шуток, рыцарь! Я дала обет целомудрия и безбрачия – этого требует наша вера.
- Не пойму тогда, что в ней хорошего. Ведь этак и состаришься в девственницах. А пока ты молода, разве не хочется тебе настоящей, плотской любви? Не монахиня же ты.
- Только тронь! – Бьянка протянула руку к талии. – У меня за поясом кинжал.
- Гарт засмеялся, покачал головой, махнул рукой, предлагая ей успокоиться.
- Сядь. Сумасшедшая. Как вы только плодитесь... Кто научил тебя всему этому? – вдруг спросил он.
- Она села, снова уставившись в костер.
- Их было несколько, наших учителей. Теперь нет ни одного. Слышал про Абеяра?⁷ Ученый, поэт. Его школа была самой известной из нецерковных школ. Он отвергал индульгенции, обличал лживых монахов, вероломство и продажность церковников, высказывал истинные взгляды на происхождение Христа, Его душу, нисхождение Его в преисподнюю. Словом, осуждал Церковь, выдвигая на первый план разум, который должен быть поставлен выше веры. На него писал в Рим доносы Бернар Клервоский⁸, тот самый глупец, который проповедовал Второй крестовый поход.
- Который закончился полным провалом, – мрачно изрек Гарт. – Но что же дальше было с Абеяром?

⁷ Петр Абеяра (1079–1142) – средневековый мыслитель, выступавший против авторитета католической церкви.

⁸ Бернар Клервоский (1090–1153) – монах цистерцианского ордена. Настоятель основанного им монастыря в Клерво. Участвовал в создании ордена тамплиеров, был вдохновителем Второго крестового похода. Осуждал украшения христианских храмов: «Церковь блистает в своих стенах и пренебрегает бедняками. Она золотит камни и оставляет нагими детей». Активно боролся с еретическими течениями.

– Его осудили и заточили в монастырь, где он и умер. Но его дело продолжил Арнольд Брешианский⁹, его ученик, священник. На него натравили Фридриха Барбароссу. Тот заковал Арнольда в цепи и отправил в Рим; там его, как еретика, по приказу папы сожгли на костре. А Фридриха за то, что он выдал мятежника, ратовавшего за свержение папского ига, папа короновал императорской короной.

– Должно быть, хорошим человеком был этот Арнольд, если его ненавидели церковники и любили простые люди, – заметил Гарт.

– Вот именно, любили! – воскликнула Бьянка. – Хочешь, я расскажу тебе кое-что? Он говорил горожанам, что если они добрые христиане, то должны отобрать у Церкви ее власть и ее богатства. Кто не понимал, тому он отвечал, что Иисус Христос и его апостолы жили в бедности и смирении, о чем сказано в Священном Писании. Нынешняя же Церковь утопает в роскоши, значит, нарушает закон Божий. Стало быть, это уже не храм, а разбойничий притон, а духовенство – не слуги Божьи, а слуги дьявола.

– Смелые слова. Понятно теперь, почему папа отправил его на костер.

Сомкнув губы, не мигая, Бьянка зачарованно глядела на трещавшие в огне сучья, и ее зрачки горели, то вспыхивая искрами в ночи, то пылая жарким пламенем. О чем думала она сейчас? О принце Филиппе? О рыцаре, сидящем напротив нее? Или о том, что недалек тот час, когда и ей, как многим ее адептам до нее самой, придется ступить в жар огня за свои убеждения, за веру, смерть ради которой не страшила ее?

– В чем суть веры катаров? – спросил Гарт. – Каковы ваши взгляды, религиозные запросы? В чем ваша сила?

Бьянка ответила не сразу. Много вопросов. Каждый из них – частица ее жизни, орган тела, ее кровь, которая не принадлежала уже ни ей, ни Христу, а тем проповедникам, что учили ее по-новому глядеть на мир, закрытый для многих. В пламени костра искала она ответы и находила их один за другим. Она начала с рождения, и тот, кто указал катарам истинный путь, был учителем Арнольда и Абеяра.

– Его звали Пьер де Брюи. Он был убежден в необходимости реформы Церкви и пострадал за свои убеждения. Он из Лангедока. Там его схватили и сожгли в Сен-Жилле. Он запрещал крестить младенцев. Разве они понимают значение этого таинства? А коли так, то все прочие люди должны быть осуждены как не христиане. Он считал, что незачем молиться лишь в храмах; единение верующих указывает любое место, где можно быть услышанным Богом – на площади, в поле, даже перед стойлом. Лишь бы молитва шла от души.

– А что, он прав, – перебил Гарт. – По мне так все едино где молиться, пусть даже на берегу ручья. Бог увидит и услышит, раз речь обращена к нему.

– Затем он требовал ломать и сжигать кресты – символ мученичества и смерти Иисуса. И если в первых двух пунктах катары кое в чем и расходились с Пьером, то здесь они были единомышленны. Меч и огонь – вот чего заслуживает крест! Он – не символ веры, а орудие пытки. В Риме на крестах распинали людей.

– Не за это ли тебя хотели отвезти на суд епископа?

– За это и за многое другое. Но послушай дальше. Речь пойдет о таинстве Причастия. Мы утверждаем, что хлеб и вино не претворяются в тело и кровь Христовы. И ничто не способно это совершить: ни божественная сила, ни старания церковников. Поэтому глупое Причастие совершенно бесполезно.

⁹ Арнольд Брешианский (1100–1155) – ученик Абеяра, выступал с резкой критикой духовенства. Был сослан, вскоре вновь появился в Риме. Обличал преступления папства и феодальной знати, требовал лишить папу светской власти, стоял за реформы Церкви.

– И в самом деле, – пробормотал Гарт, – как это может быть, – кусая хлеб, я, значит, грызу руку Спасителю или Его ногу? А вино? Кто же это способен превратить его в кровь? Чепуха, да и только. Мой разум отказывается в это верить.

– Однако есть пункты, в которых наше учение расходится с Пьером из Лангедока. Например, он не находил ничего дурного в том, чтобы есть мясо и не соблюдать католических постов.

– Ого! Значит, вы, катары, не едите мяса? – искренне удивился Гарт. – Но почему? Вам приятнее вместо этого есть хлеб и жевать траву, как коровам?

– Нам запрещено убивать и употреблять в пищу все то, что имеет животное происхождение: мясо, молоко, яйца. Исключаются при этом насекомые и рыбы. Около ста лет назад в Госларе у виселицы поставили нескольких человек, в которых подозревали катаров. Им предложили условие: их отпустят, если они согласятся на глазах у всех зарезать цыпленка. Что же ты думаешь? Они отказались, и их повесили, признав в них еретиков.

– Что за странная у вас, катаров, фантазия? – недоумевал Гарт. – Что здесь особенного? Для чего тогда звери, птицы, если не убивать их и не есть их мяса? Клянусь рукоятью своего меча, я этого не понимаю.

– Ты, как и всякий христианин, ничего не знаешь про учение о переселении душ. Для искупления своих грехов душа человека обязана входить в тела животных. Известно, что сатана создал Адама и Еву. Но напрасно он старался вдохнуть в них живые души. Наконец ему помогли два ангела. Потом, после Адама и Евы, они вселялись в Ноя, Авраама и других пророков, ища себе спасения. В конце концов они вернулись на небо, показав всем, что души людей – такие же падшие ангелы. Эта вера и привела к учению о переселении душ, которые, для того чтобы вознестись к своему создателю, должны были сначала входить в тела животных. Нам запрещено даже убивать червей.

– Уж не предложили ли тебе люди епископа зарезать цыпленка или разорвать пополам червя? – спросил Гарт.

– Нет, все было по-другому. Я расскажу тебе. Я наставила на путь добродетели одну знакомую мне женщину. Речь шла о грехе совокупления. И вот, когда она работала на своем поле, мимо нее проезжал на осле один каноник. Женщина понравилась ему, и он предложил ей согрешить с ним. Но она сказала, что, если послушается его, будет бесповоротно осуждена. Каноник заподозрил в таком ответе признак ереси и приказал бросить несчастную женщину в тюрьму. Там ее пытали, и она назвала мое имя. Ко мне пришли и, увидев мое бледное лицо, тотчас схватили меня и повезли на суд епископа.

– При чем здесь бледное лицо? – удивился Гарт. – Разве это является достаточным основанием для ареста?

– Они хотели заставить меня поклясться, что в моем теле не сидит дух сатаны. Но я не сделала этого. Катарам запрещено приносить клятвы.

– Мерзавцы! Они пошли на хитрость, зная об этом!

– Потом они предложили мне кусок мяса. Наконец спросили, что я думаю о браке.

– И что ты им ответила?

– Катары осуждают брак. Услышав это, они связали мне руки и усадили на мула. Они поняли, кто перед ними.

– Вы, катары, похоже, забыли одно из посланий Павла. Он выступает против «запрещающих вступать в брак». Он же не одобряет тех, кто не употребляет в пищу все, что Бог сотворил. Как ты это объяснишь?

– Тысячелетие минуло с того времени, – задумчиво молвила Бьянка. – Сколько народностей на земле, столько и сект. Каждая живет по своим законам. У нас в Лангедоке тоже не во всем согласие. Безбрачие толкуют и так и этак. Брак – не таинство, но это не накладывает запрет на половое воздержание. Телесные радости неотделимы от духовных; окситанцы, откуда я родом, почитают и те и другие.

Гарт мало что понял, но все же рискнул высказаться:

– Ага, значит, плотские удовольствия вам не запрещены?

– Окситанцы говорят: «Если очень хочется, можно вступить в свободный союз. Но не в брак». Это не противоречит учению катаров.

– Вернемся к бледному лицу, – согласно кивнул Гарт. – Как можно по этому признаку распознать еретика?

– Катары переносят страдания от самобичевания и строгого поста, поэтому можно выглядеть бледным и худым. Для римской Церкви это верный признак еретика. От этого, кстати, пострадало много католиков. Христианин с бледными впалыми щеками не такая уж редкость. Как тут не заподозрить инакомыслие? Многие христиане сводили таким образом счеты со своими врагами или кредиторами.

– Ты говорила недавно, – сказал Гарт после недолгого молчания, – что мир создан не Богом, а дьяволом. Твоя мысль или этому учат вас ваши проповедники? И как ты это объяснишь?

– Ты забыл, что я «совершенная», а значит, проповедница. Мне запрещено только исполнять роль священника. Так вот, рыцарь, коли ты не в меру любопытен, я постараюсь объяснить тебе то, до чего ни один из христиан не дойдет своим умом. Но что это ты делаешь? Никак хочешь изжарить змею в костре?

– Надо же чем-нибудь питаться, – ответил Гарт, протыкая прутом перерубленную змею, которую прихватил со дна оврага. – Полоз совсем не худ, мяса много, а яда в нем, сама говоришь, нет.

– Что ж, верно. Я слышала, так поступают многие народы. Так вот, – продолжала Бьянка, – ваша Церковь утверждает, что это Бог сотворил землю и людей. Однако безупречен ли человек, совершенен ли он? Ты сам знаешь, что нет. Но если так, почему Божьи творения не такие идеальные, как Он сам? Если Он не смог создать их совершенными, значит, Он не всемогущ и вовсе не безупречен. Если же Он мог это сделать, но не счел нужным, то это несовместимо с глубокой любовью.

– Какой же вывод из всего этого? – с интересом спросил Гарт.

– Бог не создавал этот мир, – был ответ. – Подумай сам. Творец, по-вашему, полон любви к людям? Как поверить тогда, что все созданное, чтобы убивать и мучить человека, происходит от Него? А наводнения и засухи, губящие людей и посевы? Огонь, пожирающий людей и их жилища? Ведь это дело Его рук! А тело человека? Оно создано только для того, чтобы умереть, причем не сразу, а после болезней и долгих мук. Как же мог совершенный Бог дать человеку такое тело? Вывод: мир, который не мог быть сотворен Богом, порожден злом. Зло – есть самостоятельное начало. Дьявол говорил Христу: «Все это дам тебе, если поклонись мне». Значит, мир принадлежал сатане, и он был его творцом. Иоанн говорит о сынах Божьих, не от плоти рожденных. Кому же тогда принадлежат люди, созданные из плоти и крови? Чьи они сыновья, если не дьявола, которого сам Христос называл «Отец ваш?» Но дьяволу чужда истина, значит, человек лжив по природе и живет в мире греха и мрака.

– Ты сомневаешься в Боге, а это грех, – заметил Гарт. – Такое сомнение мешает спасению души. Услышав твои слова, святые отцы поторопятся развести под тобой костер, и никто не в силах будет спасти тебя.

– Я презираю эту жизнь, – ответила ему на это Бьянка, – ибо после смерти она будет лучше, будет истинной. Мы ищем слияния с Богом в Духе. Предел желаний человека – царство небесное, то есть жизнь после смерти. Поэтому смерть для меня не страшна. В этой жизни я настолько приблизилась к Духу и Богу, что в смертный час расставание с миром не опечалит мое тело.

– Но ведь это страшная смерть! Ты будешь гореть заживо! – воскликнул Гарт. – Неужто и тогда не отречешься от своих взглядов?

– Мучительная смерть обеспечивает душе возвращение к Богу. Сто лет назад в Кёльне сожгли много катаров. Среди них была прекрасная юная дева, которую решили пощадить. Ее вытащили из пламени и пообещали выдать замуж. Тогда она бросилась на останки их учителя, Арнольда, чтобы сгореть вместе с ним и отправиться в ад. А те, которые еще не были сожжены, увидев это, сказали слова Христа: «Блаженны изгнанные за правду».

– Как же сам Иисус взирает на это с высоты небес? Если вера ваша истинная, почему он не гасит костры и не обрушивает свою кару на палачей?

– Есть среди альбигойцев, жителей одного из наших главных городов, те, что не верят в Христа. Они утверждают, что мир существует вечно и не имеет ни начала, ни конца. А вот в Орлеане во времена Роберта Благочестивого говорили: «Бог не мог сотворить землю, ибо это означало бы, что Он сотворил порочное». Далее они говорят: «Христос никогда не родился, не жил и не умирал на земле, а значит, Евангелие – есть выдумка католических попов». Это об орлеанцах Иисус сказал: «Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; и такие ветви собирают и бросают в огонь». После смерти, в отличие от нас, они не имели вечной жизни.

Собор этого года в Латеране объявил на нас крестовый поход. Причем нас и рутьеров поставили на одну доску. Но тех – попробуй разыщи и побей. Возьми ежа – весь в колючках. Взялись за нас, – некоторых сожгли, остальных порубили да разорили все вокруг. Хотели было взять нашу совершеннейшую из всех – графиню Эсклармонду. Жила она в отцовском замке Фуа. Ах, эта женщина настоящий «Светоч мира!» Ее жизненный путь озарен чистым светом, которым лучилась Церковь любви. Она – королева фей замка Монсегюр, где живут эльфы. Говорят, она хранительница Грааля – священного камня из короны Люцифера. Но они ее не нашли: она успела скрыться в горах. И это первый поход против своих же, против христиан! И не кончится этим, пока Церковь не уничтожит нас всех.

– Эта печь Навуходоносора никогда не насытится, – вспомнил Гарт библейскую легенду. – В своих жестокостях Церковь не уступает вавилонскому тирану, разорившему Дворец Соломона.

– Среди нас были истинные мудрецы, сгоревшие на кострах, – продолжала Бьянка. – Представь, они отрицали подлинность божественных чудес. Они уверяли, что не Бог, а природа управляет стихиями, а потому вовсе незачем молиться, прося у Господа хорошую погоду. Не потому ли Бог не гасит костры? Как думаешь, рыцарь? Согласен ты с мудрецами?

Гарт не знал, что ответить. Мышление рядового средневекового человека подчинялось церковным законам. Божий промысел присутствовал везде и диктовал людям свою волю, убивая в умах иные измышления. Мрак невежества накрыл темным плащом все человечество; темнота эта все чаще озарялась зловещими сполохами «костров веры». Церковь боролась с разумом, проповедуя невежество. Разум человека был ее смертельным врагом. Восстать против невежества – значило в те времена взойти на костер.

Бьянка поняла молчание Гарта и не ждала от него ответа. И все же он сказал:

– Должно быть, они были правы, если пострадали за свои убеждения. Но сколько их, этих пострадавших? Повсюду горят костры: в Милане, в Орлеане, в Госларе, Кёльне, во Фландрии. Жгут всех подряд: мужчин, женщин и даже детей! Как вам не жаль самих себя? Стоит ли гореть в костре, если церковники не слышат от вас того, что хотят услышать? Если желают, чтобы вы поклонялись иконам и кресту?

– Я уже говорила: человеческое тело – ничто, и мы не боимся смерти, – убежденно проговорила Бьянка. – Огорчает то, что, кроме Альби, нас везде травят и отовсюду гонят. И все же мы знавали дни побед. Десять лет назад в Тулузе разум восторжествовал над насилием, и мы уже не скрывали своих убеждений. Церковь уступила: у нее не было средств вести борьбу со столь сильным врагом, каким она нас считала. Люди, даже дворяне, не желали быть ее орудием, поэтому анафемы в наш адрес являлись всего лишь пустыми словами. Созвали собор.

Встал вопрос о главенстве Катарской церкви над Римской, которая не пользовалась уважением народа. Но сила перешла на сторону римского первосвященника. Граф Раймонд Тулузский заключил союз с папой и Фридрихом. Однако вести борьбу против нас отказался. Просто не смог. Почти все жители его городов были катары; народ нас уважал и презирал духовенство. А Раймонда можно понять: он постоянно воевал с Арагоном и Англией. Где же ему взять людей, если он перебьет еретиков? Но положение на его землях было угрожающим: Церкви пусты, таинства в презрении, духовенство до крайности развращено. И он почувствовал себя бессильным. Даже король Людовик не знал, как ему помочь. И вот папа созвал Третий собор...

– Об этом мы уже говорили, – напомнил Гарт.

– Я и не стану повторять. Скажу лишь о смерти, которую все так боятся. Но не мы. У нас даже происходят самоубийства: мы убиваем себя голодом, ядом или открытием вен. Бывает, родственники помогают нам в этом.

– Но зачем? – не понимал Гарт. – Разве нельзя притвориться, чтобы в тебе не распознали еретика?

– Катары не умеют притворяться. Мы честны и правдивы, не то что ваша лживая Церковь. Умирая, мы входим в жизнь на небе, творя добро на земле. Мы умираем для мира, дабы возродиться в Иисусе Христе. И сказал Иисус: «Всякий, верующий в Меня, не умрет вовек».

– Расскажи еще что-нибудь о дьяволе, – попросил Гарт. – Кто он, какие обличия может принимать? Какое от него зло людям?

– Дьявол господствует в Римской церкви; она – блудница вавилонская. Все святое борется с дьяволом; кто не в силах противостоять ему, тот обречен на вечные муки. Его орудие – плоть человеческая, и здесь он подстерегает человека везде. Однажды он явился в виде змея к Блаженной Гумилиане. Увидев его, она обернула ноги одеялом, чтобы змей не пробрался к ней. Но он все-таки приполз и стал уговаривать ее лишиться девства. Тогда она схватила его и бросила на пол. Потом еще раз, и еще. Шум стоял такой, что, казалось, весь дом проснется. Тогда она села на него верхом и взяла с него обещание не возвращаться больше или его разорвут ее собаки. Дьявол еще думал, а она сказала ему: «Уходи, потому что Богородица со мной!» Он уполз и уже не появлялся больше.

Гарт с интересом слушал. Ветки трещали в не затухавшем костре. Бьянка взялась за монастыри:

– А знаешь ли ты, что монахи – не что иное, как сатанинское церковное воинство? Дьявол руководит всеми их поступками, нашептывает то, что нужно говорить или закрывает им рот, когда надо молчать. Если монахи противятся, дьявол не дает им ночью спать. А когда наступает время обедни, сатана погружает братию в сон. В результате монахи храпят днем в церкви во время богослужения. Один аббат взялся читать проповедь, но, чтобы не уснуть, держал руку на холоде. Тогда демон стал, подобно блохе, кусать эту руку и делал это до тех пор, пока аббат не убрал руку и, согревшись, не заснул. Но об этом можно говорить долго, рыцарь, а скоро рассвет. Скажу тебе еще напоследок, откуда взялось наше учение и почему оно нападает на церковников, если ты еще не совсем понял.

Церковь всегда старалась убить в христианах мечту о Божьем царстве на земле; она – за классовое неравенство и обращается к пастве с просьбой примириться со своим положением, обещая за это загробную райскую жизнь. Мы, катары, призываем людей не верить этой лжи и вступаем с ней в борьбу. Вот откуда берется инакомыслие. Поэтому мы преследуем Церковь, и нас нельзя победить огнем и мечом. Мы с ней на двух разных полюсах. Не желая терять власть, она всеми силами стремится уничтожить нас. Но их епископы слабы. Собственные интересы заботят их больше, нежели ересь. К тому же они глупы. Сыновья богатых родителей, они попросту купили свои должности, не имея при этом понятия ни о Ветхом, ни о Новом Завете. Но они чувствуют зло, которое направлено против них, их жизненного уклада. Это их раздражает, а потому в скором времени вынудит создать орден преследования еретиков. Это

близко, рыцарь, оно чувствуется, витает в воздухе. Еще немного времени – и Церковь двинет против нас свои полчища...

Глава 7. «Свинья» в попутчики

– Но смотри, рыцарь Гарт, уже светает. Мы должны позаботиться о юном принце. Место, что мы для него выбрали, не совсем удачное для сына короля.

Гарт подошел, склонился над Филиппом, потрогал лоб, щеки, подставил ухо и долго прислушивался.

– Парень, кажется, болен, – нахмурился он. – У него жар. К тому же он бредит.

Бьянка опустила на колени у изголовья принца.

– Конец света... четыре шестерки... придет антихрист, – бормотал он. – Бекет... они убили его в храме, прямо у алтаря... это Генрих, я знаю. Коронация... отец... я ехал в Реймс. Кормилица... Меланда... не умирай же, прошу тебя, не умирай!..

И замолчал, вздрагивая во сне. Но он не замерз: костер грел хорошо, вокруг лапника было тепло. Однако щеки его были бледны, а лоб покрылся испариной.

Неожиданно юный Филипп открыл глаза. Они забегали по сторонам, ища кого-то.

– Гарт! – Принц хотел приподняться, но не смог и упал в бессилии. – Я вспомнил: это ты порубил змей, а потом принес меня сюда. Здесь так тепло... Это ты развел костер?

– Нас двое. Ты забыл, Филипп, со мной Бьянка.

– Славная девушка, где ты ее нашел?... Впрочем, не все ли равно? Вы оба спасли меня, и я у вас в долгу. Если не умру, то стану королем. Тебя, Гарт, я сделаю герцогом и отдам тебе Шампань, а Бьянку выдам замуж за графа Амьенского...

И он снова впал в забытье.

– Бедняга совсем плох, ему нужен лекарь, – произнес Гарт.

– Что ты собираешься лечить? У него жар от холодной воды, лихорадка, бред и к тому же нервное потрясение, я уже говорила. Его надо сейчас же увозить отсюда.

– Куда?

– В Компьень. Там его скорее всего найдут королевские охотники. Только я не знаю, где это.

– В той стороне. – Гарт указал на запад. – Видишь, тропа ведет туда? К тому же, мне кажется, я слышу оттуда звон колоколов.

– Хорошо, что у нас есть его лошадь. Но ему не усидеть в седле, он слишком слаб.

– Я посажу его впереди себя. Ты сядешь на его лошадь, а мула поведешь в поводу.

Так они и сделали, кое-как усадив принца на коня. Он тут же свалился на холку, обняв ее. Наконец они тронулись с места: Гарт с Филиппом впереди, Бьянка сзади с мулом в поводу.

– Скоро мы окажемся среди людей, – повернулся к ней Гарт. – Прошу тебя, будь благоразумной, не высказывай своих еретических взглядов, особенно при церковниках. Наша задача доставить принца в город, где его вылечат, а потом разыщет король. Что же касается тебя...

– Я уеду в Тулузу, – твердо ответила Бьянка. – Там мой народ, мои единоверцы. Воздух Франции небезопасен для таких, как я, и если уж сгореть в костре, то лучше это сделать на юге, чем на севере.

Гарт только вздохнул в ответ.

Они не проехали и одной трети мили, как им повстречался довольно неряшливо одетый человек с лютней за спиной. Он шел навстречу опушкой леса и, опустив голову, смотрел в землю. Казалось, что-то искал. Время от времени он высмаркивался в платок зеленого цвета. Путник был молод, в легкой шапочке, рваной куртке серого цвета, выдавших виды штанах с оттянутыми коленками и башмаках на босу ногу. Увидев всадников, он остановился. Но – ни слова. Стоял и молча ждал, когда они проедут мимо.

– Эй! – крикнул ему Гарт. – Ты кто?

– Свинья, – прозвучал исчерпывающий ответ.

– А что ты тут делаешь?

– Собираю желуди.

– Желуди? Но зачем? Для кого?

– Для себя. Говорю же – свинья.

И путник снова от души прочистил нос.

Всадники переглянулись. Бьянка спросила:

– Кто тебя так назвал и за что? По виду ты – вагант¹⁰ или трувер¹¹. Спел кому-то плохую песню и тебе назначили епитимью?

– Все так и было. Заехал в один замок, а там торжество. Дочери хозяина стукнуло пятнадцать. Меня попросили спеть для нее любовную песню. И я... я не спел ее. На втором куплете эта проклятая канцона вылетела у меня из головы, как птица из клетки. Стыд был ужасный. Меня чуть не побили. Потом заставили петь вторую. Я спел сирвенту о попах.

– И что же? Она им не понравилась?

– Она пришлась не по вкусу именно тому, против кого была направлена. Там, оказывается, был аббат, которого я не заметил. А песенку спел, на свою беду, острую. Известно, как жадны церковники и хитры, как дурят народ и богатеют при этом. А ведь я и сам был монахом, да потом бросил это: уж больно скучно. А Рим... о, я спою только один куплет, и вы поймете, за что меня выгнали из замка.

– В другой раз, – оборвал его Гарт, – нынче нам не до песен. Скажи, эта ли дорога на Компьень?

– Она самая, сир, я как раз по ней и иду. Меня обозвали свиньей и вышвырнули вон из замка сеньора де Рокбер. Черт бы побрал этого аббата. То-то я думаю: чего это все хмурят брови? Оказалось, этот святоша приходится родственником хозяйке замка. А я про него: «Грабитель грязный, ослиная рожа...»

– Довольно, трувер, – снова оборвал его Гарт, – ты же видишь, нам не до тебя.

– Меня зовут Герен, – произнес бывший монах. – Если хотите, я покажу вам верную дорогу. А эта петляет; упаси бог, забредете в болото, а там гадюк видимо-невидимо.

– Что ж, предложение разумное, – кивнул Гарт. – Садись на мула. Спутник нам не помещает. Ехать, похоже, немало. Человека с собой везем.

– Ваш товарищ? Ранен? Заболел? – спрашивал Герен, взбираясь на мула.

– Болен бедняга. Нервы у него сдали. Со змеями боролся. Одна укусила, думали – гадюка.

– А оказалось?

– Полоз. Его он и зарубил. Но рана ноет, да и плохо ему, без памяти, дрожит весь.

– Тогда едем. Я знаю, где живет медик. Когда я шел сюда, то увидел издали дым костра.

Не ваш ли? Похоже, ночевали в лесу?

– Куда же ехать в темень?

– Не догадались поджарить полоза? Говорят, очень вкусный, а если к тому же человек голоден, как Немейский лев...

Бьянка протянула ему кусок изжаренного мяса. Герен схватил ее руку и, прежде чем взять кусок, почтительно поднес ее к губам.

– Благодарю тебя, путница, ты возвращаешь мне жизнь, – проговорил он, жуя полоза. – Но это не все. Когда останемся одни, я буду петь тебе песни о любви. Не возражаешь?

– Договорились, – улыбнулась Бьянка.

Компьень стоял на Уазе, правом притоке Сены, как раз на границе королевского домена с графством Вермандуа и с графом Клермонским. Город, как и Париж, обнял реку с обеих

¹⁰ Вагант – бродячий поэт, студент, клирик.

¹¹ Трувер – средневековый поэт-певец в Северной Франции; в Южной – трубадур.

сторон, хотя строиться начал на левом берегу. Именно там внук Карла Великого король Карл Лысый велел построить замок, который и стал королевской резиденцией.

Проехав мимо замка, путники остановились у моста через Уазу. Здесь, на набережной, в двухэтажном доме жил лекарь. Правда, скорее его считали алхимиком. В его комнатах можно было увидеть всевозможных размеров колбы, пробирки и реторты, в которых вечно что-то булькало и переливалось, а из окон валил вонючий дым. Утверждали, будто он занят поисками философского камня. Так или иначе, но дом этот вызывал интерес у духовенства.

Услышав об этом, а также о сумме, которую запросил мнимый лекарь, Гарт решил отвезти больного принца в монастырь, рядом с Компьеньским замком. Монахи – люди ученые, наверняка разбираются в болезнях, к тому же вряд ли заикнутся о плате, узнав, кого к ним привезли.

А принц по-прежнему был в беспамятстве, бормотал что-то о змеях, о коронации, о кострах. Его положили в келье. Позвали ученого монаха, сведущего в медицине. Тот, недолго думая, осенив крестом животворящим сначала себя, потом больного, принялся, упав на колени, читать молитвы во славу Господа и об исцелении раба Божьего Филиппа. Пришел настоятель. Оба взялись священнодействовать над юным телом, призывая на помощь Матерь Божию, Святой Дух и архангелов, кои невидимыми тенями кружились над ложем, изгоняя хворь одним взглядом своим.

Принц был бледен, продолжал метаться в бреду. На него накинули плат, он сбросил его и раскрыл рот, жадно дыша.

Герен нахмурился: воздух в келье был сперт, тут у здорового человека начинала кружиться голова. А в царившем вокруг полумраке так и чудились демоны, хохотавшие над монахами и мечтавшие прибрать еще не исповеданную душу к себе.

– Они его угробят, – толкнул локтем Герен Бьянку. – Ей-богу, они собрались его уморить. Посмотри на их постные рожи: это же лики мертвецов! Эй вы, – крикнул он святым отцам, – а ну раскройте окно! В вашей келье, как в могиле. Тут даже мы задыхаемся.

И он снова высморкался в свой платок.

Подняв указательный палец, настоятель назидательно молвил:

– Негоже сие действие, ибо влететь могут духи зла и войдут в больного. Тогда Господу Богу трудно будет выгнать их обратно, ведь они пришли за душой, которую просит сам сатана себе на утеху.

– Да ведь это принц! – вскричала Бьянка. – У него нервное потрясение. Не хотите открывать окно? Так дайте ему теплое питье. Напоите его каким-нибудь соком, только теплым. И побольше, не жалейте!

Настоятель выразительно посмотрел на монаха; тот, опустив голову, неторопливо направился куда-то.

– Живей, святоша! – крикнул ему Гарт. – Забыл, кто тут лежит? Или хочешь, чтобы тобой занялся королевский палач?

Монах, оглянувшись и злобно сверкнув глазами, исчез. Настоятель счел нужным вмешаться:

– Сия обитель – владение герцога Вермандуа. Но он далеко. Ближайший сеньор – его благочестие епископ Нуайонский. К нему следует отправить гонца с известием и ждать его решения.

– Пока ваш епископ что-то решит, принц Богу душу отдаст! – возмутилась Бьянка.

– Церковь не позволит этого, – снова заговорил настоятель. – Умиравшего надлежит причастить Святых Даров и соборовать.

– Я его сейчас убью! – прошипел Герен.

– Соображаете ли вы, что говорите? – вмешался Гарт. – Кого причастить, кого соборовать? Разве больной умирает?

– Но что же тогда делать? – развел руками святой отец.

В это время вернулся монах.

– Его скорее надо разбудить! Дайте ему питье! – приказывала Бьянка. – Так, хорошо... Иисусе Христе, он открыл глаза! Он пришел в себя! Выпейте еще, ваше высочество, вам станет лучше. А хотите, я расскажу вам веселую историю? Честное слово, это вам поможет. Вам нужно смеяться, хохотать! Вы забудете, что было, и тогда... ах, что бы вам рассказать... что бы такое смешное?

И она с мольбой в глазах посмотрела на Герена. Тот немедленно снял со спины лютню и исполнил песенку про жадного и толстого попа, который безжалостно обирал свою паству.

– Замолчи сейчас же, – замахал на него руками настоятель. – Запрещено петь богохульные песни в храме Божьем.

– Это храм дьявола, а не Бога, – в запальчивости, забывшись, воскликнула Бьянка, – ибо дьявол – творец всего телесного и видимого, поэтому небо, солнце и звезды также принадлежат ему! Он создает бури и громы, заставляет светить солнце и лить дождь, а Бог к этому непричастен. От жен своих дьявол народил сыновей, и от них пошел род человеческий. Так что вы, святой отец, и ты, монах, – слуги дьявола! И все ваши молитвы – суть обман!

Монах побледнел, губы его задрожали. Он бросил быстрый и беспокойный взгляд на настоятеля, словно спрашивая, не следует ли тотчас кликнуть братию, чтобы схватить еретику.

– Ересь! – вскричал настоятель, бешено вращая глазами и отступая шаг за шагом в глубь кельи. – Ты должна быть немедленно осуждена за богопротивные высказывания в адрес Церкви и божественного учения, и предана костру! Брат Марк, немедленно ступай за стражей! Мы выдадим ее на суд епископа. Проклятые катары, они проникли уже и сюда, мало им своего богомерзкого, отравленного Лангедока!

– Но ведь она спасла мне жизнь, – неожиданно подал голос принц со своего ложа. – Мне и в самом деле, кажется, становится лучше, и это вовсе не от ваших молитв, которые и здорового способны уложить в могилу.

Настоятель побледнел, закрестился распятием, висевшим у него на шее.

– Вот еще одни богомерзкие речи, которые довелось мне услышать в стенах моей обители...

Бьянка опомнилась, решила исправить положение:

– Прошу простить меня, святой отец, – припала она к его руке, – гнев внезапно овладел мною, а он плохой советчик. Похоже, я сказала вовсе не то, что думала, и теперь хочу взять обратно свои слова.

Гарт сжал ей руку повыше локтя. Хорошо, что она образумилась. Ни к чему учинять скандал в монастыре. Вряд ли это одобрит отец принца, человек весьма набожный. Если же настоятель будет продолжать стоять на своем... И Гарт выразительно посмотрел на Герена. Тот, поймав этот взгляд, сжал рукоять ножа, висевшего у него на поясе.

Но настоятеля уже понесло.

– Нет! – продолжал он возмущаться. – Не допущу альбигойской ереси в своем монастыре! Немало костров уже вспыхнуло по всему королевству; ты, дочь Ехидны, будешь не первой и не последней! Брат Марк, куда я приказывал тебе идти? Каких еще указаний тебе надо?

Монах кивнул, повернулся и скрылся за дверью кельи.

– Нет, одного я сегодня точно убью, и да простит меня Бог, – тихо произнес Герен.

Гарт, снова переглянувшись с ним, встал так, чтобы загородить собою дверь, и заговорил о чем-то с настоятелем. Герен, расценив это как сигнал к действию, незаметно выскользнул из кельи. Вскоре он вернулся, но уже в рясе брата Марка, которого привел обратно чуть ли не голого, в короткой нижней рубашке. Руки у монаха были связаны его же веревкой, а в рот Герен запихнул ему свой зеленый платок.

Гарт мигом понял, что надо делать, и протянул руку к Бьянке:

– Дай мне тряпку, где была жареная змея.

И пока настоятель, выпучив глаза и вцепившись в распятие, силился понять, что происходит, ему затолкали тряпку в рот. Но оставались свободными руки. И они начали оказывать бурное сопротивление. Чем же их связать? Гарт бросил взгляд на Бьянку. Мгновенно догадавшись, она тотчас разодрала на ленты монастырскую простыню. Святой отец понял наконец, что ему грозит, и рванулся к выходу, но его крепко держал Гарт, а Герен тем временем опутывал незадачливому настоятелю запястья.

– Теперь ноги! – со знанием дела заявил недавний искатель желудей. – Одному и второму. Потом пусть отдохнут на койке, авось Господь не осердится на своих слуг, если они пропустят одну-две молитвы.

– Для надежности – связать их вместе! – подал мысль внезапно развеселившийся принц. – А хватит веревок – так прикрутить обоих к койке, чтобы не попадали на пол.

Минута-другая – и от простыни осталась одна память. Но службу свою она сослужила добре, хотя и несколько в ином амплуа: веревок, которых из нее навили, вполне хватило для задуманного дела, их осталось даже, чтобы подпоясаться Герену. Впрочем, подумав, он забрал пояс монаха, предварительно скрутив тому руки веревкой из простыни. И оба святых отца, бешено вращая глазами, мыча и брыкаясь, связанные спина к спине, кулем упали на койку, которую услужливо освободил для них будущий монарх Франции. Их надежно привязали с обеих сторон, потом Герен осторожно выглянул в коридор, а Гарт в это время вытащил из кармана у настоятеля ключ от кельи.

Бьянка, как ни крепилась, не смогла сдержать смеха. Стоявший у стены принц, глядя на нее, заметил:

– А ты хотела рассказать мне веселую историю! Гляди, лучше этой и не придумать. Клянись, вспоминая этих двух святош, я буду хохотать еще с неделю!

– А сейчас нам пора убираться отсюда, – рассудительно молвил Герен, – пока монахи готовятся к одной из своих служб. Я выведу вас отсюда.

– Согласен, – кивнул Гарт. – Филипп, сможешь идти? Твое потрясение, полагаю, уже прошло?

– Смогу, но, по-моему, я еще очень слаб. Бьянка, помоги мне, как бы я не упал. И вы двое тоже.

Принца осторожно поддержали под руки. С улыбкой оглянувшись на святых отцов, он не спеша направился к двери, по дороге высказав опасение:

– Монахи скоро бросятся в погоню, станут кричать на всех улицах, что нечистая сила ворвалась к ним в обитель и насмеялась над настоятелем и одним из братьев.

– Пусть эти двое благодарят Бога, что им сохранили жизнь, – ответил на это Гарт. – К тому же их не скоро обнаружат, – я запру дверь на ключ. А стены замка надежно укроют нас. Черт побери, Филипп, ты что, забыл – ведь рядом твой королевский дворец! Пусть кто-нибудь попробует сунуть туда нос! Надеюсь, стража знает тебя в лицо?

– Еще бы ей не знать будущего короля Франции! Не правда ли, Бьянка? Ну и работы ты нам задала, – внезапно рассмеялся Филипп. – Недаром говорят: «Тело женщины слепил Бог, а вот ее мозги оставил на усмотрение дьявола». Итак, друзья мои, если все готовы – в путь! Выйдем из монастыря – а там до замка рукой подать.

– Жаль платка, – вздохнул Герен, – мне его подарила одна прекрасная фея. Она, хоть и дочь водоноса, умеет играть и петь.

– Зачем же ты оставил его во рту у монаха? – засмеялась Бьянка. – Или мало было у нас тряпья?

– Во-первых, он мог сразу заорать, а это нас никак не устраивало, – объяснил Герен, – а во-вторых, на этом зеленом платке уже места живого не осталось. Вот повезло монаху! Его счастье, если он не подхватит насморка, наглотавшись содержимого своего кляпа.

– А ты сам? – спросил Гарт. – Твой насморк прошел?

– В тот же миг, как только я понял, какую службу может сослужить подарок прекрасной дочери водоноса.

Через некоторое время все четверо в сопровождении слуг входили в покои Компьеньского замка.

Глава 8. Королевский двор. Коронация

К вечеру принцу стало хуже: усилился жар. Нестерпимо ныло место укуса. Гарт и Герен не знали, что делать и с надеждой поглядывали на Бьянку: катары занимались врачеванием, их учение предусматривало медицинскую помощь. Бьянка насобирала каких-то трав, наложила их на рану, заварила лечебное питье, кроме этого поила Филиппа малиной и медом. А перед сном натерла ему тело крапивой. То же проделала и утром, потом сменила листья и растолченные корни репейника и дикого бадьяна на свежие.

Теперь боль не беспокоила больного, да и жар спал, выровнялось дыхание, появился румянец на щеках. Принц пробовал встать с постели, но его все еще шатало. Ему давали легкую пищу, поили мясным бульоном, и он снова укладывался в постель.

Помогала, чем могла, замковая прислуга. Бегала, меняла белье, сутилась на кухне. Глаза людей излучали страх: вот-вот нагрянет король! Достанется всем, вне зависимости от степени вины – наследный принц у них в доме! Единственный! Другого нет и не будет.

Король прибыл на другой день. Двор с шумом, с криками въехал во двор замка. Рыцари, дамы, прислуга. Одеты по-разному: кто в охотничьем костюме, кто в дорожном. Все при оружии; лица суровы; движения быстрые, резкие. Впереди всех король Людовик. Лицо бледное, выражает тревогу, страх. В нервном тике дергается левое веко. На голове его золотой венец, сам в желтой бархатной рубашке, на плечах – не доходящая до колен мантилья из золотой парчи, без рукавов. Бородка, усы, седые волосы до плеч. Человек богобоязненный, глубоко чтивший Пресвятую Деву, он бормотал молитву, соскакивая с коня и устремляясь к дверям, у которых, склонив головы, застыли слуги и придворный штат. В тишине слышался торопливый, дрожащий голос короля:

– Заступница наша, обрати к нам в нашей крайности свой благосклонный взор. Молю тебя, Богородица, и сына твоего, Господа нашего, не оставить своим вниманием и даровать здоровье сыну моему единственному, наследнику престола франкских королей!

Не взошел, взбежал по ступеням на второй этаж башни, где лежал в постели его сын, тот, которого два дня назад, по настоянию духовенства, он хотел сделать королем. Сам Людовик был уже стар, голова работала плохо. Святые отцы, узрев это, стали уговаривать монарха. Уговорили наконец. И выехали в Реймс на коронацию, хотя всего несколько дней осталось принцу до совершеннолетия. Дорога шла лесом, и будущему монарху вздумалось поохотиться. Запретить бы королю, подумать о том, что сын у него всего один, а охота – занятие совсем не простое и не безопасное для жизни. Но не подумал. И, как на грех, вышло так, что оторвался принц, погнавшись за лисой. Никто и не заметил. Когда опомнились, поздно было. Мотались, кричали, трубили в рога – ни звука в ответ. Как сквозь землю, провалился юный наследник престола. За первой ошибкой другая – бросились искать, да не в той стороне. Компьеньские болота никого не воодушевляли, даже самого Людовика: все знали про это логово змей. Принц тоже. С какой это стати ему вздумалось бы вдруг пожаловать в гости к гадукам? Так и вышло, что не нашли его ни в этот день, ни на следующий. А на третий их самих нашел гонец, да не один, целых пятеро. И двор, огибая болота, бросился к Компьеньскому замку.

Упав на колени, зарывшись лицом в ладони сына, Людовик заплакал. Нашли-таки наследника... Не зря молился царице Небесной. Вспомнились младенчество, детство, юность Филиппа. Всё сразу вспомнилось. И стал целовать руки сыну, орошая их своими слезами.

Их обступили со всех сторон замковые рыцари, придворные, королева-мать. Трое новых друзей Филиппа стояли поодаль. На них указывал рукой принц и о них говорил сейчас своему отцу. Все они спасали ему жизнь, каждый по-своему.

Выслушав сына, Людовик поманил их рукой. Они подошли.

– Отныне вы – друзья будущего короля. Он просит, чтобы вы не отходили от него ни на шаг. Такова воля нового монарха и моя.

Все трое молча склонили головы. Придворные не сводили с них глаз, стараясь запомнить в лицо. Фавориты будущего короля – вещь не шуточная, тут надо держать ухо востро, следить за своим языком да угождать по мере сил. А еще лучше – сдружиться. Но это позднее.

А Людовик все стоял на коленях и молился. Вспомнил Томаса Бекета, которого негласно приказал убить английский король. И тотчас принял решение совершить паломничество к могиле архиепископа, вымолив у невинно убиенного святого здоровья для горячо любимого сына. Перед отъездом Людовик велел приставить к больному Филиппу своего лекаря, хотя тому, признаться, уже и делать ничего не пришлось. Единственно – ждать и применять то средство, к которому прибегла Бьянка. Отдав такое распоряжение, король спешно тронулся в путь. Часть свиты отправилась с ним. Остальные, наиболее могущественный из которых граф Филипп Эльзасский, правитель Фландрии, – остались в замке.

Граф Фландрский, видимо, на правах родственника королевского дома Капетингов, руководил рыцарским воспитанием юного принца, считался наиболее близким к нему человеком и был всесильным правителем. Хитрый и дальновидный, граф давно уже рассчитал вперед все ходы. Он женился на Изабелле, старшей дочери Рауля де Вермандуа, и породнился, таким образом, с королевским семейством. Еще бы, ведь Рауль был Кузеном Людовика VI. Кроме того, он с 1167 года унаследовал от брата Изабеллы графство Вермандуа, а через год после смерти отца стал графом Фландрским. Теперь его огромная территория вызывала у многих не только зависть, но и страх. Другом наследника французского престола он тоже оказался не случайно. Козырь в этой игре – его племянница, тоже Изабелла или Елизавета, как ее иногда называли. Она – дочь Маргариты, сестры Филиппа Эльзасского. Неплохая партия с таким козырем. Но выигрыш окажется еще весомее, когда умрет старый король. Самая пора взять бразды правления французским королевством в свои руки, пока новый монарх еще юн. А Людовик уже плох. Какая-то старуха обронила однажды на постоялом дворе, что короля ожидает скорый паралич. Эрвиной звали старуху. Не верить ей не было оснований: часто говорила правду. Уж не водит ли дружбу с нечистой силой? Церковь стала приноживаться, но прямых улик колдовства не имела.

Таков, вкратце, граф Фландрский, тоже Филипп. Здесь же, источая вокруг запах благовоний, одетые в разноцветные кружевные блио¹² под мантильями, прохаживаются по залам сестры Вермандуа – Изабелла и Элеонора. Последняя замужем за графом де Бомоном. Четвертый брак. Финальный ли? Шибко любила графиня менять как любовников, так и мужей. Обе сестры, кстати, бездетные. Одной – 36, другой – 31 год. Филиппа Эльзасского бесплодие супруги, похоже, не беспокоило: он женился на графстве, а вовсе не на дочери Рауля Храброго.

Еще один любопытный персонаж на страницах нашей истории – королева-мать Аделаида Шампанская, или попросту Адель. Третья жена короля Людовика, подарившая наконец супругу наследника. Весьма деятельная особа, надо сказать, сложа руки никогда не сидела. Первого своего брата, Генриха, сделала графом Шампани; второго, Тибо Доброго, – сенешалем; третий стал реймским архиепископом. Оставался еще Стефан; ему она подарила графство де Сансер. Остальные – а всего их одиннадцать – в основном стали на духовную стезю. Кстати сказать, Генриху Щедрому и Тибо она подыскала невест среди королевских дочерей. Обе – от Алиеноры Аквитанской, первой супруги короля.

Аделаиде нет еще и сорока. Поглядывая на стремительно дряхлеющего мужа, она строит какие-то свои планы. Догадаться нетрудно: при совсем еще молодом сыне мечтает управлять

¹² Блио – мужское и женское верхнее платье XII–XIV вв. Женское состоит из двух частей: туники из шелкового крепа или тонкой кисейной ткани с вырезом вокруг шеи и юбки длиной почти до самой земли.

государством вдвоем с любовником, найти которого проще простого. Но не все предусмотрела королева-мать. Не догадывалась, что сын умом опередил свой возраст на добрый десяток лет.

Кроме этих лиц в Компьеньском замке остались канцлер, маршал, королевский казначей и камергер. Прочие – рыцари и придворные дамы; нет нужды пока рассказывать о них. Что касается сенешаля и коннетабля, то они вызвались сопровождать короля.

Ближе всех к постели наследника престола граф Фландрский.

– Принц, мы все в таком волнении... И как это вас угораздило заблудиться? Мы объездили все кругом, трубили в рога, но никто нам не отвечал...

– Довольно об этом, – остановил его Филипп движением руки. – Или вам больше нечего мне сказать?

– Третий Латеранский собор подтвердил суровые меры против еретиков Тулузы и Альби, – начал граф. – Папа многих отлучил и отправил в мятежные области легата. Он сделал аббата Клервоского кардиналом, и тот усиленно проповедует крестовый поход...

– Против христиан? – перебил его принц.

– Против еретиков, – поправил граф.

– Кого папа пошлет в третий поход, если Саладин вдруг возьмет штурмом Иерусалим? Он обескровит не только юг, но и север: катаров, по моим сведениям, и здесь хватает.

– Саладин не скоро оправится от поражения в позапрошлом году, ваше высочество. Что касается нового крестового похода, то вряд ли он возможен.

– Особенно после того, как сарацины год спустя захватили крепость Иордан! Жаль, бедняга Сент-Аман не вынес позора и умер в тюрьме.

– Это был не самый лучший магистр у тамплиеров. Он мечтал о славе Цезаря, не испытывал страха перед Богом и презирал людей. Ему найдут достойную замену. А у Саладина с Бодуэном нынче перемирие: говорят, весь Ближний Восток поразили засуха и голод.

– Это я слышал. Но надолго ли перемирие?

– На два года.

– Что еще говорилось на церковном соборе? Не мог же он собраться из-за одних только еретиков! Меня не было на королевском совете, а вы, граф, должны это знать.

– Папа мечет громы и молнии в адрес тамплиеров.

– Вот так новость! Чем же они ему досадили? Как известно, этот орден независимый и подчиняется лишь папе. Не поделили что-то? Понтифик озабочен растущей мощью ордена?

– Всею виной злоупотребление привилегиями, полученными храмовниками еще в самом начале правления вашего отца.

– Да, римский престол и в самом деле наделил их чрезвычайными полномочиями и дал право не подчиняться никому.

– Они весьма вольно воспользовались дарованными им правами, принц. Они совершают таинства над отлученными лицами и хоронят их, как и всех; получают в пользование церковь и десятину без согласия архиепископа. Кроме того, в городах, находящихся под интердиктом¹³, братство служит столько, сколько вздумается.

– Что же собор?

– Все это он запретил.

– Чем еще были недовольны святые отцы? Ах да, мне говорили: рутьерами. К сожалению, это зло неистребимо. Однако епископы, земли которых разоряют наемники, рассчитывают избавиться от напасти руками баронов и рыцарей? Что ж, неплохо задумано; только пусть обходятся без короля, у него совсем мало людей. Почему бы этим не заняться, скажем, вам,

¹³ Интердикт – временный запрет (без отлучения от Церкви) совершать на территории, подвергшейся наказанию, богослужение и религиозные обряды. Налагался папой, легатом, епископом.

граф Шампанский? – обратился Филипп к дяде. – Ваша территория не слабее королевской, а наемников там, если не ошибаюсь, даже больше.

– Больше? – неуверенно возразил Генрих Шампанский. – Но отчего?

– Оттого что вы, желая усилить свою мощь, сзывали под свои знамена всех окрестных бродяг, вплоть до Барселоны, а когда их стало чересчур много, а работы для них оказалось слишком мало, вы отказались им платить. Кстати, папа обещает отпущение грехов тем, кто падет в бою. К тому же он разрешает грабить наемников, а их самих превращать в рабов. Ну а тот, кто откажется от этой экспедиции, будет отлучен от Церкви. Что вы скажете? Не правда ли, папа весьма великодушен, предоставляя рыцарям такую возможность? Став королем, я немедленно извещу его святейшество о том, как идет борьба с наемниками в графстве Шампанском.

– Это все из-за войн, принц, которые вел ваш отец, – поддержал брата Стефан де Сансер. – Где же было набрать столько рыцарей, если число врагов превышало их чуть ли не вдвое?

– А теперь что же, дядя, вам их некуда девать? – спросил Филипп. – Так заплатите им, что обещали, и они уйдут. Почему вы этого не делаете? А по вашей милости страдает все королевство. То же относится к епископам и архиепископам, – громко продолжал будущий король, бросая взгляд на Гильома. – Ведь вы тоже нанимали солдат, дядя. А теперь, вместо того чтобы рассчитаться с ними деньгами, вы мечтаете расплатиться кровью французских рыцарей?

Реймский архиепископ побледнел и закусил губу, исподлобья пробежал глазами по сторонам. Всем было известно, что он тоже прибегал к услугам наемников, которые, из-за того что им не было заплачено, принялись грабить церкви, монастыри, нападать на торговые караваны и даже на крестьян.

– Сын мой, вам следует побереечь силы, – наставительно молвила королева-мать, поглядев на слегка смутившихся братьев, – вы еще не совсем здоровы. К тому же вопросы такого рода решает король, а вы пока еще не добрались до Реймса.

– Когда я стану королем, матушка, – повернулся к ней Филипп, – вы будете открывать рот тогда, когда я вам это позволю. Считайте мгновения, вам уже недолго осталось. В моем королевстве решающим голосом будет не ваш и не ваших братьев, а голос короля. Прошу этого не забывать. Я напому об этом тому, у кого туго с памятью, когда мой дядя-архиепископ возложит на мою голову корону.

Королева-мать пошатнулась. Ее поддержали под руки. Она открыла рот – ей не хватало воздуха. Братья не знали, что предпринять. Взгляды, один колючее другого, перебегали с лица на лицо, бледность щек сменялась синевой, на лбу выступала испарина. У кого же? В первую очередь, у дяди Гильома Белые Руки. Он потянулся за платком, промокнул лоб, вытер губы. С таким королем следует жить в дружбе, тем паче что племянник пока еще щенок, а через год, два, три?... Что-то он мягок к наемникам. Не замыслил ли что? Нет ли сговора с отцом против него, против Церкви?!

Все молчали, недоумевая. Знали, что Людовик в последнее время перестал заниматься государственными делами. Стал, мягко говоря, слаб умом. В этом плане строились определенные расчеты, связанные с воздействием на юного короля. Но с ними говорил уже не юнец. На них на всех, здесь собравшихся, холодно глядели глаза монарха – хитрого, умного, решительного. Кое-кто сразу же это понял. До иных пока не дошло. Пока что у власти Людовик, и решает прежде всего он. Голос сына – всего лишь второй. И как же были все удивлены и потрясены, когда Людовик возвратился из паломничества, а потом из аббатства Сен-Дени... разбитый параличом. Рука не двигается, нога волочится, голова поворачивается с трудом. И только в глазах радость – его сын жив, мало того, окончательно поправился! Вот что значит поклониться праху святого и читать молитвы.

Тянуть дальше было нельзя. На следующий же день выехали в Реймс.

Садясь на коня, принц подозвал к себе одного из своих новых друзей.

– Гарт, ты говорил мне о встрече с наемниками. Кажется, ты с ними дружен? Где они и много ли их?

– Я видел около двадцати человек. Но их гораздо больше. Они прячутся в лесах.

– Эти люди будут мне нужны. Те, кто их вербовал, им не платят? Так платить буду я. И это будет моя армия, Гарт! Им все равно на кого идти войной, лишь бы золото звенело в карманах. Этим людям я брошу на непокорных баронов и английского короля, когда решу, что пришла пора раздвинуть границы моего королевства. А теперь в Реймс, Гарт, за французской короной!

1 ноября, в День Всех Святых, принц Филипп, сын короля Людовика VII, принял в Реймсе миропомазание. В церемонии, помимо огромного штата придворных, духовенства и вассалов французской короны, участвовал Генрих Младший Английский, соправитель отца. Плантагенет Старший позволил ему это: его сын был вассалом и одновременно зятем Филиппа. Генриху Молодому доверили нести на бархатной подушечке корону, и после коронации он стал сенешалем французского королевства. Должность почетная, ибо сенешаль считался главой королевского дома.

Обряд миропомазания совершил архиепископ Реймский Гильом. А про Людовика VII сказали в толпе придворных: «И провозгласил Давид царем Соломона»¹⁴.

Едва вышли из собора, Филипп подошел к Бьянке.

– Не уезжай пока в Тулузу, там еще крестоносцы. Будешь со мной, при моем дворе. Кстати, в тебя влюбился Гарт, тебе об этом известно?

Бьянка улыбнулась. Опустила голову, покраснев.

– Это он сам сказал?

– Да, если хочешь знать.

– Но ведь я... но ведь мне...

– Оставь свои глупые верования. К тому же вспомни, что сама говорила: браки у вас запрещены, но лишь немногим разрешают идти под венец, и то до рождения ребенка. Но ты можешь и не вступать в брак, вовсе не обязательно. «Совершенным» ведь это запрещено?

Бьянка, не зная, что сказать, стояла, кусая губы. Филипп поманил пальцем бывшего монаха.

– Герен! Твоя обязанность отныне – защищать Бьянку. Помни, она теперь подруга Гарта, в которую он влюблен.

Герен, улыбнувшись, кивнул:

– Эта девчонка спасла жизнь моему королю. Как же мне оставить ее без надзора?

– Иногда оставляй, когда почувствуешь, что лишний.

Все трое рассмеялись. К ним подошел Гарт.

– Филипп, решено устроить турнир в честь такого события. Драться будут все, кроме тебя. Королям не положено.

– Гарт, друг мой, знаешь, что выдумала Церковь? Тебе известно, как она не любит турниры. А причина проста: вместо того чтобы отдавать свою кровь и свои деньги за веру в походах в Святую землю, знать растрчивает все это в пустых развлечениях. Так что с Латеранского собора пришла к нам еще одна новость: рыцарские состязания запретить. А кто нарушит, тому анафема. Мало того, кто погибнет на турнире – будет лишен церковного погребения. Они упорно доказывают к тому же, что с этими играми связаны семь смертных грехов.

– И что же ты думаешь предпринять, король Филипп? – спросил Гарт. – Каково будет твое решение?

– Страсть к сражениям, к желанию покрасоваться перед дамами, а потом еще и забрать себе добро побежденного – все это окажется сильнее папского авторитета. И Церковь сама признает это. Она не сможет отлучить всех рыцарей Франции, всю ее знать. Кто тогда пойдет

¹⁴ Израильский правитель Давид провозгласил Соломона царем и помазал его на царство еще во время своего правления.

в Святую землю, если новый фанатик наподобие Бернара Клервоского станет проповедовать очередной поход в Иерусалим ко Гробу Господню? Вот когда папа всерьез примется чесать свою глупую голову.

– Итак, турнирам быть! – вскричал Гарт, хватаясь за рукоять меча.

– Это мода, а ее убить нельзя.

И Филипп направился туда, где ожидали его придворные, церковники, лица домашнего окружения, Филипп Эльзасский, Бодуэн V граф де Эно, Генрих Молодой, прибывший с богатыми подарками от своего отца, королева Аделаида и ее четверо братьев. Вслед за юным королем пошел Герен. Гарт хотел отправиться следом. Бьянка удержала его за руку. Он обернулся. Вся пунцовая от смущения, она смотрела ему в глаза, словно ища в них дорогу ее сердцу потерю.

– Гарт, это правда, что я тебе нравлюсь?

– Кто тебе сказал? – удивился он.

– Король Филипп.

– Он пошутил.

Она опустила взгляд, убрала руку. И тихо произнесла:

– А я поверила...

– Бьянка!..

Не слушая его, она торопливо уходила прочь.

А народ, заполнивший площадь перед порталом собора, дивился во все глаза и, внимая перезвону колоколов, крестился и бормотал молитвы за здоровье юного короля. И вправду, нечасто ему доводилось видеть молодого монарха, которому только что исполнилось 14 лет.

Это был последний монарх во Франции, коронованный еще при жизни короля.

Глава 9. Девочку в постель!

Год еще не закончился, а влиятельнейшие люди королевства уже задумались: не следует ли погубить юного монарха? Чересчур он экспансивен – это представляло угрозу их интересам.

Бодуэн граф де Эно взялся изучать копию жизнеописания Карла Великого. Не один, с ним его шурин Филипп Эльзасский и реймский архиепископ. Троица начала разбираться в королевском роду Капетингов и выяснила, что Гуго Капет, основатель династии, короновался незаконно. Тотчас заговорили об известном пророчестве святого Валери. История эта произошла 200 лет назад, когда Гуго был только франкским герцогом. На смертном одре святой попросил Гуго перенести его мощи из аббатства Сен-Бертен в Монтрей-сюр-Мер. Будущий король франков пообещал. Тогда Валери сказал, что корона останется у Гуго и его потомков до седьмого колена. Стали пересчитывать эти колена. Подсчитав, выяснили, что до Людовика VI уже царствовали четыре Капетинга. Тут вспомнили о некоронованном короле франков Гуго Великом, отце Капета. Включили и его в страшный список, и оказалось, что Людовик VII – седьмой Капетинг. Стало быть, согласно зловещему предсказанию корона должна вернуться к прямым потомкам Карла Великого, которого Бодуэн де Эно, лотарингского рода, считал своим предком.

Доискавшись до этого, троица решила: либо Филипп уступает свой трон, либо становится новым Карлом Великим. Первое было чревато осложнениями, могущими привести даже к гибели: Капетингов и их сторонников не так уж мало, графы Фландрские явно окажутся в меньшинстве. Однако союзников найти нетрудно – тот же Генрих Плантагенет. Значит, война. Огромная, кровопролитная. Королева-мать и ее братья очень хорошо понимали это. Нынче правит их род. А в случае победы графа де Эно?... Но пророчество? Ведь так сказал сам святой Валери!

– Плевать на предсказание! – резко высказался один из братьев Адель Шампанской, когда Эно не было рядом с ними. – Этот Бодуэн хочет свергнуть королевство в войну, результатом которой воспользуется Генрих Английский. То-то подарок преподнесет ему фламандец!

– Бодуэн и сам не хочет войны, у него другие планы, – проговорила королева-мать. – Он утверждает, что династия Капетингов угаснет с Людовиком и хочет возродить Каролингов? Я брошу ему эту кость, которой он подавится. Пусть выдаст свою дочь Изабеллу замуж за юного монарха – вот и вся недолга. Он хочет нового Карла Великого? Так он его получит в лице собственного зятя, моего сына Филиппа. А самому ему не стать королем! Еще раз заикнется – я подошлю к нему наемного убийцу. Гильом, ты говорил, помнится, что у тебя в услужении двое ассасинов?

– Они сделают это столь виртуозно, что комар носа не подточит, – улыбнулся архиепископ. – Эти люди мастера своего дела.

– Вот и отлично! Стефан, – обратилась королева-мать к другому своему брату, – ты, кажется, в хороших отношениях с этим выскочкой из Фландрии? Так намекни ему, чем может кончиться дело. Со мной шутки плохи. Я не позволю графам из Фландрии править французским королевством! Я пока еще королева и у меня есть сын. Пусть несколько строптивый, но сын. Он наследник и будет следующим Капетингом на троне Франции, клянусь кровью Иисуса Христа!

Все четверо братьев, обняв, расцеловали ее.

– Ты можешь всегда рассчитывать на нас, сестра. Каждый из нас встанет на защиту нашего племянника. Только вряд ли Бодуэн де Эно окажется настолько глуп, что не согласится на такую выгодную для него партию.

Через несколько дней Аделаида вошла в покои к Филиппу с письмом в руке. Здесь же был Герен. Увидев королева-мать, он встал, почтительно поклонился.

– В чем дело, матушка? – недовольно спросил сын. – Какого черта вы врываетесь ко мне, словно я вас звал?

– Ты что же, занят таким важным делом, что у тебя нет времени выслушать свою мать?

– Я беседую с Гереном, разве ты не видишь?

– Я вижу музыканта и жонглера. Трувер тебе дороже матери?

– Он монах-госпитальер¹⁵, и он рыцарь.

– Я видела у него виолу.

– Он выбросил ее, чтобы стать моим советником.

– У тебя мало советников отца? Чему может научить тебя бывший музыкант, пусть даже он и рыцарь?

– Он подал мне мысль, как удержаться на троне, который начал шататься. Знакомый монах из дома графов Фландрских поведал ему некую историю о седьмом колене, на котором кончается династия Капетингов. И это седьмое колено – мой отец, мадам. Что вы скажете теперь? Вернее, что посоветуете?

Королева взволнованно подошла и взяла сына за руки.

– Филипп, сын мой, но ведь именно с этим я к тебе и шла! Граф Бодуэн решил затеять интригу. Козырь в игре – его дочь.

– Изабелла де Эно? Малютка, которой едва исполнилось десять лет? Любопытно, что же это он придумал?

Королева-мать выразительно посмотрела на Герена.

– Филипп, я должна поговорить с тобой наедине.

– О чем? О том письме, что вы держите в руках? Я догадываюсь, от кого оно.

– И от кого же?

– От графа де Эно. Хотите, я скажу вам, о чем он пишет?

– Но Филипп... Черт побери! Как ты можешь это знать?

– Мне сказал об этом мой монах.

– Брат Герен?

– Он знает о планах Бодуэна. И он дал мне полезный совет.

– Я сумею по достоинству оценить ум бывшего трувера, когда ты прочтешь письмо и скажешь мне, что это за совет и собираешься ли ты последовать ему.

Филипп взял пергамент из рук матери, сломал печать, прочел его и бросил на стол.

– Это как раз то, о чем мы с тобой только что говорили, брат Герен. Читайте, матушка.

Королева быстро пробежала глазами письмо, сделав вид, будто его содержание ей неизвестно.

– Я знала, что фламандец не окажется глупцом, – произнесла она. – Вопрос теперь в том, каков был совет и что ты ответишь графу? Ведь он предлагает свою дочь Изабеллу тебе в жены.

– Граф явно торопит события. Что я буду делать в постели с десятилетней девочкой?

– Об этом потом, всему свое время. Дети растут быстро. Но скажи мне, брат Герен, какой совет дал ты королю, если только именно об этом шла у вас речь?

– Как раз об этом, ваше величество, – невозмутимо сказал бывший монах. – Я посоветовал вашему сыну жениться.

– Как! – всплеснула руками Аделаида, поневоле улыбнувшись. – Ты дал такой совет?

– Франция желает видеть на троне нового Карла Великого, а не Бодуэна, маркграфа Намюра, – ответил Герен. – Юный монарх не стал долго раздумывать. Перспектива быть коро-

¹⁵ Госпитальеры – католический духовно-рыцарский орден, основан в Палестине в XII в. Вначале – религиозный орден, заботившийся лишь о больных паломниках, увечных и голодных. В 1168 г. воинский дух вытеснил благочестивые настроения и милосердное рвение в уходе за бедными и больными. Одевание госпитальеров – черный плащ с белым крестом на груди.

лем Франции вполне устраивает его, даже несмотря на то, что его будущая супруга все еще играет в куклы.

– Так ты согласен, Филипп? – воскликнула королева-мать, обнимая сына. – Дашь свое слово?

– Что же мне еще остается делать? – передернул плечами молодой король. – Я ведь знал, что мой отказ огорчит вас и ваших братьев. Но больше того, он может ввергнуть Францию в пучину гражданской войны. И потом, Герен так умолял меня, уверяя, что этим я доставлю огромную радость моей матери... Полагаю, он оказался прав.

Королева-мать с улыбкой подошла к монаху. Тот вновь почтительно склонился в поклоне.

– Не сердитесь на меня, брат Герен, – ласково проговорила Аделаида, – если я была о вас совсем невысокого мнения. Коли ваши советы и впредь будут направлены на благо и к процветанию королевства, то в очень скором времени, вероятно, вы станете вторым Сугерием¹⁶ при моем сыне.

– Мой ум и мои возможности всегда к услугам короля Франции и к вашим, мадам, – в третий раз поклонился Герен.

Благосклонно кивнув ему и сыну, Аделаида, взвихрив воздух надушенными юбками, с улыбкой покинула покои короля.

– Я еще слаб, друг мой, – сказал Филипп, махнув рукой собеседнику, чтобы садился, – поэтому иду на этот шаг. Но погоди, придет время и я свалю с ног этих графов и баронов, окружающих меня, словно частоколом. Я сделаю Францию могущественной державой и сам заставлю своих врагов принимать мои условия.

– Врагов слишком много, король. Нам предстоит упорная борьба.

– И прежде всего с английским королем! Но мы сумеем заставить его пасть на колени. У него много сыновей, вот на чем мы сыграем. Я буду натравливать их друг на друга, и они перегрызутся, как псы из-за кости. Потом буду бить по очереди, отнимая у них земли. Сейчас его территория во много раз больше моей. Наша задача – сделать Францию во столько же раз больше, а потом и вовсе выгнать англичан с континента. Нормандия – вот что меня беспокоит. Сюда я вскоре направлю свой удар. А пока что будем отсекал щупальца гидры, охватившие мое маленькое королевство.

– Тебе надо иметь хорошего союзника, Филипп. Церковь – вот кто поможет.

– Знаю. Нет никого сильнее папы. Его я и возьму в попутчики. Он любит налагать интердикты – как раз то, что мне очень пригодится в моей борьбе.

– Однако об этом еще рано говорить. Жив твой отец. Король – он. Ты – всего лишь соправитель.

– Я должен быть готовым к тому, что скоро останусь один. Поэтому мне нужны друзья – надежные, верные, готовые жизнью пожертвовать не ради меня, но ради Франции.

– Одного ты уже имеешь, король. Второй – Гарт, твой шамбеллан¹⁷. Третья – Бьянка...

– Она хорошо разбирается в цифрах. Я определил ее счетоводом на королевской кухне. Но она еще знает грамоту, поэтому станет моим писцом.

– До той поры, пока Церковь не сожжет ее на костре.

– Жаль, что она еретичка. Угроздило же ее связаться с этими катарами.

– Кто они? Что за люди? Так ли опасны для тебя?

– Для Церкви. Катары поняли, что это за зверь и теперь бросаются на него, кусая со всех сторон. Зверь разводит костры, но они их не боятся.

– Хотелось бы знать о них побольше. Во что они верят? Почему враждуют с Церковью?

¹⁶ Сугерий (ок. 1081–1151) – аббат, придворный летописец Людовика VI, первый министр и советник Людовика VII, регент во время Второго крестового похода 1147–1149.

¹⁷ Шамбеллан – одна из важнейших должностей при дворах государей. Главное действующее лицо в церемонии принесения феодальной присяги.

– Я позову ее, Герен. Послушаем вместе. Попы обливают их грязью, но я желаю знать правду. Как монарху мне это необходимо. Сходи за ней сам. Я подожду здесь.

Глава 10. Бьянка на повторном «допросе»

Герен нашел Бьянку в королевских садах, занимавших всю западную оконечность Сите. Она сидела на скамейке и смотрела на северо-запад, где вдоль правого берега Сены, начиная от церкви Сен-Жермен Л'Оссеруа, простирались густые леса. Глядела неподвижно, думая о чем-то. Может быть, уже видела на этом месте новый донжон будущего Лувра взамен старого, романского, который возвел здесь когда-то Хильдерик I? Или просто глядела на лодки, снующие от одного берега к другому, и на парижанок, полощущих в реке белье?

– Вот ты где, – вывел ее из задумчивости бывший монах. Огляделся по сторонам, сел рядом. – Почему одна? А где Гарт?

Бьянка вздрогнула.

– Разве он должен быть со мной?

– А разве нет?

– Он теперь шамбеллан короля.

– Хм! Не все же время король сидит на троне и принимает присягу от вассалов.

Ничего не ответив, она перевела взгляд влево, где высилась колокольня аббатства Сен-Жермен-де-Пре.

– Идем. Хватит любоваться лугами. Я пришел за тобой. Молодой король зовет тебя.

– Что ему надо?

– Он хочет знать все о еретиках. Церковь будет наступать на него. Он еще мальчик и должен набраться знаний.

Бьянка вздохнула.

Они направились к дворцу, поднялись на второй этаж. Дверей много, все одинаковые. Королевская – та, над которой три золотые лилии.

Филипп усадил гостей на скамью, сам принялся шагать от окна к окну; в одном виден левый берег Сены, в другом – правый.

– Скажи, Бьянка, отчего ты еретичка? Чего вы, катары, хотите? Почему идете против Церкви?

– Я уже объясняла это Гарту. Пусть он расскажет.

– Лучше тебя он этого не сделает.

– Верно. Но зачем это королю?

– Я должен знать, почему Церковь ненавидит вас, почему повсюду горят костры?

– Мы обличаем пороки духовенства, видим нравственное падение Западной церкви. Она есть блудница, а папа не кто иной, как антихрист. Мы отвергаем ваше богослужение, почитание икон и креста. Мы отрицаем светскую власть, смертную казнь и войны.

– Вас обвиняют в жестокости и насилии, в крайней злобе к Церкви. Вы поджигаете храмы, ловите священников, мучаете их, грабите, а недавно выкинули тело Господне из золотых сосудов и растоптали эту святыню. Конечно, я виню не тебя, но твоих братьев по духу.

– Церковь сама виновата. Она подвергает нас огню, мечу и пыткам; меры эти не согласуются с духом Христова учения.

– Говорят, вы отвергаете христианскую Евхаристию?

– Я отвечу тебе, король, словами Беренгария Турского: «Будь тело Христово таким же громадным, как башня, то оно все же давно было бы съедено». Значит, хлеб и вино даже после освящения не есть тело и кровь Христова. У тела есть глаза и все остальное. У хлеба, что держит в руках священник, этого нет, следовательно, это не тело Христово. Вот что сказано в Евангелии: «Всё, входящее в уста, идет в желудок и извергается в отхожее место». Но то, что Церковь считает телом Христовым, идет туда же. Значит, оно отвергается в отхожее место. Ну не смешно ли об этом даже говорить?

Слушатели переглянулись. Покачали головами.

– От твоих слов за добрую милю несет дымом костра, – произнес Герен. – Что как тебя услышат святые отцы, а мы с королем не сможем прийти на помощь?

– Я не боюсь смерти, – потрянула головой Бьянка, – ибо мир – творение дьявола.

– Дьявола? – удивился Филипп. – А как же Бог?

– Он сотворил хаос, а не мир. А самый мир устроен из хаоса ангелом, возмечтавшим сравняться с Богом, за что и был низринут с неба. Имя ангела – Люцифер. Человек – его творение, лишь Бог дал ему душу. Человек – пленник этого видимого мира, сотворенного злым Духом.

– Что скажешь об Иисусе Христе? – спросил король. – Откуда Он, как пришел на нашу землю? Почему Бог Ветхого Завета, если Он отец, позволил убить своего сына? Как говорят об этом у вас, еретиков? Может быть, для вас Его вообще никогда не было?

– Мы верим в Иисуса, но не верим, что Он мог воплотиться в человеческое тело, нечистое и обреченное на смерть. Христос никогда не появлялся на земле; не имея плоти, Он жил в небесном Иерусалиме.

– Как же Он родился? Ведь Его родила женщина, Дева Мария.

– Мария была ангелом, который явился в виде женщины. Она не родила Христа, а лишь послужила проходом для Его небесного тела. У нее не было родителей. В сущности, приняв облик женщины, она не имела тела. Христос прошел через ее ухо и вышел тем же путем. Так писано в Евангелии от Иоанна. По сути, Иисус – Слово Господа или Его сын. Поэтому Он жил на земле с призрачным телом, безболезненно страдал и умер, преследуемый злым богом.

– Зачем же Бог позволил убить Его?

– А как думаешь ты, король? – бросила на него пытливый взгляд Бьянка.

– Чтобы Христос своей смертью искупил грехи человечества, – заученно ответил Филипп.

– Так думают все. Таково учение вашей Церкви. На деле же было все иначе. Господу ничего не стоило сохранить Своему сыну жизнь, и все же Он этого не сделал.

– Почему?

– Потому что бог должен быть только один.

– Но это же ересь, Бьянка! Не костер – целое пожарище! – воскликнул Герен.

– Не может быть двух богов, – прозвучал спокойный ответ. – Так учит наша Церковь. Молитва должна быть короткой и призывать только одного благого Бога. Не обращаться ни к святым, ни к Богородице, ни к Святому Духу. Того же правила придерживаются не только провансальские, но и немецкие катары.

– Какие обещания вы даете, и каковы ваши молитвы?

– Служить Богу и Его Евангелию, никогда не обманывать, не клясться, не убивать животное, не есть мяса... да мало ли еще. Кроме того – не вкушать пищу без спутника, не путешествовать, не спать – ничего не делать без молитвы. А она такова: «Благослови, благой Господь, за хлеб наш сверхъестественный. Благодать Господа нашего Иисуса Христа да будет с нами».

– Еще о хлебе и вине, – попросил Герен. – Ей-богу, мне это не ясно. Ведь Евхаристия... монахи твердят, что...

Бьянка подняла руку. Герен замолчал с открытым ртом.

– Хлеб и вино – эти произведения демона – не могут обратиться в плоть и кровь небесного архангела, – сказала она. – Да, Христос говорил: «Сие есть тело мое». Но это Он говорил о хлебе, который являлся как бы воплощением Его плоти, только и всего. Реального смысла эти слова не имеют. Так что наречь обыкновенный хлеб телом Христовым – не что иное, как выдумка ваших попов. Кстати, король, я вспомнила твое недавнее высказывание и освещу его для тебя в свете учения катаров. Христос прислан был освободить людей от идолопоклонства.

Понимаешь? Поэтому мы не поклоняемся статуям, иконам и крестам. Думать надо о духе, а не о теле.

– Но крест – символ веры! Символ мученичества!

– Крест – орудие торжества сатаны над Богом.

– Значит, злой бог победил? Это он убил Иисуса?

– Что есть смерть Христова? – возразила на это уже порядком уставшая и начавшая путать многочисленные еретические учения Бьянка. – Дух оставил Его призрачное тело, а на третий день вернулся, и Иисус воскрес. Тело Его небесное возвратилось на небо. Потом Он оставил его где-то в небесах, чтобы при втором Своем пришествии опять соединиться с этим телом.

– Значит, теперь Он у Своего отца и ждет только времени для нового пришествия?

– Я бы сказала так: добрый Бог в гостях у Бога злого – Бога Ветхого Завета. Ибо на протяжении его Он всегда является лживым, переменчивым и жестоким. Злой Бог – есть виновник постоянной вражды; евангельский Бог – есть Дарователь мира. Поэтому катары не признают Ветхий Завет, его просто не существует для них.

– А почему ты всегда опоясана льняным поясом? – поинтересовался Герен. – Ты снимаешь его только на королевской кухне. А ночью? Спишь тоже с ним?

– Льняным поясом препоясывают «совершенных», то есть тех, кто уже получил обряд утешения, иными словами, духовное крещение. Это значит, что по смерти я получаю спасение и блаженство.

– Церковники пришли бы в ужас от твоих слов. Ведь ты, по сути, отрицаешь все ритуалы и таинства.

– Все, что ты назвал, – обыкновенный обман с целью отобрать то, что должно принадлежать всем. Монахи, священники, аббаты – кто они? Жулики, играющие роль посредников между человеком и Богом. Но человеку такие посредники не нужны, Бог и без них слышит его молитвы.

– Выходит, Церковь лишняя на этой земле? А как же крещение? Ведь сам Иоанн крестил Иисуса в водах Иордана.

– Мы отрицаем крещение водой; вместо нее – свет, символ добра. А ваш Иоанн Креститель, крестивший не духом, а водой, – всего лишь лживый пророк, слуга и посол сатаны. С этим согласны и вальденсы¹⁸.

– Услышь твои речи мой отец, его бы это добило, – невесело обронил Филипп. – Известно, сколь он набожен, а нынче его чуть ли не всего охватил паралич.

– Он слишком переволновался, – сказала на это Бьянка. – Ему не надо было отправляться в Сен-Дени, хватило бы и Англии. Излишнее возбуждение и потрясение дали себя знать: отказали обе ноги. Теперь ему нужен массаж, легкий и частый массаж обеих ног.

– Медики так и делают. Но откуда об этом известно тебе?

– Мы не только пастыри, но еще и лекари.

– Довольно странное ремесло для людей, которые проповедуют презрение к телу.

– Мы лечим бескорыстно и даем больному утешение, чтобы спасти душу, если нельзя спасти тело.

– Ты хорошо знаешь французский язык. Если бы ты говорила на своем, провансальском¹⁹ языке Аквитании и Тулузы, здесь тебя никто бы не понял.

¹⁸ Вальденсы – религиозная еретическая секта обитателей долин Пьемонта, именовавшихся Valdenses. Пьер Вальдо, заимствовавший идеи этой секты, начал проповедовать около 1175 г. Основал общину, выступавшую против папства, отрицавшую ряд церковных догматов и таинств. Учение вальденсов близко к катарскому, хотя имеет ряд расхождений с ним.

¹⁹ В те времена Франция была поделена надвое: страну языка «ойль», находящуюся к северу от Луары, и Окситанию, страну языка «ок» – к югу от Луары. В XI–XII вв. окситанский язык был одним из наиболее развитых литературных языков. В те времена его именовали провансальским.

– Зато хорошо поняли бы там. Все наши церемонии носят провансальские названия. Поэтому наша Церковь ближе к народу, чем католическая, и пользуется большей симпатией. Сам граф Тулузский признал это, ведь даже священники приняли катарское учение, а потому церкви на юге опустели²⁰.

– Вот причина крестового похода против христиан, к которому призывает собор, – заметил Герен. – Катары создали сильную церковную организацию и стали опасными для папства.

– Не пойму, откуда все это взялось? – ходил Филипп от окна к окну. – Ведь не из-за одних только пороков церковников? – Он повернулся к Бьянке. – Скажи, откуда? Тебе как «совершенной», а значит, монахине это должно быть известно. Я тоже хочу знать.

– Знай же, король: катары появились в Окситании после Второго крестового похода; многие рыцари, отправившиеся на Восток, обратились там в манихейство²¹. Вернувшись к себе домой, они стали проповедовать новое учение, со временем добавляя к нему что-то новое. Вот и ответ на твой вопрос.

Филипп какое-то время молчал, глядя в окно на островок Коровьего перевоза, прямо напротив западного мыса Сите. Потом снова обернулся:

– Я слышал, они живут богато и мирно, лучше, чем мы. Так ли это?

– Там много богатых городов, и у них оживленная торговля с Востоком. Дворяне и горожане равны, даже заключают между собой браки. А какие там трубадуры! Слава об их искусстве гремит по всей Европе. Окситания – открытая страна с высокой культурой, а сервы почти все лично свободны. Нет войн, турниров, преследований еретиков. Лакомая добыча для рыцарей-грабителей из Франции и жадных до чужого добра продажных католических попов вместе с папой. Вот что такое наша страна, король Филипп. Я называю ее раем, вашу – адом. Франция – страна грубых варваров, где нет почтения к женщине, где все думают только о войне да собственном обогащении. Не хочу жить во Франции. Моя родина – Тулуза! Отпусти меня туда, король! Я погибну здесь...

Филипп подошел, сел рядом.

– Отпущу, Бьянка, как обещал. Вот только рыцари вернутся оттуда...

– Боже, что они там еще натворят! – закрыла лицо руками Бьянка. – Побьют скот, порубят виноградники... а сколько убьют людей, которые не сделали им ничего плохого! Всё потому, что так повелел римский папа, наместник не Христа, а сатаны. Да будет проклят он в своем дворце и со всем своим клиром – сворой лживых епископов и кардиналов, погрязших в заблуждениях и пороках!

– Что ты будешь делать в Тулузе, Бьянка? – после недолгого молчания спросил Герен. – Пусть даже у тебя есть дом, но ведь ты не можешь выйти замуж. Ты «совершенная», а значит, «чистая» или монахиня, и тебе запрещено вступать в брак. Только вот что касается любви... – Герен усмехнулся, покрутил ус. – Как ты будешь справляться с этим? Ведь не из камня же ты. Молодая, живая, красивая... А ведь плоть, как ни старайся ее заглушить или убить, все же заявит о себе.

К его удивлению, Бьянка, с ответной улыбкой, тотчас разъяснила ему сексуальную позицию катаров:

– То, что мы не считаем брак таинством, вовсе не означает, что мы призываем паству к воздержанию. Мы, южане, почитаем и духовные, и телесные радости. Ты прав, Герен, человек создан не из камня, и мы говорим: «Если нельзя обойтись без удовольствия, лучше вступить в свободный союз, но не в брак». Тебе покажется это странным, но хотя мы и презираем плот-

²⁰ Граф Тулузский Раймон V и в самом деле писал папе: «Ересь проникла повсюду, посеяла раздоры во всех семьях. Самые знатные люди моей земли поддались пороку. Я не могу подавить это зло». (Письмо дается в сокращении.)

²¹ Манихейство – еретическое течение в зороастризме, государственной религии Ирана. В этом учении – догматы о двух началах мира, злом и добром. Манихеи полагали, что этот мир сотворен злым духом, проповедовали аскетизм, целомудрие и отказ от собственности. Преследовались как еретики и христианами, и зороастрийцами.

ские утехы, все же одобряем половую свободу. Причем проповедуем даже, что предпочтительнее иметь отношения с чужеземцами или даже с родственниками, потому что такое действие влечет за собой исповедь.

– А «совершенным» это тоже не возбраняется? – хитро усмехнулся Герен. – Ты ведь, как я понял, из высшей касты, сродни Христовой невесте?

– А разве монахини без греха? – скосила на него лукавый взгляд Бьянка. – Кому, как не тебе, брат Герен, знать, чем занимается монастырская братия, включая сюда и женский пол, в стенах обители и за ее пределами? Или станешь сие отрицать, беря грех на душу?

– Правда твоя, сестра, – кивнул Герен и, засмеявшись, перекрестился.

– Не будем больше об этом, – поставила точку в разговоре Бьянка.

– Скоро Рождество, – неожиданно напомнил Филипп. – Как объясняют это слово катары?

– Рождество – пришествие Христа в царство зла.

– Потом Пасха...

– Пасха – победа Христа над сатаной. А Троица – воспоминание об основании нашей Церкви, о нисхождении Святого Духа на «совершенных».

– И на этом довольно, – объявил Филипп. – После таких бесед необходим отдых голове. Я отправляюсь к отцу.

– Не обессудь, король, – сказала Бьянка напоследок, – на юге много сект, различные учения. Могла что-то напутать, забыть. Но смысл один: Катарская церковь чистая. Мы отличаемся высокими моральными достоинствами, это делает нас в глазах людей чуть ли не святыми; мы им нравимся, они приветствуют нас и дают нам приют. А ваше духовенство распущено, погрязло в роскоши и разврате. Вот почему наша Церковь для вас представляет опасность. Вот для чего папа объявил против нас крестовый поход.

Бьянка поднялась с места, вздохнула, подошла к окну и поглядела на синеющую вдали громаду Булонского леса. Потом резко повернулась влево, в сторону, где несла свои воды Луара, где жил ее народ. Туда отправилось войско рыцарей – грабить, жечь, убивать мирных людей, не зная их веры, жизни, но повинаясь воле паука, одна из лап которого злобно указала на окситанский край.

Она оглянулась. Оба собеседника сразу же отметили произошедшую в ней перемену: брови сдвинуты, губы сжаты, глаза – две темные, холодные впадины.

– Отпусти меня, король, побродить по городу, – глухо обронила Бьянка.

Филипп кивнул, предупредив:

– Будь осторожна и сдержанна на язык. По улицам бродят клирики – присматриваются, прислушиваются. Шпионы епископа. Помалкивай, даже если услышишь что-то о еретиках.

– Одна я не пойду. Только с провожатым. Мы, катары, страшимся одиночества и всегда ходим по двое.

– Неплохая мера предосторожности. Я пошлю за Гартон, – улыбнулся король. – Полагаю, лучшего спутника тебе не найти. – Он дал ей кошелек с деньгами. – Возьми. Это для нищих.

Глава 11. К собору и обратно

Она нашла его в галерее, среди придворных. Отозвала в сторону.

– Ты свободен, Гарт? Я отправляюсь на прогулку, мне нужен попутчик. Пойдешь со мной?

– Ах да, вы, катары, всегда ходите парами. Таков ваш закон. Но я же не твоей веры. Или это допускается?

– Я могла бы пойти с кем угодно из кухонной прислуги. Или с Гереном. Но я хочу с тобой. . . – Она опустила глаза, щеки слегка заалелись. – Мы так давно знакомы. Ты спас меня. Ближе друга у меня нет.

– И у меня, Бьянка. . . – Он взял ее руки в свои. – Идем, я покажу тебе город. Мне приходилось бывать тут.

Они обогнули королевский дворец слева и пошли по набережной мимо часовни Сент-Никола, вместо которой полвека спустя Людовик Святой прикажет возвести готическую капеллу Сент-Шапель. Здесь будут храниться священные реликвии и Терновый венец Христа.

Стоял ноябрь. С запада дул слабый, но уже холодный ветер. Оба, Гарт и Бьянка, плотно закутались в шерстяные плащи.

– А знаешь, я ведь могла и не поехать за тобой, а остаться в одиночестве, – сказала Бьянка. – Тогда, помнишь, когда меня везли на муле?

– Почему же увязалась за мной?

– Здесь три причины. Одну ты знаешь: нам полагается путешествовать вдвоем.

– Другая?

– Я неожиданно увидела старуху. С палкой, неряшливо одета, седые космы развеваются на ветру. Подойдя, она внимательно оглядела меня и сказала, указывая рукой туда, куда ты уехал: «Следуй за Тристаном, Изольда! Спаси жизнь короля. Всемогущий Мерлин приказывает тебе, я слышала его голос, хотя он и спит. Постой. У тебя бледное лицо, гордый взгляд. Тебя вели на казнь? Ты еретичка? С чего бы им тогда вести тебя к костру?» И она указала своей палкой на десяток мертвецов вокруг меня. Я во всем призналась ей. Вот что она ответила: «А-а, катары. . . Умные, светлые, а значит, гонимые. Во всяком случае, они умнее этого сборища ослов, что зовутся христианами. Давно им пора перебить монахов и епископов». – «А папу?» – «Этого надо сжечь! И весь его преступный и продажный клир туда же. Бездельники и воры! Только и знают, что грабить народ да пугать его муками адовыми. А кто его видел, этот ад? Есть ли он? Кто его выдумал? Ваш Бог всех создал одинаковыми, только одним дал хитрый ум, а другим – ленивый». – «Наш? – спросила я ее. – Разве Он и не твой тоже?» – «Никакого бога нет, запомни это, девочка», – ответила она мне. – «Ты рассуждаешь, как богоотступница и еретичка, сказала я ей. – Церковь уверяет, что души еретиков и безбожников заберет к себе дьявол». Она ответила: «Еще одна выдумка попов. Здорово же они дурачат народ. Но торопись, делай то, что говорю тебе. И помни, старая Эрвина никогда не лжет». Так я оказалась рядом с тобой, Гарт, и кажется, вовремя. Своими глупыми молитвами монахи погубили бы Филиппа.

– Добрая, славная Эрвина, – растроганно проговорил Гарт. – Ее считают сумасшедшей. А ведь это она свела нас с тобой и спасла жизнь королю.

– Я уже тронула мула и вдруг услышала, как она сказала: «И уйдет в мир теней старый и немощный, и осветит путь молодому и сильному светлоокая дева Паллада». Кто это, ты знаешь?

– Она язычница. Ее жизнь сломана, и она перестала верить в Бога. Все, кого она почитает, – мифические боги древних.

– Ты расскажешь мне об этом?

– Как-нибудь. Но ты не назвала третью причину. Не будь первых двух, ты осталась бы на месте, Бьянка?

Она ответила, подняв голову и глядя ему в глаза:

– Нет. Я поехала бы за тобой.

И ни слова больше. Другой вопрос он не стал ей задавать. Она и так все сказала, оба понимали это.

– А ты? – спросила она. – Как оказался на той дороге? Тебя послала Эрвина?

– Не совсем так. – Гарт помолчал, собираясь с мыслями. Бьянка ждала, молча глядя себе под ноги. – Я – тот, кого принято называть странствующим рыцарем. История обычная, и все же я поведаю ее тебе. Нас трое братьев. Старшему отец отписал поместье, земли и людей. Словом, всё. Что же делать с нами двумя? Сначала он решил устроить судьбу среднего сына. Рыцарь из него не получался: Жан был низенький, пухлый, к тому же слегка прихрамывал. Мало того, слышал только на одно ухо. Выход один: монастырь. Куда же еще? Здесь он избежит нужды и послужит Богу немудреным богатством и землей.

– Отец отписал монахам надел? Как иначе вступить в монастырь? С пустыми руками туда не возьмут.

– Часть аллода²² – вот взнос за него. Жану предстояло стать клириком, да не тут-то было. Церковь воспротивилась его телесным недостаткам. В самом деле, хорош окажется полуглухой, маленький и хромой служитель Церкви! А ведь ему полагалось часто появляться в миру. Да и негоже, чтобы у приближенных к Богу был смешной вид. Словом, Жана взяли лишь в монахи. Здесь не требуется особенных телесных совершенств: монах далек от мира. Кто увидит его? Только братия, в которой он окажется не последним уродом. Я встретился однажды со старым приятелем, который возвысился до сана аббата и получил в управление монастырь. Он рассказал, как, едва вошел в аббатство, остолбенел и чуть не потерял дар речи. Сборище хромых, слепых, одноруких и одноногих – вот что являли собой монахи. Не хватало только прокаженных.

– Что же новоиспеченный аббат? Разогнал всю эту шайку?

– Не посмел, ведь за каждого из этих увечных внесли хороший вклад в виде земельных угодий, виноградников, прудов, да и просто золота и серебра. Однако в дальнейшем он стал отказывать всяким пугалам и инвалидам, тем более что весть дошла до короля. Тот вначале посмеялся, а потом дал запрет.

– Запрет лишь этому аббатству или всем?

– Неизвестно. Только Жана взяли. Да и не такой уж он, если поглядеть, был урод.

– Ну а ты сам? С виду – полное совершенство. Тебе бы, рыцарь, биться на турнирах.

– Поначалу к тому и шло. Воспитывался и обучался я воинским и другим наукам в замке сеньора. Был пажом, потом оруженосцем. Когда стану рыцарем, знал лишь Господь. Помог случай. Дочь графа совершала ежедневные конные прогулки берегом озера. Не пропускала ни одной. Сопровождал ее небольшой отряд и два пажа. Одному из них нездоровилось в этот день, и граф отпустил меня вместо него. Пол-озера мы уже объехали, и тут на нас напали рутьеры. Как снег на голову, откуда только взялись. Десять их было, а нас восемь. Собственно, всего пять, два пажа да юная амазонка. Жестоко биться пришлось. Всадники – те, что напали, – в кольчугах, шлемах, без копий, правда, но с мечами. Рыцари – я сразу понял. Троих наших посекали и своих потеряли столько же. Стали подбираться к графине, мечтая захватить ее в плен, да только не учли, что хоть и молод я был, а хорошо владел мечом. Сеньор всегда отличал меня и ставил в пример. В общем, кинулся я на тех, что к девице подбирались. Зарубил одного, с другим схватился, а тут упал паж, что бился рядом. На меня налетел еще один всадник, мы с ним сцепились, и я его ранил. Он выронил меч, а я тем временем схватил под уздцы лошадь

²² Аллод – наследственное владение сеньора.

молодой графини и во весь дух помчался с ней к замку. Оглянулся и увидел погоню. Двое. Летят, машут мечами. Да не успели они. Замок уж рядом, и мост лежит надо рвом. По мосту этому отряд конных промчался – и туда, где кипело сражение. Дозорные с башни, как оказалось, дали сигнал, – озеро ведь недалеко и хорошо просматривалось сквозь негустую рощу. Вот после этого случая граф и посвятил меня в рыцари, подарив коня, меч и золотые шпоры.

– Дальше пошло, видимо, что-то не так, – произнесла Бьянка. – Как иначе ты стал монахом?

– Не по своей воле. Отец так захотел. Я, младший в семье, был у него самым любимым. Не знаю, почему так, только меня он боготворил. Целовал, молился, глядел, словно на лик Богоматери. Всегда был рядом, все мне позволял, не то что старшим сыновьям. Говорил, одна я у него в жизни отрада, и никого не любил он и не любит так, как меня. А тут как узнал, что стал я рыцарем и собираюсь странствовать, лицом побелел, руками замахал, за сердце схватился. Сказал: убьют меня, умрет и он. Что же я, смерти его хочу? Нет, конечно же. Я тоже был очень привязан к отцу и сильно любил его. Не братьев, не мать, которая умерла от рук знахарки, а его. Наверное, это было ответом на его любовь. Как мог я после этого проявить непослушание?

– И он, желая, чтобы ты долго жил, определил тебя в монахи?

– Да. Но нам с Жаном пришлось поменяться местами. В монахи пошел он, а я стал клириком, обучившись в школе. Потом каноником. А вскоре отец умер от чумы... Немного погодя я ушел из монастыря. Почему? В поисках независимости. Каждый волен получить свободу. Для этого я стал оттачивать свое мастерство конного и пешего боя. Не удивляйся, но наша община каноников являла собой не столько духовное братство, сколько настоящее войско. Капитул наш постоянно подвергался разбойным нападениям баронов и наемников. В силу этого мы всегда вынуждены были находиться на военном положении. С виду духовные лица, причем все из благородных семей, на самом деле мы были воинами. От обороны часто переходили к нападению.

– Грабили соседние церкви и монастыри?

– Нет, только владельцев замков – тех, что постоянно нападали на нас. Я был членом капитула святого Юлиана Бриудского, знаменитого на всю Турень. Нас называли священниками-воинами. Представь, едва пропев псалмы и гимны, мы бежали надевать доспехи, дабы сражаться, защищая себя или мстя тому, кто нас обидел. Все это было хорошо известно и папе, и епископам, но они только отмалчивались, понимая, что нам самим надо обороняться. Поэтому Церковь наша имела вид настоящего замка. Но она и должна быть крепостью или будет разрушена, разграблена или даже сожжена.

Однако ссоры возникали у нас и между собой. Ведь все мы, я уже говорил, сыновья из знатных семей, вышли из рыцарской среды. Ссорились и дрались каждый день, даже убивали друг друга. Словом, воинственные наклонности преобладали над духовной жизнью. Я сам дрался много раз, был ранен и даже убил двоих, чересчур высокомерных и задиристых.

– Разве это жизнь? – резонно заметила Бьянка. – Я давно бы ушла из такой общины. Мало ли желающих купить мой меч?

– Я не стал раздумывать, когда понял, что все это мне надоело. Сел на коня и умчался прочь. Но капитул не много потерял. Ученых клириков нынче огромное количество, многие оказываются без работы. Каков же выход? Отправляться бродяжничать в поисках пропитания – кто пешком с Библией и распятием в руках, другие с оружием. Так я оказался здесь, почти раздетый и без единого деньга в кармане. Зато со мной оставался мой конь, а в руках – копьё и меч. Этого достаточно для того, кто умеет ими владеть. Искусству этому я неплохо обучен, смею тебя заверить. Помнишь последний турнир?

– Еще бы! Ты тогда троих вышиб из седла и еще двух победил на мечях.

– И стал богат! Впрочем, все роздал нищим. Зато я в чести у Филиппа: он доверил мне высокий пост.

– Людовик был не против?

– Ему уже все равно. Ходит и говорит с трудом, еле добирается до стола. Паломничество отняло у него последние силы. В государственные дела уже не вмешивается. Наш король теперь – Филипп! А сколько осталось его отцу – лишь Богу ведомо.

Тем временем они вышли к Южным воротам Малого моста. Здесь, слева, между двумя приходскими церквями находилась Еврейская община. Так же называлась и улица, вдоль которой тянулся Хлебный рынок. В этом месте всегда оживленно. Ходят вдоль рядов магистры ученых степеней, школяры с перьями и чернильницами, клирики, судейские, члены ремесленных и купеческих корпораций. Останавливаются у прилавков, выбирают товары, торгуются. Иные проходят мимо, торопясь по своим делам. Справа Малый мост, застроенный двухэтажными домами. Тут живут зажиточные купцы, королевские чиновники, духовенство, торговцы, алхимики, аптекари и содержатели таверн.

Чуть в стороне от рынка – церковь. У паперти сидят на камнях, досках, а то и прямо на земле нищие и убогие – оборванные, грязные калеки без рук, ног, слепые или с гноящимися глазами. Каждый с протянутой рукой – не важно, проходит кто мимо или нет. Увидев двух, хорошо одетых прохожих, руки эти затряслись, задвигались и потянулись к ним, готовые, кажется, сорвать одежду с путника, вздумай он остановиться.

Бывший каноник, а ныне рыцарь де Марейль не преминул высказаться, вспомнив изречение Иоанна Златоуста:

– «Как вода омывает грязь с тела, так и милостыня уничтожает нечистоты душевные».

Бьянка с Гартом стали раздавать монеты. Увидев это, к ним заторопились другие нищие, сидевшие у моста и у церкви Сен-Мадлен. Вскоре количество их стало столь внушительным, что Гарт, зажав нос рукой и взяв Бьянку за руку, поспешил покинуть это место. Но не так-то легко было отделаться от калек. И только когда Гарт и Бьянка остановились у очертаний трансепта какого-то огромного собора, который собирались здесь возвести, нищие оставили их в покое.

А на месте бывшей церкви Сент-Этьен кипела работа: везли с набережной камень, песок, глину, ставили леса, действуя пилами и топорами. Рабочих было много. Растянувшись по длине острова до самой базилики на восточном мысу, они укладывали камень, месили раствор, заливали деревянные опалубки. И повсюду шум, крики, грохот в этом море человеческих тел. Людьюми руководили мастера, покрикивали на них, давали указания. Неподалеку сидел на корточках зодчий и наблюдал за ходом работ. Перед ним на земле чертеж. Бросая изредка на него вопрошающие взгляды, мэтр давал инструкции своим подручным, указывая рукой в ту или иную сторону. Те либо спорили, либо соглашались и тогда торопились туда, куда им указывали. Здесь же клирики. Ходят туда-сюда, бормочут что-то, осеняют крестом то или иное место. Рабочие покрикивают на них, просят отойти подальше и не мешать.

Словом, шло великое строительство. Чего именно, не знали ни Гарт, ни Бьянка.

Недалеко от зодчего сидели на бревне его помощники. Что-то чертили палкой на песке, смотрели на арки, колонны, нервюры, думали, стирали и снова чертили. Подсев к зодчему, Гарт и Бьянка поинтересовались, что здесь строится. Мэтр, оторвавшись от своих чертежей и покосившись на пояс шамбеллана, блестящий драгоценными камнями, охотно стал объяснять:

– Собор. Это... – Он показал рукой. – Клирос с главным престолом. Здесь будет неф, а там, – кивнул он на восток, – алтарь. Всё в новом стиле, без тяжеловесности.

– Но для чего, – спросил Гарт. – Разве мало вокруг церквей?

– Говорю же – собор! – упрямо повторил зодчий. – Так решил епископ де Сюлли тому уж лет пятнадцать назад. Он же заложил первый камень в основание. Королю Людовику сказал, что город большой и ему нужен хороший храм, громадный, больше, чем в Риме. Париж должен стать настоящим оплотом христианства благодаря такому храму. Все священные реликвии, а их немало, будут храниться здесь. Толпы паломников потянутся к собору, и это создаст ему

огромную известность. Это будет чудо почище Александрийского маяка и храма Афродиты! Постройка на французский лад!²³ А начал такие высокие храмы возводить еще аббат Сугерий, и было это в Сен-Дени. Святой Иоанн утверждал, что Бог есть свет, поэтому свет должен наполнять всю церковь через высокие окна. Аббат, да упокой его душу Всевышний, говорил еще: «Собор – суть свидетельство того, что всё сущее есть отсвет любви Божией». Теперь вот наш епископ решил возвести такое же чудо, только краше.

– Жаль, не доведется увидеть конца, – вздохнула Бьянка. – Работа, похоже, затянется надолго.

– На много лет, – подтвердил архитектор и снова углубился в созерцание чертежей.

– Недешево обойдется казне такое сооружение, – заметил Гарт.

Зодчий поднял голову:

– Пожертвований собрано столько, что на них можно построить целый флот. А выйдет всего один корабль. Зато какой! Из камня, с витражами и реликвиями. И видно будет этот корабль чуть ли не из Шампани. А за жертвованиями во славу Господа дело не стало, – не только сам король, но и его рыцари, церковники, даже горожане вносили свои деньги на возведение храма.

Тут он поманил рукой своих слушателей и, когда те наклонились к нему, негромко проговорил:

– Говорят, дошло до того, что даже гулящие девки внесли свою лепту в столь богоугодное дело. Епископ вначале отказался, а потом согласился, условившись с девицами, что случай этот избежит огласки.

– Как же ты об этом узнал? – спросил Гарт.

Зодчий развел руками:

– Так ведь говорят... втихомолку, правда. Но не выболтайте никому, сеньоры, это я вам по секрету...

Должно быть, в этот момент бедняга пожалел, что так разоткровенничался с незнакомыми людьми.

– Что ж, епископ прав, – обронила Бьянка. – В конце концов, деньги продажной женщины стоят денег ростовщика.

– Благое намерение очищает всё, – добавил Гарт и хлопнул по плечу зодчего. – Не волнуйся, друг мой, секрета твоего мы не выдадим.

И они, постояв еще немного, направились улицей Парвис в сторону Хлебного рынка. Их путь снова проходил мимо церкви, а раздавать милостыню было уже почти нечем: всего несколько серебряных монет осталось в кошельке у Бьянки. Деньги эти она берегла для галантерейной лавки, в которой на обратном пути собиралась купить шерстяные перчатки и накидку на плечи.

Вот она, эта самая лавка. Продавец – женщина. Она уже ждет, потому что был уговор. Бьянка подошла, надела перчатки, заулыбалась. Впору! А какие теплые! Теперь ей любой мороз не страшен. Она раскрыла кошелек и уже вытащила оттуда монеты... как вдруг Гарт схватил ее за руку. Она опешила вначале, потом поглядела... и всё поняла.

Почти рядом, шагах в пяти от них стоял худенький мальчуган и молча, светло-голубыми глазами глядел на руку Бьянки, в которой она держала монеты. Мальчику было лет пять, не больше. Его дырявые ботиночки, старые, растоптанные и обмотанные кое-как тряпками, вряд ли согревали ему ноги. Полотняные штанишки, с заплатами и тоже в дырах, не доходили даже до середины икр. Бумажная куртка с разорванными рукавами, похоже, также совсем не грела

²³ Сам того еще не зная, неизвестный мастер словами «постройка на французский лад» определил начало готики во Франции: первая половина XII в., церковь Сен-Дени.

малыша: видно было, как он мелко вздрагивал. Но он ничего не говорил и не протягивал руки. Не умел или боялся, кто знает? А молчал потому, что от холода стучали зубы во рту.

Бьянка застыла на месте, точно ее парализовало, и вдруг, раскинув руки, бросилась к этому мальчику и заключила его в объятия. Потом отстранилась, посмотрела ему в глаза и только сейчас увидела, что они полны слез – детских, затаенных, молчаливых. Теперь, когда ребенок почувствовал объятия матери, слезы его не смогли больше держаться на веках и разом пролились ручейками ему на щеки. Бьянка вытерла их рукавом и снова прижала мальчика к себе, чувствуя, как он весь дрожит, и отдавая ему свое тепло.

И тут он заплакал. Но не в голос, не в рёв. А просто, тихо, по-мужски, скривив губы и захлопав носом. Одна за другой, его чистые и горячие детские слезы капали на шею Бьянке, а она все сильнее прижимала его к себе и гладила его мягкие, спутанные, соломенного цвета волосы.

– Кто ты, малыш, и что здесь делаешь? – спросила она, заглядывая ему в глаза.

Но он не отвечал, не решаясь поднять взгляд, и продолжал упрямо глядеть себе под ноги. Только губы его мелко дрожали, да ладошки он сцепил крепко-накрепко, держа их у груди, словно молясь. Бьянка взяла их в свои теплые руки и сразу же почувствовала холод, исходящий от его маленьких, согнутых пальчиков. Она стала согревать их теплом своих рук. И когда мальчик поднял на нее глаза, она увидела в них боль, печаль, уныние – все что угодно, кроме радости от того, что он живет на этом белом свете.

– А где твоя мама? – спросила она у него.

Печально и тихо малыш ответил ей:

– Наша мама умерла.

Бьянка вздрогнула; слова застряли в горле. Спросила все же:

– Отчего?

– У нее очень болел живот. У многих болел тогда.

– А лекарь к вам приходил?

Мальчик опустил голову:

– У нас нет денег...

– А папа?...

– Папа тоже умер.

– Боже мой!.. – И Бьянка, не удержавшись, расплакалась.

– Дизентерия, – произнес Гарт. – Бич Парижа. Много умерло, я слышал об этом. Воздух и в самом деле гадок. Улицы похожи на помойки.

– Ты живешь не один? Кто-то еще есть? – снова спросила Бьянка. – Брат?... Бабка?...

– Сестра.

– Уже лучше. А где она? Что она делает? Почему не смотрит за тобой? И сколько ей лет?

– Она... – Мальчик смутился, не зная, как сказать. – Она уже большая, все время ходит с чужими дядями. Но говорит, что так нужно, чтобы жить...

Гарт с Бьянкой переглянулись.

– И все равно денег не хватает? Даже на еду? Ведь ты голоден!..

Вместо ответа малыш несколько раз мелко кивнул и опустил голову.

Бьянка бросилась к галантерейной лавке, высыпала на прилавок все монеты. Их хватило на детскую короткую суконную рубашку с рукавами и новенькие башмачки из кордовской кожи. Теперь остались теплая курточка, штанишки и шапочка; все это желательно из шерсти.

Бьянка умоляюще посмотрела на своего спутника и выразительно потрясла в воздухе пустым кошельком.

Гарт тяжело вздохнул:

– Ты же знаешь, все монеты я роздал нищим.

– Но что-то надо делать! Ребенок совсем замерз. К тому же он голоден. Он хочет есть! Он может умереть с голоду! Неужели ничего нельзя сделать, Гарт? Найди же какой-нибудь выход!

Мальчик тем временем быстро переобулся и надел рубашку. Потом снова натянул свою старую разодранную, короткую, латаную-перелатанную куртку. Теперь ему стало теплее. И он захотел поблагодарить сеньору. Не успела та опомниться, как он подбежал и припал губами к ее руке. Потом быстро отошел, покраснев от смущения и не глядя на нее. А с губ слетело:

– Да пребудет с вами Господь, благородная сеньора...

Гарт снял с себя пояс, показал Бьянке.

– Смотри, сколько в нем драгоценных камней. Не думаю, что он много потеряет, лишившись двух-трех.

Бьянка всплеснула руками. Такой пояс имел право носить только шамбеллан. Продав его, можно было купить несколько отличных лошадей или коров. Но ценился не сам пояс, а камешки, вкрапленные в него по всей длине. Гарт вытащил два из них.

– Неподалеку я видел лавку ювелира. Вперед, малыш! Там же мы найдем и бакалейщика.

И подал руку мальчику. Тот, несколько осмелев, протянул свою. Но старую обувь все же прихватил с собой. А еще через некоторое время он был одет по всей форме так, словно уже наступила зима. В руке он держал ватрушку с медом, которую жадно жевал, с благодарностью поглядывая на своих неожиданных благодетелей. Другой рукой он прижимал к себе завернутые в тряпицу сыр, колбасу, хлеб и два жареных цыпленка.

Бьянка улыбалась. Лицо ее выражало если и не огромное счастье, то безмерную радость. Гарт тоже был доволен: как это он вовремя вспомнил про свой пояс! А камни... это пустяк. За такую улыбку, которой его только что одарила его спутница, он, не задумываясь, расстался бы и с остальными самоцветами.

Теперь осталось проводить малыша до дома. Он повеселел, это было видно, и всю дорогу, пока они шли, бросал любопытные взгляды то на Бьянку, то на Гарта.

Дом оказался таким, каким, собственно, и можно было представить его себе. Маленький, покосившийся, стесненный с обеих сторон двухэтажными добротными домами, которые, казалось, напирали на него, стараясь вытеснить отсюда, дабы он не мешал им. И уже на пороге, прощаясь, когда мальчик с грустью помахал рукой своим провожатым, Бьянка сказала ему:

– Не отчаивайся, малыш. Я буду каждый день навещать тебя, приносить еду и подарки. Не бойся, я не дам тебя в обиду. Скоро я уеду, правда, но до тех пор буду приходить к тебе. Договорились?

Мальчик кивнул и проговорил, лаская Бьянку ангельским взглядом своих детских, чистых, голубых глаз:

– Какая вы добрая, сеньора...

Бьянка улыбнулась и почувствовала, как предательски дрогнули ее губы.

– А как тебя зовут? Ты так и не сказал нам это.

– Аркур. А вас?

Она назвала ему свое имя.

– Прощай, Аркур, – сказал Гарт. – Жаль, мы не встретили твою сестру, нам было бы о чем поговорить с ней.

– Прощайте, сеньор! Я никогда не забуду вашей доброты.

Долго еще стоял малыш на пороге своего дома, провожая взглядом двух человек, неторопливо уходивших по набережной в сторону королевского дворца. Стоял и повторял имя, которое ему очень не хотелось забыть.

И не знал маленький мальчик, что пройдет почти двадцать лет, и он станет человеком иного сословия. Не знал тогда и Гарт, что наступит день, когда рыцарь Аркур де Ромнель в кровопролитной битве спасет от смерти его сына.

Глава 12. Единственная умная фраза у Пьера де Брюи

Крестовый поход, объявленный папой Александром III, был неизбежен. Рим видел в катарской Церкви свою соперницу. Духовенство юга представлялось ему опасным конкурентом, которого надлежало уничтожить, дабы не поколебать устои христианства. Смертельный конфликт между двумя этими врагами мог закончиться только полным поражением одного из них. Ересь была не менее опасной и для феодального государства, нашедшего единомышленников в лице папы и императора Фридриха I. Вывод: против нее встали два колосса – духовная и светская власть.

Как и следовало ожидать, катары потерпели поражение. Причиной тому один из пунктов их доктрины: запрещение всякого применения силы, одним словом, непротивление. В этом заключалась их слабость. Они не призывали к насилию, исключая союзников – рутьеров графа Тулузского или графа де Фуа. Наемники не признавали никакой веры, грабили всё подряд, но катарские пастыри никогда не одобряли таких действий и не подстрекали к ним. Их убеждения – терпимость. Все, что они требовали – свобода проповеди и культа. И эта, еще раз повторю, их слабость в конечном счете погубила их и возможную независимость Юга. Одного они не смогли или не захотели понять: в то время, когда они жили, любые конфликты, а уж тем более такие серьезные, разрешались силой. И католическая церковь всегда прибегала к ней для укрепления пошатнувшейся власти. Поэтому конец был неизбежен, и катары окончательно нашли его менее полувека спустя в костре Монсегюра.

Однако в первом походе, о котором идет речь и к которому давно уже призывал Бернар Клервоский, катары, если можно так выразиться, легко отделались. Число рыцарей было невелико. Во главе с кардиналом Клервоским они разорили несколько областей Лангедока и разъехались по домам.

Весть эту сообщил Бьянке Гарт однажды утром, поднимаясь с постели и одеваясь. Выслушав его и не вставая, она долго глядела в потолок – бледная, недвижимая, с остановившимся взглядом.

– Это все Бернар! – наконец негодуяюще произнесла она. – Это он научил пап пользоваться не только духовным, но и светским мечом. Но им не истребить нас, – продолжала она немного погодя, сев на кровати и устремив гневный взор в окно. – Вальденсы идут за нами! Они учат, что повиноваться надо лишь Богу, а не людям. Римская церковь отказалась от учения Христова и стала блудницей вавилонской. Она – смоква, которую некогда проклял Иисус и повелел уничтожить. И еще Пьер Вальдо учит...

– Оденся. – Гарт кинул ей рубашку. – Здесь не так уж тепло.

– Он учит, – продолжала Бьянка, одеваясь, – не повиноваться ни епископам, ни папе, ибо они ведут дьявольскую жизнь. Он отрицает все, что считает изобретением сатаны – обедню, святых, даже молитву за усопших.

– Выкинь ты из головы всю эту дурь, – ответил ей на это Гарт. – Будь такой, как все. Пойми, нельзя иначе. Учти, Филипп не пойдет против Церкви и не станет тебя защищать. Поэтому захлопни рот и повесь свои мозги просушиться на ветру. Клянусь пятками Иисуса, это плохо кончится для тебя. Лучше подумай, не следует ли нам повторить?...

– Нет! Я и так совершила грех.

– Грех? Вчера вечером, перед тем как раздеться, ты уверяла меня, что ваш учитель Пьер де Брюи отрицал необходимость воздержания. За эту ночь он решил, что наговорил лишнего?

– Он сказал это в противоположность учению катаров.

– В самом деле? А вот я считаю, что это единственная умная фраза в его проповедях.

Она подошла ближе, прижалась, положив руки ему на грудь. Подняла на него глаза, вовсе незлые.

– Бессовестный, как тебе не стыдно. Запомнил только это... А ведь он был против церковных убранств, всяческих позолот, даже гимнов и молитв, пусть даже они были обращены к Богу. Наши молитвы, согласно его учению, не допускают никаких мелодий... А знаешь, был еще один проповедник, правда, давно... Однажды он прибыл в город Манс. Он так ярко, так правдиво изобличал лживость и лицемерие духовенства, что народ тут же набросился на двух священников, находившихся тут же, и избил их. Те едва унесли ноги.

– А проповедник? Наверно, ему удалось ускользнуть из-под бдительного ока Церкви, если только он не страдал подагрой.

– Видимо, страдал. Его посадили в тюрьму, там он и умер. А в прошлом году Церковь судила в Тулузе некоего Пьера Морана. Представь, он заявил перед легатом, епископом и всеми членами собрания, что хлеб, освященный в алтаре, вовсе не есть тело Христово.

Терпение у Гарта лопнуло:

– Да было уже это, сколько можно! Неужели нельзя поговорить о чем-нибудь другом?

– Можно, но я все-таки доскажу, и ты узнаешь, что они с ним сделали за это. Конфисковали имущество и снесли замок, после чего епископ и аббат бичевали его с двух сторон. Потом он попросил пощады, проклял наше учение и отправился в Иерусалим молить небо о прощении. Но его все равно, кажется, отлучили.

– Я слышал эту историю. Церковь попросту задавила Морана своим авторитетом, своей властью. Он был один, а их много. Одинокий волк, отбившись от стаи, гибнет. Моран сказал правду о том, что Христос запретил клясться. Это выбило почву из-под ног легата. Как поступают церковники, когда понимают, что им нечем крыть? Предают отлучению. Это их последнее средство. Женщина, не находя слов для ответа, прибегает к пощечине; другого ей ничего не остается. Рука приходит на помощь поверженному языку.

Бьянка долго молчала, глядя в слегка раскрытое окно, как суетятся лодочники по обоим берегам Сены, как золотит восходящее солнце колокольню и высокий шпиль с куполом романской церкви Сен-Жерменского аббатства.

– И все же мы победим, Гарт! – убежденно произнесла она, оборачиваясь и устремляя на него взгляд, горевший надеждой и глубокой верой. – Церковь боится нас потому, что с нами простой народ. Видел бы ты, как жадно слушает он наше «слово Божье», когда мы обличаем Церковь за ее несметные богатства и призываем ее отказаться от мирских наслаждений. Нас поддерживает и дворянство: слишком много прав и вольностей отбирают у него церковники. Поэтому мы – везде, нас слушают, любят, и никакие отлучения нам не страшны.

– Когда ты уезжаешь? – спросил Гарт.

– На днях. Я не могу здесь. Мой народ в Лангедоке; в Тулузе моя тетка. А этот город меня раздавит. Прости, что я покидаю тебя. Ты не нашей веры, но самый лучший из христиан, тех, что живут здесь, на севере. Если ты полюбил меня, тебе будет тяжело: почти вся боль разлуки останется с тобой.

– А ты, Бьянка? – Он обнял ее за плечи, привлек к себе. – Что унесешь с собой ты?

– Земную любовь. Но она быстро пройдет, ибо высочайшая любовь – союз человеческих душ с Богом, добродетель, делающая людей детьми Божиими. Поэтому думать и отдаваться всецело надо только высшей любви, имя которой носит наша Церковь.

Несколько дней спустя, прощаясь у Малого моста, Бьянка сказала ему:

– Возлюби Христа, Гарт, как воспылала к нему любовью блаженная Гумилиана. Однажды, когда она была больна, явился ей прелестный мальчик лет шести. «Дорогой мой мальш, – сказала она ему, – ты любишь, конечно, играть? А что еще можешь ты делать, кроме этого?» Тогда мальчик спросил ее: «А что вы хотели, чтобы я для вас сделал?» И сказала ему блаженная Гумилиана: «Расскажи мне что-нибудь о Боге». Ребенок загадочно улыбнулся и ответил ей: «Вы думаете, что прилично говорить кому-нибудь о самом себе?» Сказав так, он исчез, а блаженная Гумилиана стала здоровой. Вспомни об этом, Гарт, если однажды с тобой

приключится хворь; быть может, и ты увидишь во сне прекрасного мальчика. И еще... – добавила Бьянка, улыбнувшись. – Знай, ты был у меня первым... и последним.

И, махнув ему на прощанье рукой, Бьянка покинула город вместе с паломниками и купеческим караваном, сопровождаемым вагантами и труверами.

Ни гарт, ни Бьянка не знали, что больше они уже никогда не увидятся.

Глава 13. Отец и сын

К августу 1180 года король Людовик почти совсем уже не вставал с постели. Паралич сковал его всего, живыми оставались только голова, руки да сердце. Еще раньше, весной, после свадебных торжеств по случаю бракосочетания Филиппа с Изабеллой, к Людовику позвали монаха из Сен-Дени. Ученый человек, знает заклинания, способен выгнать хворь. И, получив милостивое соизволение королевы-матери, монах приступил к делу. Для начала взял в руки пучок ивовых прутьев, указал на неподвижное тело:

– Пусть снимут рубаху. Иначе духи не выйдут.

Аделаиду передернуло: уж не колдовство ли?

– Какие духи, монах? Король перед тобой. Или ты уже забыл?

Монах затянул давно заученную песню:

– Мир полон добрыми и злыми духами. Причина болезни – не что иное, как влияние злого духа, духа болезни. Может быть даже, – выпучил он глаза, картинно отступая на шаг от больного, – злой дух вселился в тело короля! А посему должно совершить процедуру изгнания беса.

И принялся хлестать Людовика своими розгами, наводя при этом на него страх муками ада и считая чертей, которые уже покинули его тело. А другие? Что же, остались? Ого, да их еще целый легион! И монах продолжал в исступлении истязать государя.

Вдруг он остановился. Предмет какой-то привлек его внимание. Чернильница. Указав на нее прутом, монах вскричал:

– Здесь прячется недуг! Трое чертей попрыгали туда! В печь, в печь заразу, покуда они снова не вышли оттуда.

Чернильницу бросили в огонь. Монаху этого показалось мало. Он перевел взгляд на ночной горшок, закрытый, правда. Конец прута немедленно устремился в этом направлении.

– Половина чертей там! Я видел их. Они сидят под крышкой, которую уже нельзя снимать.

Горшок, обернутый предварительно мешковиной, с не меньшим проворством разделил судьбу чернильницы.

Людовик глядел на монаха, ожидая чуда. Королева-мать с беспокойством озиралась кругом: нет ли еще в комнате предмета, куда мог переселиться недуг? Нет, кажется, ничего. Разве только одежда короля, развешенная на стуле?... Ошиблась. Вместо этого монах, снова страшно выпучив глаза и отступив теперь уже на два шага, указал на другой горшок. Цветочный. И тотчас возопил:

– В растениях живут духи зла! В листьях, стеблях, самой земле! Сгинь, дьявольское отродье, очисти дух больного от скверны!

И замахал распятием, бормоча молитву о ниспослании на короля доброго духа, который выгонит из тела остальных приспешников сатаны, все еще гнездящихся в темных закоулках души.

Король глубоко вздохнул. Ну, кажется, всё. Только подумал, как снова ненавистные прутья со свистом обрушились на него.

Наконец монаха попросили уйти: довольно уже терзать тело государя. Кивнув, он повернулся к выходу и ушел, бросив прутья в огонь. Теперь, если экзекуция не подействует, он всегда сможет оправдаться: выгнали, мол, не успел до конца сделать свое дело. Но никто о нем больше не вспоминал, хотя Людовику магический ритуал изгнания духов зла совершенно не помог. Только раны остались на теле да боль.

В конце августа он велел позвать к себе сына. Тот вошел, сел рядом. Взглянул – лицом потемнел, сдвинул брови. Перед ним лик мертвеца: впалые щеки, лицо без кровинки, мутные,

но еще живые глаза и, похоже, заострившийся нос. Голос еще остался и, пока он не пропал, отец начал говорить:

– Подходит мой последний час, Филипп. Слышу я, как подбирается, крадется смерть ко мне. Поэтому слушай, что скажу. Может, больше уж не смогу... Ухожу с радостью, что ты остался. Есть кому наследовать королевство. Правда, юн ты еще. Ну да твой тезка Филипп тоже в четырнадцать лет стал королем... А всему виной бабы – одна, потом другая. Спасибо Бог надумил жениться на твоей матери. Однако не об этом сейчас...

Людовик перевел дух, помолчал, вздыхая тяжело, и продолжал, не сводя с сына слезящихся глаз:

– После моей смерти наступят многие беды. Храни же нашу Францию, сынок, береги ее, умножай, раздвигай границы. Начало этому положил твой дед. Продолжать тебе. Сразу же дай понять всем, что король Франции не умер. Не остался трон без хозяина. Не сделаешь этого – великие распри начнутся в стране. Знать пойдет войной друг на друга. Что стоит тогда Плантагенету прошагать по трупам, а потом разбить тех, кто победил? Но он не посмеет выступить против сюзерена: папское проклятие – не шутка, с этим приходится считаться... И еще. Париж слаб, незащищен. Ему нужна стена. Понимаешь? Любой замок, аббатство, город – все имеют стены. У Парижа их нет. Он растет. Ограда Сите – скорлупа, и она давно треснула. Хотел было я заняться этим, да все недосуг... Тебе придется. Обещаешь ли, Филипп?

– Клянусь, отец, обнесу оградой город! – горячо воскликнул молодой монарх. – Чтоб в аду мне гореть, если не возведу стену каменную да не наставлю башен!

– Я верю тебе. Слушай дальше. Берегись Генриха Анжуйского, с которого совсем недавно ты мечтал брать пример. Он, хоть и вассал твой, все же сильнее тебя. Посмотри, какая у него территория! А ведь это Франция, и жители ее говорят на всех языках, кроме английского. Всему виной Алиенора, чтоб черти унесли ее душу в пекло. Она отдала ему полстраны – всю Аквитанию!

– Черт возьми! Чем она думала? – вырвалось у Филиппа.

– Скоро ты узнаешь, чем думают женщины, особенно такие, как она.

– Да ведь это предательство – подарить королю Англии, герцогу Нормандскому и Анжуйскому еще и всю Аквитанию! Юг страны ниже Луары!

– Зато она стала королевой. Ради туши оленя оставишь жирного гуся.

– Но ты, отец! Во всем винят тебя. Ведь всему причиной твой развод. Я знаю, что произошло, и могу тебе напомнить. Герцог Гийом Десятый, отец Алиеноры, тревожился за судьбу Аквитании. Думаю, он был прав, ведь, едва он умрет, ее тут же раздерут на части алчные бароны. Но у него были две наследницы. Одну из них – Алиенору – он предложил тебе в жены. Удачный ход, ведь Франция завладела почти всем югом страны! И вдруг, после крестового похода, этот развод! Сам папа был против. А аббат Сугерий! Ведь он предупреждал тебя, но ты словно ослеп! Понимаю, моя мачеха – та еще шлюха, но...

– Но ты не догадываешься, почему я выгнал ее вон, лишившись, таким образом, стольких земель. Сейчас я скажу тебе. Развод потребовала Алиенора, а не я, как многие полагают. И все думают, что я допустил ошибку. В действительности же, сын мой, вот как обстояло дело. Я дал согласие на развод. Это случилось спустя три года после крестового похода. Но почему я это сделал? Прежде всего потому, что я был уже не молод, мне нужен был наследник, а Алиенора рожала одних дочерей. Как поступают в таких случаях? Ты и сам знаешь – изгоняют жену и берут взамен другую, способную рожать мальчиков.

– Веская причина. Какова же вторая?

– Аквитания довольно далеко от нашего королевства, управлять ею трудно, попросту невозможно, поэтому она не могла быть присоединена к нашим землям. Третье. При наследовании Аквитания отошла бы к одной из королевских дочерей, значит, к одному из зятьев. Кто сможет поклясться в том, что зять этот окажется более преданным короне, чем Генрих

Английский? Четвертое. Я смог взять себе жену из дома графов Шампанских; они, как тебе известно, никогда не жили в мире с анжуйцами. Это сулило огромные выгоды нашему дому. Но невесте было всего тринадцать лет, поэтому я взял в жены Констанцию Кастильскую. К тому времени ей исполнилось пятнадцать, и она в страшных муках родила мне... девочку. Мною овладело отчаяние. Требовалось срочно принимать меры, ведь наследнице графов Шампанских было уже двадцать лет, а развода папа мне не давал. Констанция снова забеременела. И вот тогда... Господи, прости мне этот грех, хотя Ты видишь, что мои руки не запятнаны кровью невинной жертвы...

– Ты приказал ее убить, если родится девочка? – воскликнул Филипп, содрогаясь от этой мысли, но внутренне оправдывая отца, поскольку речь шла о короне.

– Нет, – отмел его догадки Людовик, – это сделали без моего ведома. Мои советники... Они все прекрасно понимали. Однажды они привели во дворец некую Эрвину, уверяя, что она очень хорошая повитуха. Так оно и было на самом деле, и они поставили ей условие: появится мальчик – ее озолотят, а если девочка...

– Если девочка?...

– Эрвине приказали убить Констанцию сразу же после родов. Она знала, как это сделать. Такого рода поручения она уже выполняла: роженица даже ни о чем не догадывалась, просто исходила кровью и быстро угасала. Так произошло и в тот раз. Тотчас было объявлено, что королева умерла во время тяжелых родов. Долго горевать не позволяло время, и в том же году я женился на твоей матери. А еще через пять лет на свет появился ты.

– Значит, – спросил Филипп, – если бы не эта самая повитуха... не эта Эрвина?...

– Тебя бы не было на свете.

Помолчав, Филипп снова спросил:

– И эта Эрвина жива? Где она сейчас? Ее никто не преследовал, ведь она обладает страшной тайной?

– Хотели было расправиться с ней несколько дней спустя, да она сошла с ума. Так, во всяком случае, говорят те, кто видит ее. Бродит она по дорогам Франции с посохом в руке и, как утверждают, предсказывает будущее. Видимо, отняв ум, Бог открыл ей этот дар.

– Где же она живет? Есть у нее дом?

– Никто этого не знает. Она дружит с Мерлином, добрым подземным духом, хоть он и спит, и ищет королеву Моргану, чтобы отомстить ей. Ведь та приказала заточить Мерлина в подземелье и усыпить там.

– И ты обо всем этом знал? Хранил тайну до сих пор?

– Об этой Эрвине? Мне поведала о ней перед смертью одна из тех, кто помогал тогда этой сумасшедшей. Она одна осталась в живых и то потому, что в суете незаметно исчезла из дворца. Другие не догадались, и их утертвили.

– А моя сестра Адель Вексенская? Та, что родилась? Знает ли она о том, как умирала ее мать?

– Она знает то, что известно всем. Но мы отвлеклись, и я еще вернусь к ней. Есть пятая причина моего развода с Алиенорой, и последняя. Разорвав этот брак, я очистился от греха. Грех этот мой – Витри, где я велел поджечь собор, в котором заживо сгорели невинные жители – женщины, старики, дети...

– Расскажи об этом.

– Всеу виной аквитанская шлюха и ее сестра Петронилла, которой вздумалось выйти замуж за графа де Вермандуа. А тот был женат на племяннице графов Шампани и Блуа. Алиенора умоляла меня вмешаться. И вот она, новая война! Тут моя женушка обвинила во всем графа Шампанского, даже пожаловалась папе, а меня заставила пойти войной на Шампань. Мы подошли к городку Витри и хотели уже пройти мимо, но эта стерва стала уговаривать

меня истребить всех жителей, а город сжечь... Немного погодя я совершил паломничество в Сантьяго-де-Компостелла²⁴, а когда развелся, окончательно смыл с себя этот грех.

– И это по вине Алиеноры Аквитанской? Не первая, полагаю, подлость с ее стороны.

– Франция не видела еще существа более гадкого и презренного, нежели провансальская трубадурка. Я расскажу тебе о ней, больше никому. Ты должен знать, потому что впереди у тебя борьба с ней, ее мужем и их сыновьями.

– И все же жаль Аквитанию – независимый, богатый, самобытный край с выходом к морю. Собственно, это страна никому не подчиняется – ни Англии, ни Франции. Не крылась ли, отец, опасность в потере Аквитании? Я имею в виду ваш развод.

– Она крылась не в этом. Знать Гиени, Пуату и Сентонжа перешла в руки английского короля – вот что было страшно. Здесь же оказались Анжу и Мэн, которые объединились с Нормандией. Понимаешь, что из этого вышло? Огромное государство рядом с державой Гуго Капета! Страшное и агрессивное. Его границы – весь запад Франции от Пикардии до Тулузы. И владеет им человек деятельный и решительный. Дабы увеличить свою мощь, он заставил графа Тулузского дать ему клятву верности. Но и это не всё. Он задумал захватить Овернь и Берри и заключил союз с Савойей. Как думаешь, против кого? Против меня. И я бы не устоял, если бы не взял в союзники архиепископа Бекета и... не догадываешься, кого еще? Мязежных сыновей Генриха, каждый из которых требовал у отца свою долю земель. Это нам на руку, Филипп, потому что ломает единство власти во владениях анжуйского дома.

– Я понимаю свою задачу, отец, – промолвил юный король. – Я буду бороться за увеличение своих владений, но для этого я должен развалить державу Плантагенетов, повергнуть ее к своим ногам!

– Делай ставку на внутреннюю слабость своего западного врага, на неизбежные распри сыновей с отцом. Авессаломовы братья²⁵. Заключай союзы то с одним, то с другим. Подтачивай силы колосса, и он в конце концов рухнет. Война – это уже в крайнем случае. Тебе надо беречь силы. Территория нашего королевства не так уж велика. Что мы имеем? Иль-де-Франс, Орлеан и часть Берри. Для остальных десяти фьефов ты только сюзерен, и эти собачки могут больно покусать тебя. Начни с них. Покажи им, кто хозяин, и они присмирят, поджав хвосты. Потом делай их своими союзниками в будущей борьбе. Не церемонься с ними, но действуй больше головой, применяй хитрость, обман, иди на мнимые уступки. Помни, не числом, а умением надо побеждать врага. Веди переписку с зятьями, сестрами; одна из них королева Англии. И будь жесток со своими врагами, если не удастся перетянуть их на свою сторону.

– Жестокость... – эхом повторил Филипп. – Не слишком веселое слово. Во всяком случае, я не горю желанием прославить себя подобно Ироду Иерусалимскому.

– Одно время и я был жесток, потакая прихотям своенравной супруги, – расправился с жителями Пуатье, пожелавшими объединиться в коммуну, а потом пошел на Тулузу: Алиеноре захотелось отвоевать тулузские владения, принадлежавшие жене ее деда Гийома. Потом эта история с Петрониллой, когда я напал на Витри. Затем выходка с архиепископством Буржа. В результате эта взбалмошная идиотка поссорила меня с папой, и тот наложил интердикт на все королевство.

– В то время она заставила тебя, вопреки желанию папы, поставить архиепископом своего человека – того, который устраивал ее, а не Святой престол.

– Видишь, сколько глупостей я совершил, поддавшись влиянию своей молодой жены? Признаться, я любил ее тогда и потому смотрел сквозь пальцы на все ее причуды. И в эти дни, когда я стоял уже на краю пропасти, куда меня все упорнее толкала аквитанская негодница,

²⁴ Испанский город Компостелла – святыня, где был похоронен апостол Иаков. Излюбленное место паломничества европейских государей.

²⁵ В то время как между детьми Вирсавии и Давида начались междоусобицы, Авессалом посягнул на трон отца (Ветхий Завет).

рядом со мной оказался Бернар Клервоский. Он-то и оттащил меня от бездны, в которую я уже готов был свалиться. Вот что он сказал мне: «Вы продолжаете свирепствовать, разжигаете пожары, разрушаете Церкви, изгоняете бедняков из их жилищ. Вы нарушили данную при помазании клятву, разорвав тем самым союз со своим народом. За это вы заслуживаете прозвище грабителя и разбойника. Знайте же, что вам недолго оставаться безнаказанным».

– И тогда ты, дабы смыть грех, решил прийти на помощь государству крестоносцев на востоке?

– Именно к этому призывал Бернар христиан в своих проповедях. Как он склонял французов, а потом и германцев выступить в поход к Гробу Господню! Так, пожалуй, не сумел бы ни один оратор античных времен. Вылитый клермонский призыв папы Урбана!²⁶ Даже немецкий народ откликнулся на его зов. Как тут было не собрать войско! Сам Конрад²⁷ прослезился и двинул свою рать в Палестину. А ведь он не помышлял ни о каком походе. Причина тому – извечная война с франками.

– Чего им делить, ведь корни обоих народов едины.

– Они и сплелись в крестовом походе. Словом, я принял крест и объявил, что сам возглавлю второй поход в Святую землю. Повод к этому был: года за два до нашего выступления мусульмане взяли приступом Эдессу. И мы отправились в Палестину, чтобы отобрать город и наказать сарацин.

Поход окончился бесславно, тебе об этом известно. Причин множество; в основном наша глупость. Мы были наголову разбиты турками. Тысячи крестоносцев нашли там свою смерть – глупую, бессмысленную. Но что самое обидное: я снова не смог отказать Алиеноре, когда она стала требовать, чтобы я взял ее с собой. Ее и сотни две ее фрейлин. Целая женская гвардия! Ну скажи, зачем? Где была моя голова? На кой черт нам было тащить за собой этот отряд, полагавший, что путешествие обернется всего лишь увеселительной прогулкой? Короче говоря, это была еще одна прихоть Алиеноры, и не последняя. В Антиохии она стала любовницей своего молодого дяди Раймонда де Пуатье. Кроме того мне постоянно доносили, что она не отказывает в любви даже рыцарям, которых мы вели за собой.

Вскоре я перестал пользоваться ее советами. Ее это настолько возмутило, что она обозвала меня не королем, а монахом и потребовала развода.

Дальше тебе все известно. На сцену выступает Генрих Анжуйский. Не задумываясь, она задирает перед ним платье и становится его любовницей, а потом и королевой Англии. Это был пятьдесят четвертый год. Далее – Тулуза. Этот наглец вздумал заявить свои претензии. Мне пришлось вмешаться, и граф Раймонд защитил свое графство. Тогда Генрих бросился на своего брата Жоффруа, который требовал Анжу и Турень. Генрих – хитрая лиса – тотчас прибежал ко мне в поисках союза против брата и даже принес мне оммаж²⁸, который вскоре был им забыт. Не прошло и года, как он силой захватил мои замки и насильно обвенчал своего сына Генриха с твоей сестрой.

– С Маргаритой?

– Ей было тогда всего три года.

– А что это за замки?

– Ее приданое, которое я обещал.

– Похоже, он тот еще негодяй, – скрипнул зубами юный король. – Отец, мне придется сразиться с Плантагенетом. Клянусь, я снесу башку англичанину!

– А сейчас послушай, что было дальше. Ничего не пропускай. Помни, другого такого разговора у нас уже не будет. Словом, мне приходилось мириться с выходками Генриха: сил моих

²⁶ Имеется в виду страстный призыв папы Урбана II к Первому крестовому походу.

²⁷ Конрад III Вялый, германский император (1138–1152), внук Генриха IV.

²⁸ Оммаж – формальный акт, посредством которого вассал, вкладывая свои руки в руки сеньора, клянется ему в верности.

было явно недостаточно, чтобы вступать с ним в борьбу. А он тем временем женил своего сына на Констанции Бретонской. Для чего? Для того чтобы герцоги Бретани стали его вассалами. Потом расширил границы Нормандии и Центральной Франции, подписал договоры со всеми государями, окружавшими наше королевство, а в шестьдесят третьем году заключил союз с Фландрией. Все это для будущей борьбы с Капетингами, которых он вознамерился уничтожить. Так и вышло, что Фландрия изменила своим вассальным обязанностям по отношению к Франции. За измену Генрих платит графам Фландрским ежегодно пятьсот марок серебром. Он добрался и до Аквитании. Дабы лишить ее поддержки французского короля, он обручил своего сына Ричарда с моей дочерью от второго брака Адель. В эти же годы он поставил на колени Ирландию, объявив себя ее правителем. А потом выдал замуж свою дочь Элеонору за кастильского короля. В качестве приданого – Гасконь. Видишь теперь, сын, каково наше положение?

Вскочив с места, охваченный волнением Филипп заходил по комнате. Легкий ситцевый плащ с золотыми лилиями на синем фоне полоскался у него за спиной; язычки свечей в панике метались из стороны в сторону, вот-вот готовые погаснуть.

– Он окружил наши земли со всех сторон: Испания, Аквитания, Бретань, Фландрия, Германия! Его владения закрывают для Франции выходы к морю по Сене и Луаре, а значит, лишают корону доходов от торговли! Отец, ведь этак он задушит французское королевство!

– Ты должен стать умнее его и его сыновей. Знай, Анжуйская держава не так уж неуязвима. Теперь, когда подросли сыновья, в семье Генриха начались раздоры. Генрих Молодой, самый старший из сыновей, был коронован. Отец дал ему Англию, Нормандию, Анжу, Мэн и Турень. Второму сыну, Ричарду, – Аквитанию и Пуату. Но то – лишь тень власти. Оба сына сразу поняли это, когда отец потребовал уступить кое-какие земли из их доли младшему брату Джону, которого Генрих решил женить. Старший сын возмутился и бежал от отца к моему двору. Ричард остался недоволен тем, что отец собирался отдать испанцу Гасконь. Поэтому оба сына и Жоффруа с ними оказались у меня. Алиенора поддержала их и стала готовить восстание против мужа, привлекая сюда и аквитанских баронов. Положение стало серьезным. Но у Генриха было мало рыцарей, к тому же они обязаны были служить ему всего сорок дней в году. С таким войском не выступишь в поход, поэтому он стал прибегать к помощи наемников. Черт знает сколько собрал он их под свои знамена. Алиенора собралась бежать в Париж, но Генрих приказал арестовать ее и заточить в тюрьму. Семь лет она уже там. Сколько пробудет еще – не знает никто.

– А что же Англия? – спросил Филипп. – Несомненно, король обложил горожан непомерными поборами. Где иначе ему взять денег на войну?

– Так оно и было, – согласно кивнул Людовик. – Народ во главе со знатью взялся за оружие. А здесь против Генриха образовался грозный союз: Франция, Фландрия, Булонь и Шампань. Возглавляли его Генрих Молодой и его брат Ричард. Генрих двинул свои войска и одержал над нами победу. Преданные ему министры разгромили войска мятежников и в Англии. Бог был за него. А вскоре заключили мир, и оба сына короля присягнули ему на верность.

Людовик замолчал. История осталась в прошлом. Теперь следовало сказать о нынешнем дне. Филипп молод, но в его руках остается держава Капетингов, и он должен суметь защитить ее от врагов. Самый опасный – Фландрия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.